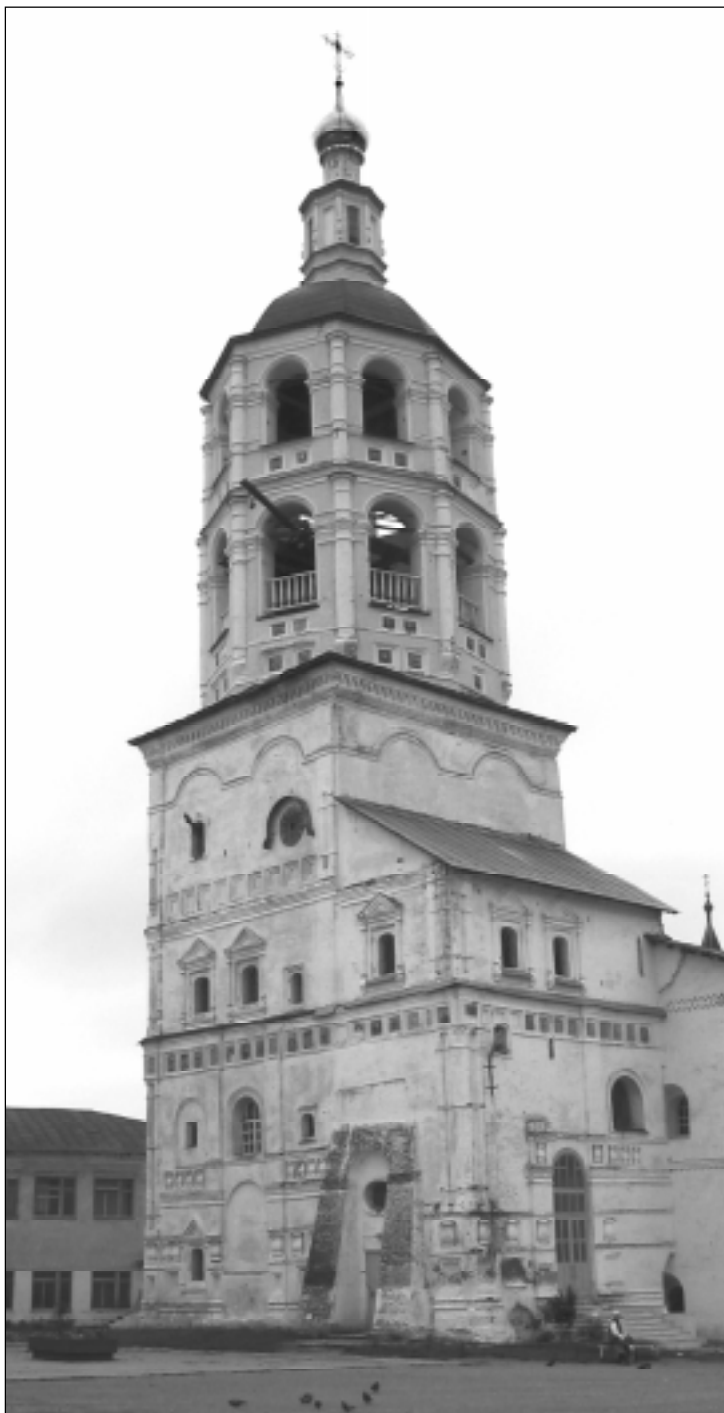

В О Р О Б Е С К

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Выпуск 5 2005

*Колокольня Пафнутьев-Боровского монастыря. XVII в.
Построена на вклады К.О. Щербатова. Фото 2004 г.*

*Спасо-Преображенская церковь. Вторая половина XX в.
Из фондов Боровского историко-краеведческого музея.
(К статье А.В. Матисона)*

ф. Мирон

Художник В.С. Миронов

НАШИ АВТОРЫ

Антонов Антон Владиславович — кандидат исторических наук, Российский государственный архив древних актов.

Демченко Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, г. Калуга.

Зиновкина Наталья Владимировна — главный архивист Государственного архива Калужской области, член редколлегии сборника «Боровск: страницы истории».

Королёв Геннадий Иванович — доктор исторических наук, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

Матисон Андрей Викторович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Главархива г. Москвы.

Осипов Виктор Иванович — директор Боровского историко-краеведческого

музея, главный редактор сборника «Боровск: страницы истории».

Печников Михаил Викторович — кандидат исторических наук, г. Москва.

Прошкин Олег Леонидович — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Калужского областного краеведческого музея.

Сафонова Галина Борисовна — заведующая сектором фондов Калужского областного краеведческого музея.

Смирнов Александр Александрович — заместитель директора по науке Государственного Исторического музея.

Хохлова Татьяна Михайловна — заместитель директора по фондовой работе Калужского областного краеведческого музея.

Храбров Алексей Ефимович — краевед, г. Балабаново.

Выпуск 5

Боровск, 2005

Главный редактор
В.И. Осипов

Редакционная коллегия:
Н.В. Зиновкина
А.И. Осипова
Н.С. Студёнов

Б О Р О В С К : СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Историко-краеведческий сборник

УЧРЕДИТЕЛИ:

**БОРОВСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
(БОРОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)**

© При использовании материалов
сборника «Боровск: страницы
истории» ссылка на сборник
обязательна.

Адрес редакции:
249010, Россия, Калужская область,
Боровск, пл. Ленина, д.7.
Тел. для справок:
(8-084-38) 4-32-36

Б О Р О В С К И :

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Выпуск 5

ГОРИЗОНТ НАХОДОК

- О.Л. Прошкин**
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
БОРОВСКОГО ГОРОДИЩА 4

ПОСАД

- А.В. Матисон**
РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНЕАЛОГИИ
ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО
ДУХОВЕНСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ
ПИСЦОВЫХ И ПЕРЕПИСНЫХ
ОПИСАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СВЯЩЕН-
НО-ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ
Г. БОРОВСКА) 17

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.В. Антонов**
К БИОГРАФИИ А.П. КЛЕШНИНА 24
- А.Е. Храбров**
МИФ О НАСЛЕДСТВЕ
БОЯРЫНИ Ф.П. МОРОЗОВОЙ
(ПОСТАНОВКА ВОПРОСА) 41

КАПИТАЛ

- В.В. Демченко**
БОРОВСКИЙ БАНК В УСЛОВИЯХ
РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ 46

МОНАСТЫРЬ

- В.И. Осипов**
ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. 55

- Г.И. Королёв**
ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОДБОРОВСКИХ
СЛОБОД ПАФНУТЬЕВА
МОНАСТЫРЯ В XVII В. 87

- М.В. Печников**
СБОРНИК XVI В. – ВКЛАД
МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ В
ПАФНУТИЕВ-БОРОВСКИЙ
МОНАСТЫРЬ 94

- Т.М. Хохлова**
ВКЛАДНЫЕ ДАРЫ В ПАФНУТЬЕВ-
БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ИЗ СО-
БРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНО-
ГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 108

- Г.Б. Сафонова**
ВОДЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ В ХОЗЯЙСТ-
ВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МОНАСТЫРЕЙ КАЛУЖСКОГО КРАЯ .. 114

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Н.В. Зиновкина**
ВОЗВРАЩАЯСЬ К «КАЛУЖСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ» 123

- А.А. Смирнов**
ЛЕГЕНДА СНОВА ОБРЕТАЕТ
РЕАЛЬНОСТЬ 125

К ЧИТАТЕЛЯМ

Предыдущий, четвёртый, выпуск сборника «Боровск: страницы истории» был издан в 2002 г. Многие наши читатели могли подумать, что мы прекратили его выпускать. На самом деле всё это время мы работали: собирали материалы, готовили их к печати.

Нам хотелось, чтобы сборники выходили ежегодно, но есть причины, по которым это пока невозможно. Одна заключается в том, что у каждого члена редколлегии множество обязанностей по месту основной службы. При этом ситуация в сфере культуры осложняется месяц от месяца, и на решение возникших проблем уходит много сил и времени. Другая причина – это состав публикуемого в сборнике материала. Нельзя сказать, что материала мало. Наоборот. К тому же краеведческая литература, если можно так сказать, стала пользоваться спросом (по крайней мере, в области). Стало престижным иметь книгу, альбом или хотя бы буклет о городе, селе, деревне, церкви. То, что характерно для всей области, отражается в Боровском районе как в капле воды. Поэтому перед редколлекцией стояла трудная задача отобрать наиболее интересные работы историков и краеведов. Предпочтение отдавалось тем, которые не только открывали что-то новое, но и написаны были интересно.

О том, каким получился сборник, судить вам.

С уважением,

В.И. Осипов, главный редактор

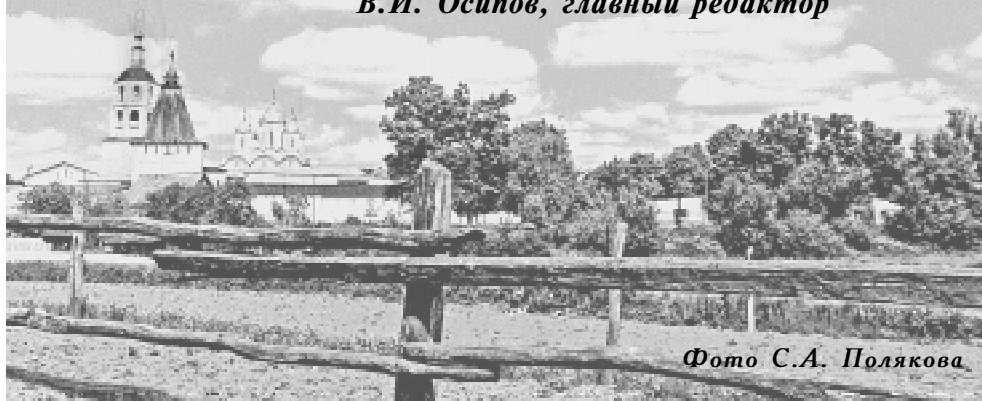

Фото С.А. Полякова

О.А. Прошкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОРОВСКОГО ГОРОДИЩА

Боровское городище, неоднократно привлекавшее внимание исследователей, является одним из интереснейших памятников истории России. В первую очередь, это достаточно ценный в научном отношении археологический объект, содержащий культурные напластования с находками от периода раннего железного века до времени позднего средневековья. С XIV в. это укрепленный административный центр города Боровска и его округа, где располагалась деревянная крепость, что, в свою очередь, позволяет отнести его и к памятникам фортификационного искусства. Кроме того, городище является неотъемлемой частью исторического ландшафта Боровска.

Памятник находится в северной части города (между ул. Советская и ул. Коммунистическая) на правом берегу р. Протвы, на высокой естественной возвышенности. Высота площадки городища над рекой достигает 30 м, а её площадь составляет около 1,8 га. Оборонительные сооружения (вал и ров) не сохранились. В настоящее время городище застроено жилыми и административными зданиями XIX—XX вв. (рис.1).

Первое археологическое обследо-

вание городища провёл П.А. Раппопорт в 1950-х годах. Исследователь высказал предположение, что оно возникло в XIV—XV вв. на ранее существовавшем здесь поселении дьяковской культуры раннего железного века (1). В результате исследований, проводившихся нами в 1985 г. и 1990 г., на городище был выявлен и изучен культурный слой мощностью до 2,5 м, содержащий остатки каменных фундаментов, строительный мусор, обожжённые камни, железные и стеклянные шлаки, кости людей и животных. Датировка слоя дана на основании находок фрагментов лепных сосудов конца I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. (дьяковская культура), обломков круговой древнерусской XII—XIII вв. и позднесредневековой XIV—XVII вв. посуды, фаянсовых изделий и изразцов XVIII—XIX вв. (2).

Первое упоминание о боровском городище мы находим в переписной книге 1646 г., где сказано, что: «У *городища* (курсив мой. — *О.П.*), что бывал гор. Боровск, посад» (3). В писцовой книге 1685 г. имеется более подробное описание этого места: «Город Боровск на реке на Поротве, осыпь земляная, а по осыпи городского строения и башен

нет. А в городище строения — приказная изба да тюремный острог». Кроме того, там же находились каменная Никольская церковь, бывшее кладбище, воеводский двор и «место дворовое осадное Фрола Матвеева с. Синявина меж тайника и тюрем» (4). В описании 1775 г. также упоминается «городище насыпное мерою в длину 71, поперек 51 сажень» и отмечено, что «ныне на том городище» находятся воеводская канцелярия, архив, тюрьма и винный «магазин» (5). Несколько иные размеры городища приведены в «Топографическом описании Калужского наместничества»: «длиною на 105, поперек на 50, а высоты в 13 сажень» (6).

На городище стояла деревянная крепость, сгоревшая в 1634 г. Описание крепости мы находим в дозорной книге г. Боровска 1621 г.: «Город Боровеск, на реке на Паратве, рублен городнями, а у города двои ворота — одни косые к торговцу с двумя затворы, да перед вороты ж зарублены тарасы, а у тарасов щит опускной, другие ворота к реке Паратве прямые с одним затвором; а на обоих воротех башни, на городе ж 4 башни глухих, да у города ж к реке к Паратве тайник» (7). Аналогичное описание приведено и в писцовой книге 1625 г. (8). Следы тайника, идущего по северному склону городища к р. Протве, можно увидеть и в настоящее время.

Когда же были возведены оборонительные сооружения на городище, или другими словами, с какого времени на этом месте появилась крепость? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы кратко просмотреть историю не только самого города, но и его широкой округи, а именно — бассейна среднего

течения р. Протвы на основании данных письменных источников с Древней Руси до позднего средневековья.

Первое письменное упоминание о Боровске встречается в духовной грамоте Ивана II, составленной около 1358 г., где он завещает своему сыну Ивану «село на Репне в Боровьске» (9). О передаче самого Боровска кому-либо из своих сыновей или родственников Иваном II в двух вариантах грамоты ничего не говорится. Возможно, что в период княжения Ивана II Боровск принадлежал ему, хотя прямых сведений об этом нет.

С 1367 г., а возможно и ранее, Боровском владеет князь Владимир Андреевич Храбрый, который получил его в удел от великого князя Дмитрия Ивановича (Донского). О том, что до этого времени им владел Дмитрий Донской, говорит его договорная грамота с Владимиром Храбрым от 25 марта 1389 г. В грамоте сказано, что Дмитрий Донской «пожаловал» Владимиру Храброму «Лужу и Боровескъ» (10). Когда именно произошло это событие, в грамоте точно не указано. Вероятнее всего, это были 1360-е годы, когда великий князь и составил грамоту 1367 г., в которой заверял Владимира Храброго в своей дружбе: «быти ны заодинъ» (11). Докончание 1367 г. также отражает и выход Дмитрия Донского на арену самостоятельной политической деятельности. Видимо, Боровск отошёл в числе прочих населённых пунктов и земель в 1358—1359 гг. Дмитрию Донскому от его отца, Ивана II. В духовной грамоте последнего среди указанных населённых мест, отошедших Дмитрию Ивановичу, есть упоминание о Можайске и волости с сёла-

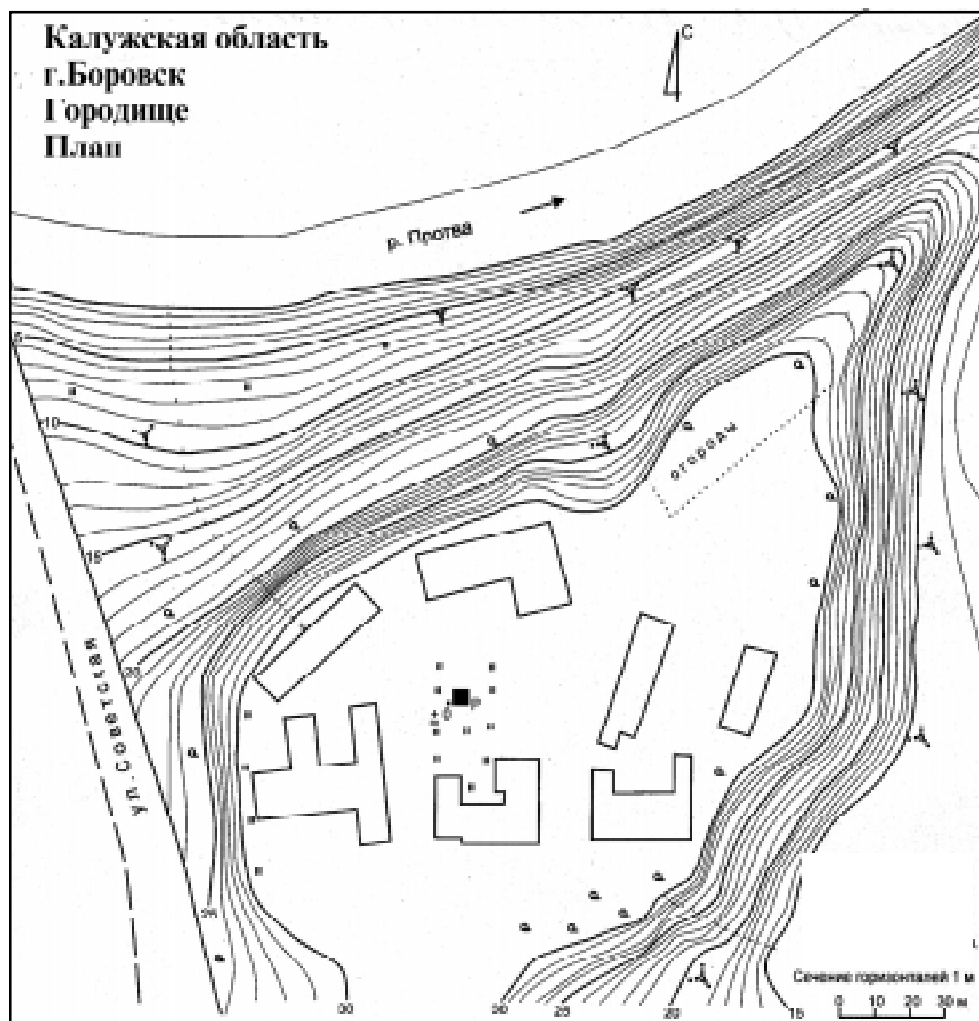

Рис.1. План Боровского городища.

- — Раскоп 2001 г. на месте часовни
- +0 — нулевой репер
- — существующая застройка XIX–XX вв.

ми, которые не называются. Если в их число входил небольшой тогда «Боровескь», то соответственно Дмитрий Донской и являлся его обладателем с 1359 г. по 1367 г.

С 1367 г. по 1410 г. князь Владимир Храбрый носил титул князя Серпуховского и Боровского. Имен-

но в этот промежуток времени Боровск становится, может быть, ещё не крупным, но уже городским центром. Во всяком случае, в конце XIV в. «Боровеск» упомянут в «Списке русских городов дальних и ближних» в числе «Залесских» вместе с Лужей, Любутском, Новосилем и другими

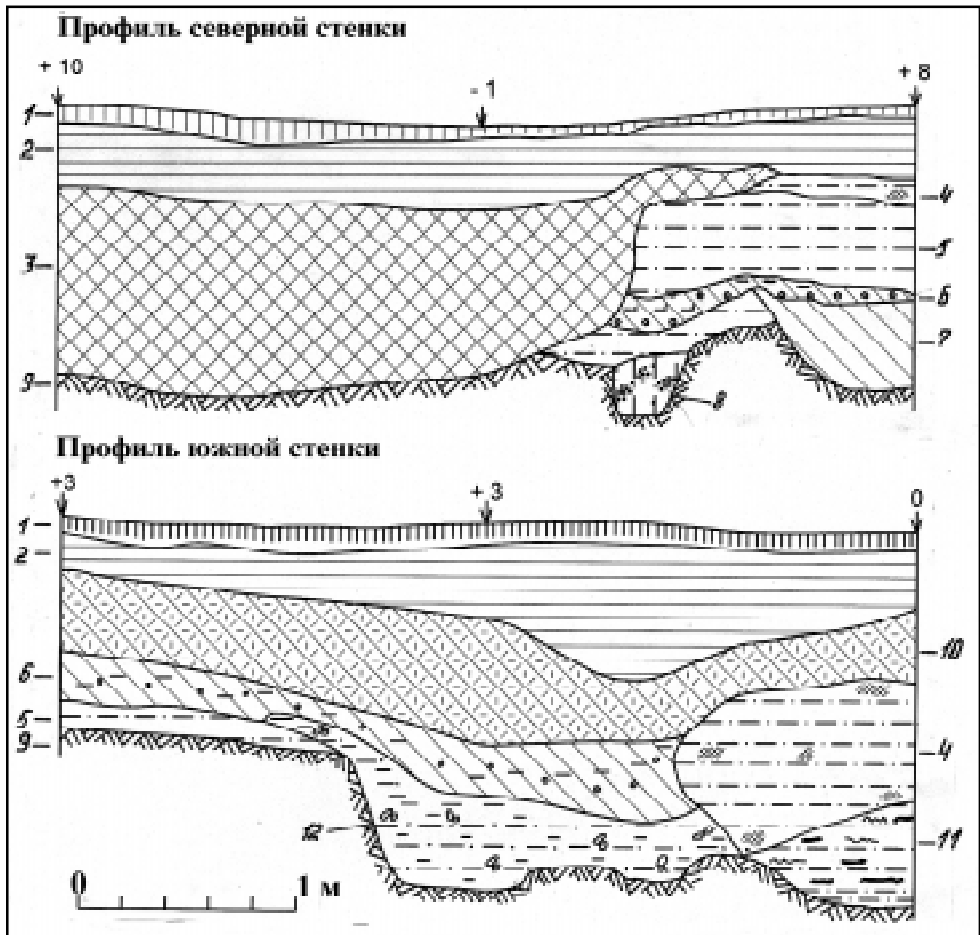

Рис.2. Профили стенок раскопа. Условные обозначения: 1 — дёрн, 2 — балласт, 3 — мешанное заполнение современной ямы (яма №7), 4 — суглинок чёрный с известью, 5 — суглинок чёрный, 6 — суглинок тёмно-серый с материковой глиной и мелким гравием, 7 — суглинок тёмно-серый (заполнение ровика), 8 — супесь серая с жёлтым песком (заполнение ямы №2), 9 — материк — глина коричневая, 10 — суглинок тёмно-серый со строительным мусором, 11 — суглинок чёрный с зольно-углистыми прослойками (заполнение ямы №6), 12 — суглинок чёрный с вкраплениями материковой глины и мелкой галькой (заполнение ям №5 и №8).

городами (12). Безусловно, что в этот период истории города он был уже укреплён, то есть имел свою крепость и являлся административным центром определённой округи. Не исключено, что и сами укрепления могли появиться при князе Владимире Храбром, в начальный пе-

риод становления удельного Серпуховско-Боровского княжества. Это пока лишь только одна версия ответа на интересующий нас вопрос!

В 1410 г. «Боровескъ с тамгою, и с мыты, и с селы», а также со всеми волостями перешёл к сыну Владимира Храброго Симеону, ко-

торый владел им до 1428 г. (13). В начале 1430-х годов Серпуховско-Боровским удельным князем стал внук Владимира Храброго, Василий Ярославич, владевший Боровском до 1456 г., когда Василий II отнял его у него. В духовной грамоте Василия II (3 мая 1461 г. — 27 марта 1462 г.) сказано, что великий князь отдаёт Боровск с владениями, «как было за князем за Васильем», своему сыну Ивану III (14). В письменных источниках XV в. Боровск неоднократно упоминается в качестве города, имевшего как развитую внутреннюю инфраструктуру, так и ближайшую округу, куда входили сёла и монастыри. Яркий пример этому — сообщение летописи под 1477 г. о смерти Пафнутия, игумена Рождественского монастыря в с. Роща «на реце на Поротве близ града (курсив мой. — *О.П.*) Боровска только за 2 версты» (15).

Для того, чтобы выдвинуть вторую версию о времени сооружения крепости в Боровске, следует ответить на вопрос о территориальной принадлежности данного места до середины XIV в. По А.Н. Насонову, именно в среднем течении р. Протвы проходил отрезок северной границы Черниговского княжества XII—XIII вв. Граница «пересекала р. Протву где-то в нижнем или среднем её течении, к югу от смоленского погоста Беницы и к северу от черниговского города Лобыньска, лежавшего при устье р. Протвы», — писал исследователь (16). О принадлежности верховьев р. Протвы Смоленскому княжеству в XII в. свидетельствует уставная и жалованная грамота Смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением в Смо-

ленске епископии, от 1136 г. (список первой половины XVI в.). В грамоте упоминается населённый пункт «Беницы», локализованный на месте с. Беницы на р. Протве (17). В Ипатьевской летописи под 1147 г. сказано о том, что Святослав Ольгович, идя воевать по наказу Юрия Долгорукого Смоленские земли, «взя люди Голядь верхъ Поротве» (18). Нижнее течение р. Протвы с упоминаемым в Ипатьевской летописи населённым пунктом «Лобынскъ» принадлежало Черниговскому княжеству. Свидетельство этому — известие летописи под 1146 г., когда Новгород-Северский князь Святослав Ольгович «пришедь ста на оустъ Поротве в городе Лобыньске и тоу присла к немуу Гюрги (Юрий Долгорукий. — *О.П.*) дары многы» (19). Святослав не единожды возвращался в Лобынск, где он ожидал послов от Юрия Долгорукого, а также от половцев.

Между Беницами и Лобынском на р. Протве, а именно в её среднем течении в XII—XIII вв. никаких населённых пунктов, принадлежавших одному из княжеств, летописи не указывают. Вероятно, что граница между обоими княжествами проходила где-то здесь, в районе современного Боровска. Точно её установить пока невозможно. Но здесь же, недалеко от Бениц, к северо-востоку проходила граница ещё и с Ростово-Суздальским княжеством, а восточнее устья р. Протвы, где был черниговский Лобынск — с Рязанским. К какому княжеству относилась территория современного Боровска, неизвестно. Однако в XII—XIII вв. на месте будущего городища в Боровске поселение уже существовало, о чём свидетельствуют находки фрагментов круговой древне-

русской посуды этого времени (20). Независимо от принадлежности этого поселения к одному из княжеств, оно являлось пограничным и могло переходить из рук в руки. Так, видимо, и было.

Из договорной грамоты Дмитрия Донского с Рязанским князем Олегом Ивановичем от 1382 г. известно, что Боровск до второй половины XIV в. принадлежал Рязанскому княжеству — «Новый городок, Лужа, Верея, Боровескъ, и иная места Рязанская» (21). Когда и при каких обстоятельствах эта территория, ранее находившаяся на границе Смоленского и Черниговского княжеств или принадлежавшая одному из этих княжеств, попала во владения Рязани, можно только предположить. Скорее всего, это произошло во второй половине XIII в., когда в результате монгольского нашествия Черниговское, Смоленское и Ростово-Суздальское княжества временно ослабли и начали терять «контроль» над своими окраинами, чем и воспользовалась Рязань. И тогда вполне логичным было возведение оборонительных сооружений на городище в Боровске с целью его превращения в плацдарм для захвата других пограничных территорий Чернигова или Смоленска, а позднее (с XIV в.) и для обороны от московских князей.

Археологические исследования, проводившиеся на городище в 2001 г., позволили уточнить датировку культурного слоя памятника, выявить и изучить остатки построек XIV—XV вв., то есть времени строительства крепости и образования городского центра.

Раскоп площадью 16 кв. м. был заложен в центре площадки городища, на месте планируемого

строительства памятной часовни (рис.1) (22). Культурный слой в его пределах достигал толщины 114 см, а в заполнении ям — 174 см и был сильно переотложен. Основное его заполнение на большей части раскопа состояло из современного балласта, глубже которого находился нарушенный интенсивным и многовековым строительством сам культурный слой в виде чёрного суглинка, смешанного со строительным мусором, известью, глиной, гравием и т.п. (рис.2).

В переотложенной части культурного слоя (пласты 1—4) были найдены различные изделия из железа — кованые гвозди и штыри, черешковые ножи, обувная подковка, из глины — фрагмент битрапецеидного пряслица, части коричневоглиняных изразцов с синей росписью по белому фону и обломки лепных и круговых сосудов.

С самым ранним периодом жизни на поселении следует связать находки половинки коричневоглиняного битрапецеидного пряслица (рис.3, 7) и нескольких фрагментов груболепных коричневоглиняных сосудов.

Железные черешковые ножи делятся на широколезвийные и узколезвийные, имеют клиновидное сечение лезвия и узкую спинку (4 мм). Узколезвийный нож из пласта 4 (рис.3, 3) аналогичен ножам, найденным на многих древнерусских поселениях и в городских слоях XII—XIII вв. (23).

Круговая керамика по технологии изготовления и профилировке верхних частей сосудов делится на 3 основные группы. В первую группу входят (не менее 30 экз.) фрагменты серо-, тёмно-серо-, (типа рис.4, 3) красно-коричнево- и тёмно-ко-

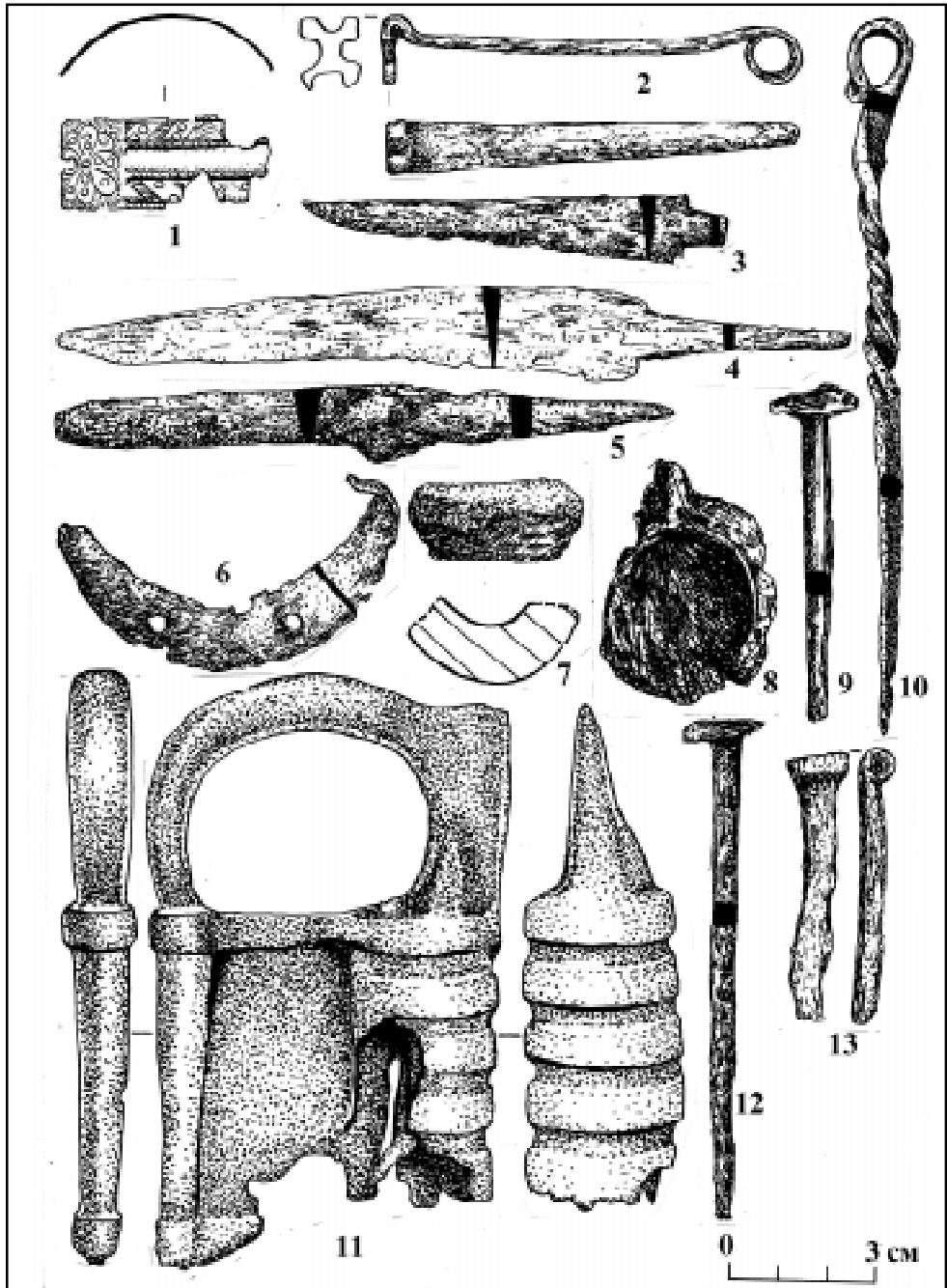

Рис.3. Отдельные находки из культурного слоя и ямы №5. 1 — фрагмент браслета (материк), 2 — ключ (яма №5), 3—5 — ножи (пласт 4, яма №5), 6 — подковка (пласт 4), 7 — фрагмент пряслица (пласт 3), 8 — фрагмент замка (яма №5), 9, 12 — гвозди (пласт 4), 10 — булавка (яма №5), 11 — замок (пласт 5), 13 — штырь (пласт 5).

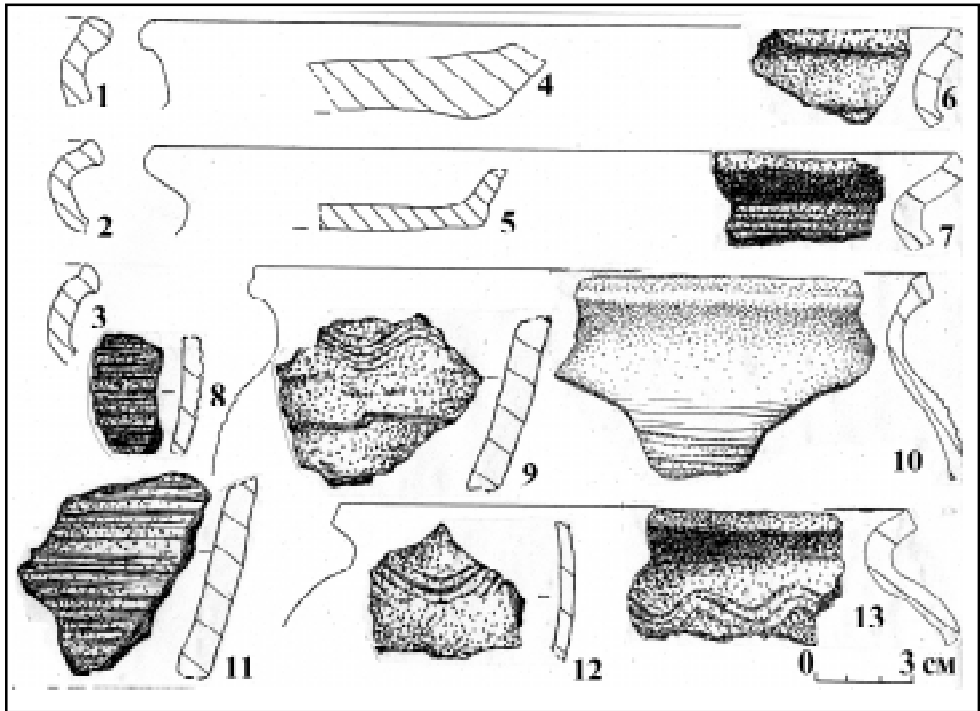

Рис.4. Фрагменты круговой посуды 1-й группы. 1 — пласт 3; 3, 10 — пласт 4; 11 — пласт 5; 2, 4, 6, 8, 9, 12 — яма №5; 5, 7, 13 — яма №6.

ричневоглиняных (типа рис.4, 1, 10), с примесями в тесте дресвы и песка древнерусских сосудов. Они несколько грубоваты по сравнению с остальной керамикой. На ряде фрагментов имеется волнистый и линейный орнамент. Аналогии такой керамике имеются в датированных XII—XIII вв. комплексах из курганов Подмосковья (24), из остатков построек культурного слоя Москвы (25) и ряда древнерусских поселений. Вторая группа (не менее 500 экз.) — это фрагменты серо- (типа рис.5, 2, 4, 7, 9), красно-, коричнево- и белоглиняных (типа рис.5, 10), почти без визуальных примесей в тесте, гладких и хорошо обожжённых и обработанных сосудов. Незначительное число фрагментов стенок орнаментированы линиями, прерывистой волной и тычками. В числе

керамики этой группы части тёмно-морёных с вылощенным орнаментом и красноглиняных с белым ангобом (типа рис.5, 8) сосудов. Большой интерес представляет венчик тёмно-сероглиняного сосуда с муравлением изнутри (рис.5, 3). По многочисленным аналогиям керамика этой группы может датироваться XIV—XVII вв. (26). И наконец, в третью группу круговой посуды входят фрагменты (не менее 53 экз.) серо- (типа рис.6, 1, 8) и коричневоглиняных (типа рис.6, 6, 9—11), в том числе с жёлто-зелёной и красно-коричневой поливой изнутри (типа рис.6, 2, 3, 5), тонкостенных сосудов XVIII—XIX вв.

Наименее нарушенным и имеющим однородное заполнение являлся предматериковый слой в виде чёрного суглинка (пласты 5—6) (рис.2).

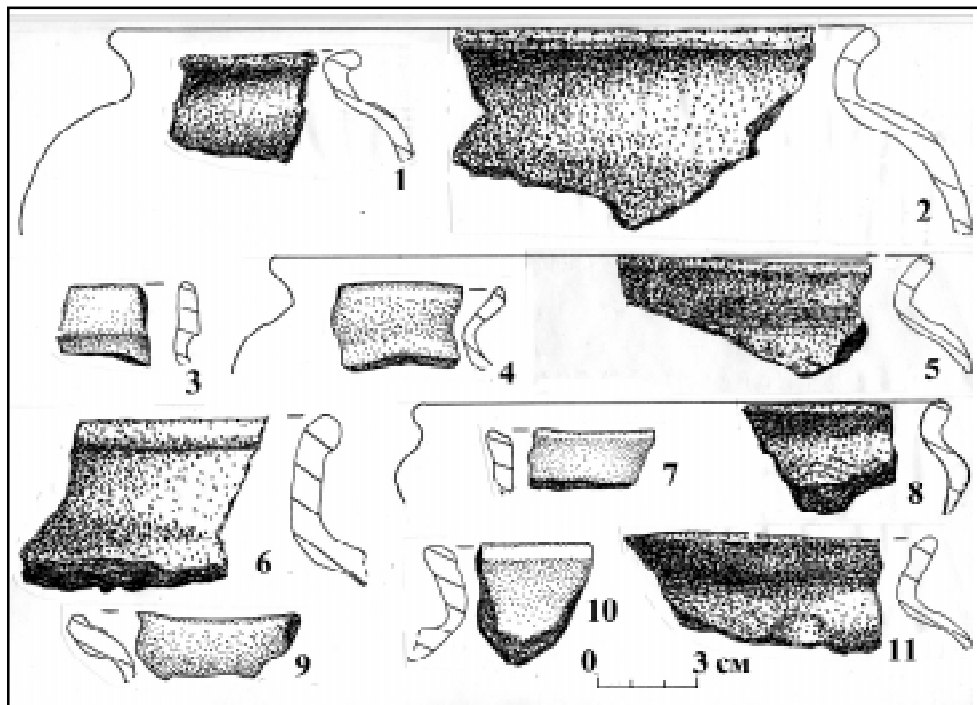

Рис.5. Фрагменты круговой посуды 2-й группы. 3, 7 — балласт; 2, 4, 8–10 — пласт 4; 1, 11 — пласт 5; 5, 6 — яма №5.

В нём были найдены железные штырь, замок и нож, фрагмент бронзового браслета, фрагменты лепных и круговых сосудов. Датированными находками являются замок и браслет. Навесной пружинный замок типа Д (по Б.А. Колчину) (рис.3, 11) датируется по новгородской хронологии серединой XIV—XV вв. (27), а фрагмент пластинчатого выпукловогнутого орнаментированного браслета (рис.3, 1) — серединой XIII—серединой XIV вв. (28).

Лепная керамика представлена фрагментами (9 экз.) грубых толсто-стенных сосудов серого и коричневого цвета с примесью дресвы в тесте, слабо обожжённых. Один фрагмент по технологии изготовления отличен от предыдущих лучшим обжигом и гладкой лощёной поверхностью чёрного цвета. Круговая кера-

мика представлена фрагментами (не менее 17 экз.) серо- и коричневоглиняных с примесью крупнозернистого песка и дресвы в тесте с линейным и волнистым орнаментом сосудов древнерусского периода (1-я группа) (типа рис.4, 11), фрагментами (не менее 100 экз.) серо-, бело-, коричнево- и красноглиняной, с различными видами орнаментации посуды XIV—XVII вв. (типа рис.5, 1, 11), при почти полном отсутствии тёмноморёной с вылощенным орнаментом посуды (2-я группа), обломками (не менее 8 экз.) серо- и коричневоглиняной поливной посуды (3-я группа) (типа рис.6, 4, 7).

В пределах раскопа на уровне материка были выявлены и исследованы остатки сооружений в виде 7 различных ям и ровика, которые группировались в двух частях раско-

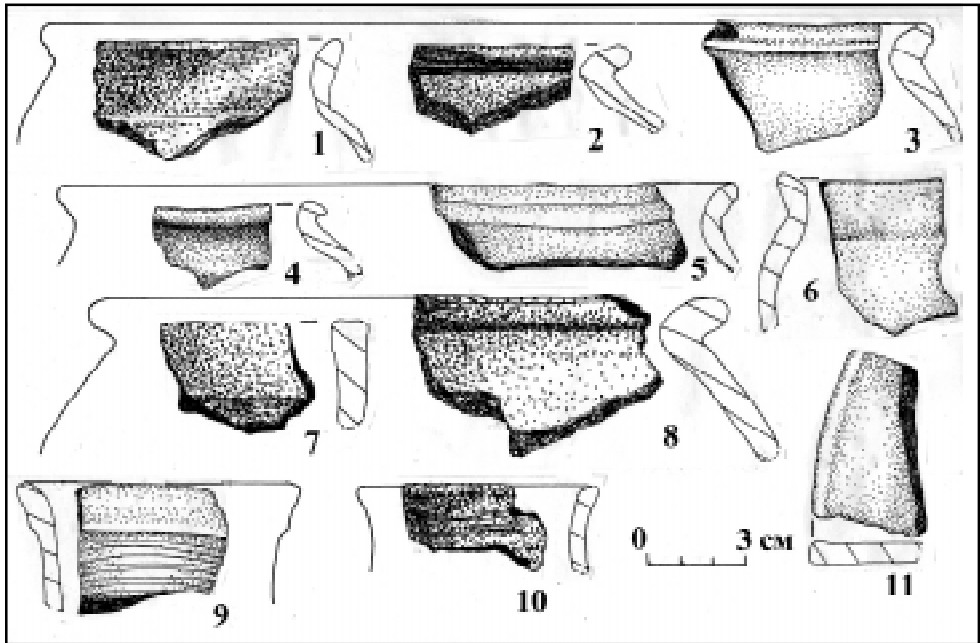

Рис.6. Фрагменты круговой посуды 3-й группы. 3 — балласт; 1, 2, 5, 6, 8—11 — пласт 3; 4, 7 — пласт 5.

па (яма №7 является современным перекопом и не рассматривается в работе) — в северо-восточной и южной и юго-западной (рис.7).

Ямы в северо-восточной части раскопа (№1, №2, №3, №3а) являлись остатками столбов и были связаны с ровиком — вероятно, оставшимся от ограды. В заполнении ровика (тёмно-серый суглинок) найдены 16 фрагментов круговых сосудов группы 2 круговой посуды раскопа. В южной и юго-западной части раскопа располагались ямы №5, №6 и №8, планиграфически связанные между собой и являющиеся, вероятно, остатками углублённой части единой наземной постройки.

Основное заполнение ямы №5 отличалось от заполнения раскопа и других ям и состояло из чёрного рыхлого суглинка с редкими вкраплениями коричневой глины и мелкой галь-

ки. Самый верхний слой ямы, перекрывавший вышеописанный, состоял из более светлого плотного суглинка, смешанного с коричневой глиной и гравием, и выходил за её пределы в раскоп (рис.2, рис.7). В нижней части этого слоя, в пределах границ ямы был найден железный черешковый узколезвийный нож с широкой спинкой (6 мм) (рис.3, 5), аналогичный ножам группы IV (VIII—XII вв.) по Р.С. Миносяну (29).

В заполнении ямы №5, в слое чёрного суглинка найдены железные пробы, массивная булавка, гвоздь, ключ и фрагмент, вероятно, навесного пружинного замка типа В или Д по Б.А. Колчину, фрагменты круговой посуды. Массивная булавка-спица (рис.3, 10), служившая для прикрепления к лопасти прялки кудели льна, датируется XIV в. (30). Ключ к навесному пружинному зам-

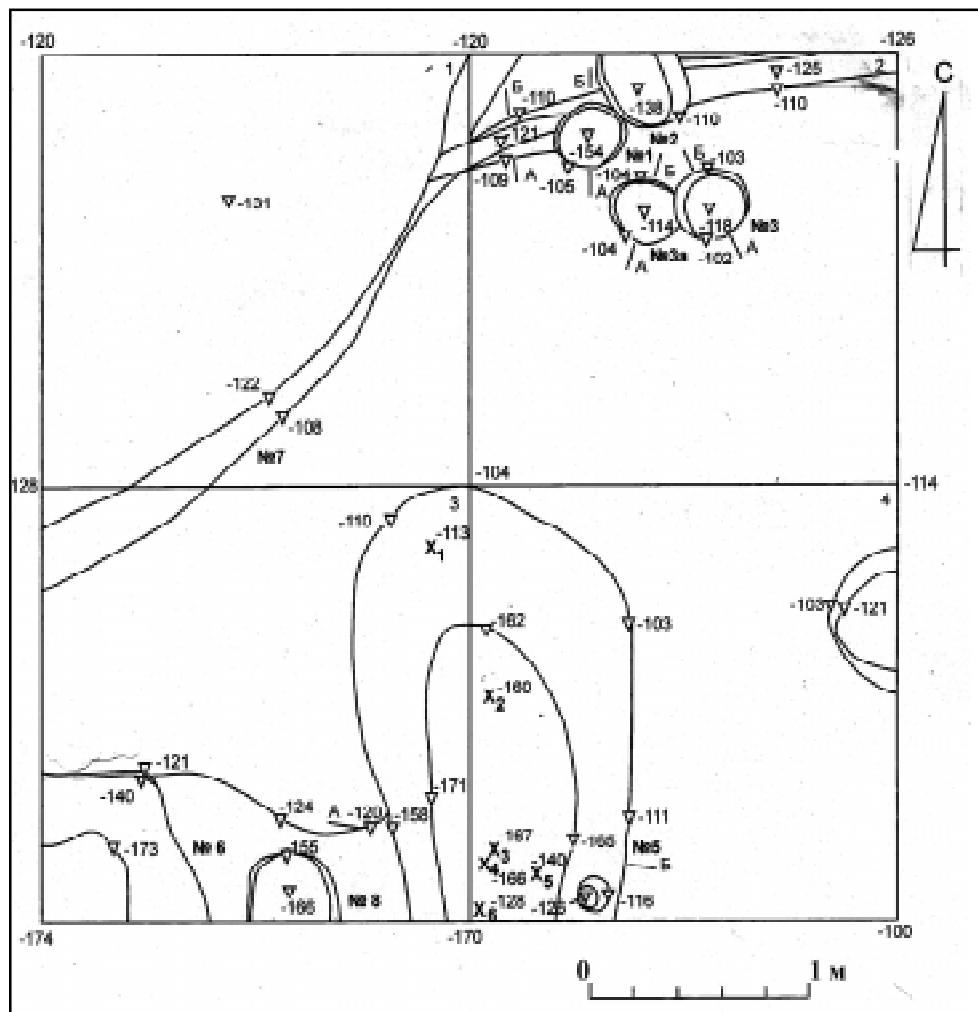

Рис.7. План раскопа на уровне материковой поверхности. Индивидуальные находки: X1 — пробой, X2 — булавка, X3 — гвоздь, X4 — ключ, X5 — фрагмент замка, X6 — нож.

ку типа В (рис.3, 2) датируется по новгородской шкале серединой XII—началом XV вв. (31). Из 195 фрагментов круговых сосудов из ямы не более 12 следует отнести к 1-й группе круговой посуды раскопа (типа рис.4, 2, 4, 6, 8, 9, 12), а не менее 180 — ко 2-й группе круговой посуды (типа рис.5, 5, 6). Следует отметить, что в заполнении ямы полностью отсутствовали фрагменты тёмно-

морёных и лощёных сосудов XVI—XVII вв. и поливных более позднего времени. Основная масса венчиков позднесредневековых сосудов имеет формы, более характерные для посуды XIV—XV вв. (32).

Таким образом, на основании проведённых исследований 2001 г. можно сделать следующие выводы. Возникновение первоначального поселения на месте боровского городи-

ща следует отнести к первой половине 1 тысячелетия н. э. Вероятно, что древний слой с находками этого времени не сохранился из-за интенсивного строительства в период позднего средневековья и XVIII—XX вв. Отложение культурного слоя на данном участке городища началось ещё в древнерусский период и наиболее активно происходило в XIV—XVII вв. К наиболее ранним остаткам построек следует отнести яму №5, датируемую по отдельным находкам и керамике XIV—XV вв., и связать её с начальным этапом развития городища как укрепленного центра Боровска.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // *Материалы и исследования по археологии СССР (МИА)*. Вып.105. М.; Л., 1961. С.46.
2. Прошкин О.Л. Отчёт о работе Калужской областной археологической экспедиции в Калужской области. 1985 г. // *Архив института археологии Российской академии наук (АИА РАН)*. Р-1. №11063. С.10—11; он же. Отчёт об археологических исследованиях в Боровском районе Калужской области в 1990 г. // *АИА РАН*. Р-1. №15798—15799. С.1—3.
3. Боровск: *Материалы для истории города XVII и XVIII столетий*. М., 1888. С.14 (Далее — Боровск).
4. Там же. С.24—25.
5. Там же. С.198—199.
6. *Топографическое описание Калужского наместничества*. СПб., 1785. С.55.
7. Боровск. С.1.
8. Там же. С.6.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. (ДДГ). М.; Л., 1960. С.15.
10. Там же. С.31.
11. Там же. С.19.
12. Тихомиров М.Н. *Список русских городов дальних и ближних* // *Исторические записки*. Т.40. М., 1952. С.225.
13. ДДГ. С.46.
14. Там же. С.194.
15. *Московский летописный свод конца XV века* // *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ)*. Т.XXV. М.; Л., 1949. С.309—310; Осипов В.И. *Опыт локализации слобод и границ г. Боровска в XVII в.* // *Материалы Боровских чтений*. (Археология, история, краеведение). Боровск, 1989. С.10—26; он же. *Боровский край в истории России*. Часть 1. Боровск, 1999.
16. Насонов А.Н. *«Русская земля» и образование территории древнерусского государства*. М., 1951. С.66.
17. *Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.* М., 1976. С.143.
18. *Ипатьевская летопись* // *ПСРЛ*. Т.2. М., 1962. Ст.339.
19. Там же.
20. Прошкин О.Л. *Отчёт об археологических раскопках и разведках в зонах новостроек Калужской области. 2001* // *АИА РАН*. Р-1. Временно б/н. С.30—37. Рис.155, 3, рис.156, 3, рис.164, 5, 8 и др.
21. ДДГ. С.29.
22. *О строительстве часовни см.: Боровск: страницы истории*. Вып. 4. Боровск, 2002. С.46—54.
23. Колчин Б.А. *Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого* // *МИА*. №65. М., 1959. Рис.34, 7.
24. Равдина Т.В. *Керамика из датированных погребений в курганах*

- Подмосковья // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. Табл.8, 2; 10, 6 и др.
25. Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII—середины XV вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. Табл.31, 1049; 32, 737 и др.
26. Там же. Табл.43, 1878 и др.; Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV—XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. Табл.126, 133, 97 и др.; Кильдюшевский В.И. Раскопки на улице Гоголя в 1977 г. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. Рис.4, 18 и др.
27. Колчин Б.А. Указ. соч. С.83—84.
28. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С.114.
29. Миносян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып.21. Л., 1980. С.73—74.
30. Колчин Б.А. Указ соч. Рис.94.
31. Там же. Рис.70.
32. Полубояринова М.Д. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М., 1992. С.141, рис.6.; Сергина Т.В. Раскопки в Окольном городе в 1978—1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. Рис.10, 7 и др.

А.В. Матисон

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНЕАЛОГИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО
ДУХОВЕНСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВЫХ И ПЕРЕПИСНЫХ
ОПИСАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ
БОРОВСКА)**

Многие источниковедческие аспекты генеалогических исследований получили широкое освещение в специальной литературе. Некоторые работы посвящены характеристике источников изучения генеалогии православных священно-церковнослужителей России, но все они касаются только документов синодального периода (1720-е годы—начало XX в.) (1).

К числу массовых источников, позволяющих исследовать генеалогию духовенства более раннего времени, относятся материалы писцовых и переписных описаний — в первую очередь, писцовые и переписные книги. Л.М. Савёлов, рассматривая эти документы в качестве генеалогических источников, дал им следующие характеристики:

- писцовые книги «в собственном смысле суть подробнейшие описания города с уездом. Предметом почти исключительного внимания этих книг служит *земля вообще* (здесь и далее курсив Савёлова. — *А.М.*), будет ли она живущая или пустая, т.е. приносящая или не приносящая доход»

- переписные книги «представляются совсем с другим характером, нежели писцовые. В то время, как в писцовой книге центром, к которому всё тяготеет, является земля, в переписной книге наоборот центральным пунктом является *труд* или иначе трудящееся или служащее *лицо*... Итак, переписная книга перечисляет, сколько известная земля приносит дохода владельцу, сколько на ней тяглых и вообще сколько и какого рода платящих лиц живёт на ней, будет ли то в городе или посаде, в селе или в деревне» (2).

Писцовые книги сохранились большими комплексами от писцовых описаний конца XVI в., 1620-х и 1680-х годов (за более ранний период — только по отдельным регионам). Переписные книги в значительном объёме остались от переписей 1640-х, 1670-х и 1710-х годов (3).

Во все писцовые и большую часть переписных книг (за исключением документов переписи 1646–1648 гг.) вошла информация о духовенстве, служившем при городских и сельских церквях. В писцовых книгах также приводятся описания

храмов, особенно подробные в книгах 1680-х годов, в переписных книгах — только их наименования. В писцовые книги раннего периода были включены данные об именах священно-церковнослужителей без указания членов их семей. В писцовых книгах 1680-х годов и переписных книгах переписи 1676–1678 гг. часто помещены имена сыновей и внуков духовенства, а в переписных книгах начала XVIII в. — также имена их жён и дочерей.

Большинство священно-церковнослужителей вносились в документы писцовых и переписных описаний без фамильных прозваний, которые появляются у духовенства в основном только в XVIII в. Однако то, что представители многих семей духовенства служили при одних и тех же храмах, наследуя приходские места, существенно облегчает изучение генеалогии священно-церковнослужителей.

В качестве примера реконструкции генеалогии духовенства в этот период остановимся на родословиях нескольких семей Боровска.

Сохранившиеся материалы писцовых и переписных описаний по Боровску были изданы Н.А. Найдёновым в серии «Материалы для истории городов» (4). Из опубликованных документов сведения о боровских клириках вошли в дозорную книгу 1621 г. (5), писцовые книги 1625 и 1685 гг., переписную книгу 1677 г., а также в сказки 1-й ревизии 1723 г. Эти источники позволяют проследить генеалогию боровского духовенства как по нисходящей (от предков к потомкам), так и по восходящей (от потомков к предкам) линиям.

Рассмотрим первый вариант на примере семьи, служившей при Хри-

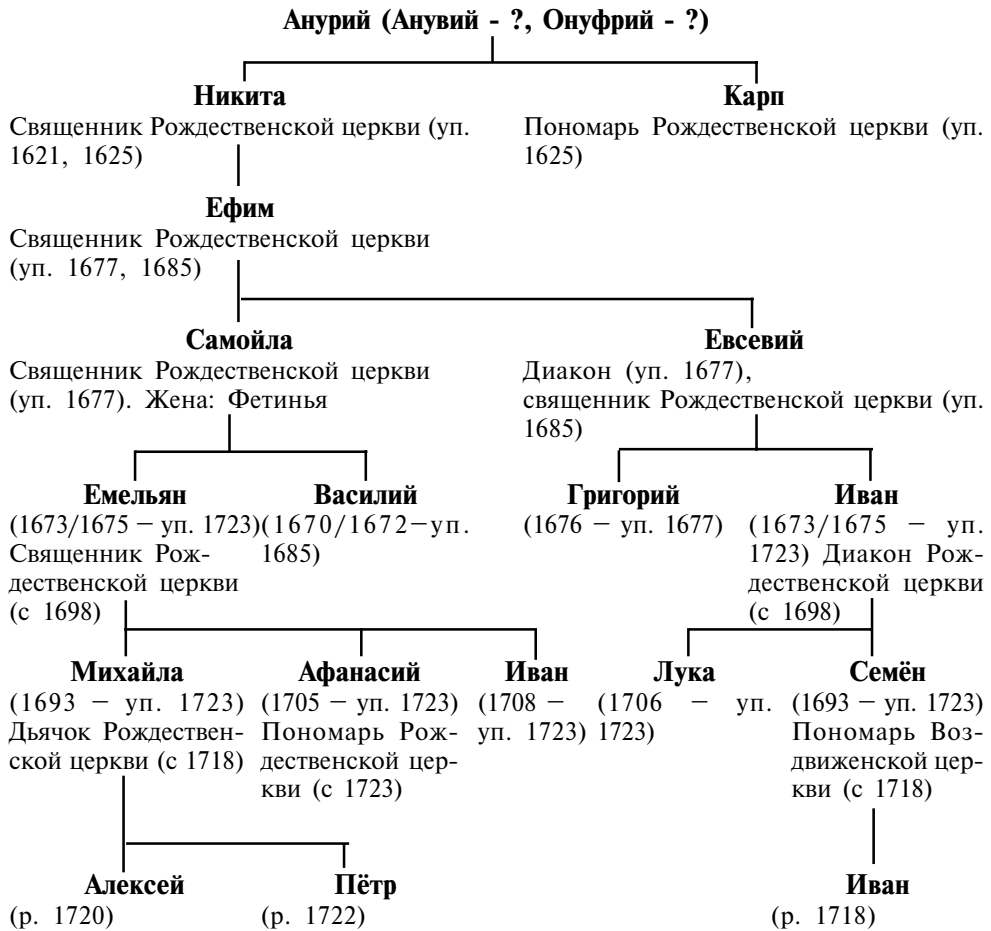
сторождественской церкви Рождественского девичья монастыря.

В дозорной книге 1621 г. отмечено: «На посаде ж Рождественной девич монастырь, бывал ружной, а прежняя церковь и ограда и кельи выжжены во [7]118 году в приход крымских людей; а ныне поставлена на прежнем же месте церковь Рождества Христова, древяна клетцки, строенье приходных людей; на монастыре ж поставлены 2 кельи, а в них живут 3 старицы; да за монастырем на монастырской земле: во дворе Рождественской поп Микита Анурьев, во дворе церковной дьячок Демидка Шарапов, место дворовое дьяконское» (6).

Писцовая книга 1625 г., в свою очередь, сообщает: «Церковь Рождество Христова, бывал Рождественной монастырь, древяна клетцки, а в церкви образы и свечи и книги и ризы и колокола и всякое церковное строенье приходных людей, а погосту в длину 25 сажень, а поперек 14 сажень; у церкви ж: во дворе поп Микита Онурьев, в длину двор его и с огородом 30 сажень, а поперек 10 сажень; во дворе дьякон Демид Кононов, в длину двор его и с огородом 30 сажень, а поперек 7 сажень; да в келье пономарь Корпунко Онурьев; да 5 келей, а в них живут старицы черные» (7).

Поскольку переписная книга 1646 г. не учитывала духовенство, следующие сведения об этом храме и его клириках встречаются в переписной книге 1677 г.: «В Боровску ж Рождественской девич монастырь, а в монастыре церковь Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; а у церкви: во дворе поп Ефим с детьми, с попом Самоилом, да с дьяконом Евсевьем, у Самоила 2 сына: сын Васка 5 лет,

Схема 1

да сын Емелька 2 лет, у Евсевья 2 сына: сын Ивашка 2 лет, да сын Гришка 1 году; да у него ж, попа Ефима, живет племянник пономарь Матюшка Иванов» (8).

Установить родственные связи этих лиц с клириками, служившими здесь в начале XVII в., позволяет писцовая книга 1685 г. После подробного описания храма указано: «Да того ж Рождественского девичья монастыря на церковной земле против святых ворот через улицу: двор Рождественского вдового попа Еуфима, у него сын поп Евсей, служит у той же церкви, да у попа Евсевья

сын Ивашко 10 лет; во дворе вдовая попадья Фетинья, живет с детьми на дьяконском дворе, у ней 2 сына: Васка 15 лет, Емелька 12 лет; а в писцовой книге Ивана Турского (1625 г. – А.М.) те дворы написаны: попов Еуфимов двор – за отцом ево за попом Никитою, а что живет ныне вдовая попадья с детьми, и тот двор написан за дьяконом за Деомидом Кононовым» (далее следует описание дворов) (9). В той же писцовой книге, возле торговой площади, указаны богадельня и «школа для учения детям», и та и другая – «строение Рождественского попа Еуфима» (10).

Наконец, сказки 1723 г. фиксируют служащими при Рождественском храме родственников указанных лиц:

– священника Емельяна Самойлова – 50 лет, посвящён к церкви в 1698 г., сын священника той же церкви. У него дети: Михайла – 30 лет, с 1718 г. дьячок той же церкви, Афанасий – 18 лет, с 1723 г. пономарь Воздвиженской церкви Боровска, Иван – 15 лет. У Михайлы Емельянова сыновья: Алексей – 3 лет и Пётр – 1 года;

– диакона Ивана Евсеева – 50 лет, посвящён к церкви в 1698 г., сын священника той же церкви. У него дети: Семён – 33 лет, с 1718 г. пономарь той же церкви, Лука – 17 лет. У Семёна Иванова сын Иван – 5 лет (11).

Приведённые источники, таким образом, позволяют восстановить генеалогию этой семьи на протяжении 7 поколений (см. схему 1).

Рассмотрим теперь родословие по восходящей линии семьи, служившей при церкви Живоначальной Троицы.

В сказках 1723 г. здесь показаны:

– священник Данила Ермолаев – 43 лет, посвящён к церкви в 1716 г., сын священника той же церкви. У него сын Андрей – 11 лет, с 1723 г. пономарь той же церкви;

– его родной брат – дьячок Михайла Ермолаев – 36 лет;

– диакон Софрон Филимонов – 29 лет, посвящён к церкви в 1718 г., сын священника той же церкви. У него дети: Никита – 1 года, Илья – полугодом;

– его родной брат – пономарь Андрей Филимонов – 8 лет, произведён в 1723 г. (12).

В писцовой книге 1685 г. сре-

ди причётников Троицкой церкви упомянуты: «во дворе дьячек Ермолка Микитин, у него: брат Филимонко 20 лет, да сын Данилко 2 лет; а в писцовой книге Ивана Турского написан тот двор за попом Терентьем Ивановым, а ему дьячку был прадед». В писцовой книге также отмечено, что ранее у Троицкой церкви служил священник Деомид, владевший десятиной пашни на драгунской земле «на Бардакове» (13).

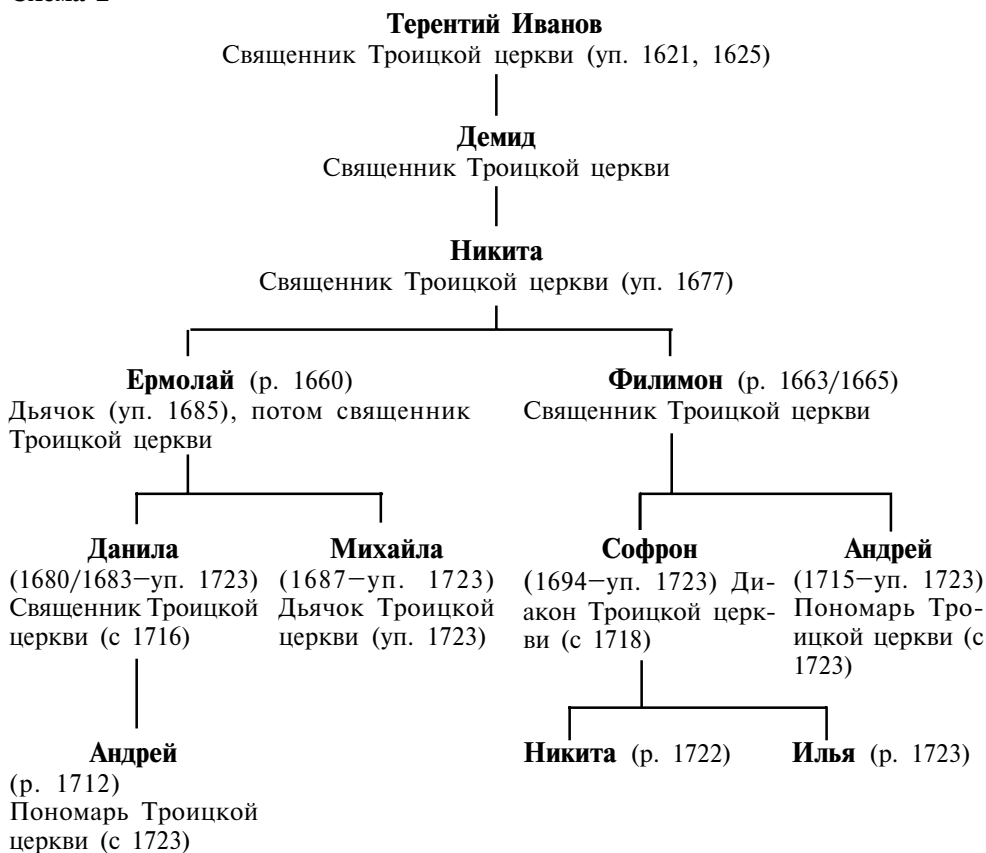
Переписная книга 1677 г. называет среди клириков этой церкви священника Микиту Демидова с двумя сыновьями: Ермошкой – 17 лет и Филкой – 14 лет, а писцовая книга 1625 г. указывает служащим при церкви священника Терентия Иванова (14).

Наконец, в дозорной книге 1621 г. отмечено: «У посаду ж за рекою за Паратвою Архангельскаго протопопа с братьею, что на Москве, слободка, а в ней церковь Живоначальные Троицы, древяна клетцки, а в церкви строение Архангельскаго протопопа с братьею вопче с посадскими людьми, котория к той церкви приходят; у церкви ж: во дворе поп Терентей, да место пономарское, да в слободке двор приезжей протопопа с братьею; пашни церковные, по сказке попа Терентья, в Бардаковском лугу меж Высоцкого монастыря и казачьи земли десятина во всех трех полях» (15).

Генеалогию этой семьи, опираясь на приведённые документы, можно также реконструировать достаточно полно (см. схему 2).

Родословия других боровских священно-церковнослужительских семей основываясь на материалах писцовых и переписных описаний удаётся проследить только до 1670-х годов.

Схема 2

Например, в сказках 1723 г. среди причётников Преображенской, что на площади, церкви упоминаются:

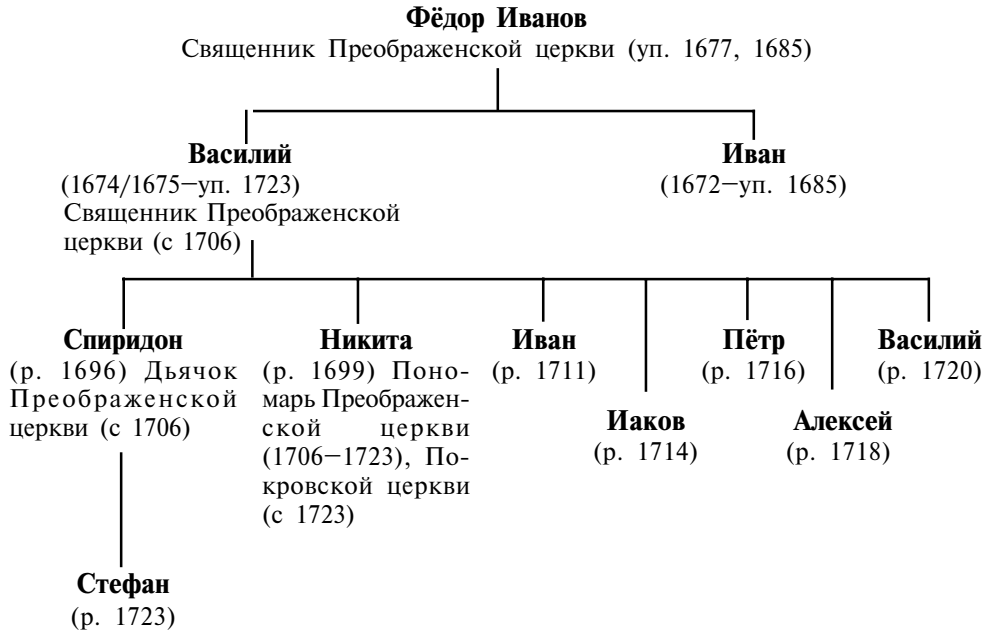
— священник Василий Фёдоров — 48 лет, посвящён к церкви в 1706 г., сын священника той же церкви. У него дети: Спиридон — 27 лет, с 1706 г. дьячок той же церкви, Никита — 24 лет, с 1706 г. пономарь той же церкви (в 1723 г. перемещён к Покровской церкви Боровска), Иван — 12 лет, с 1723 г. пономарь той же церкви, Иаков — 9 лет, Пётр — 7 лет, Алексей — 5 лет, Василий — 3 лет. У дьячка Спиридона Васильева сын Стефан — 10 недель (16).

В переписной книге 1677 г. отец Василия Фёдорова показан свя-

щенником Преображенской церкви: «во дворе поп Федор Иванов, у него 2 сына: сын Ивашка 5 лет, да сын Васка 3 лет» (17).

В писцовой книге 1685 г. об этом храме сказано: «Церковь Преображение Спасово, деревянная плоская о 3 главах; а по писцовым книгам Ивана Турского [7]134 году (1625. — А.М.) та церковь написана святой мученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы; а ныне тот престол святой мученицы Парасковей построен в той же церкви в пределе» (18). В числе служащих при храме указаны: «во дворе поп Федор Иванов, у него детей: сын Ивашко 13 лет, да сын Васка 10 лет; а в писцовой книге Ивана Турского тот

Схема 3

двор написан за вдовою попадьёю Парасковью» (19).

В писцовой книге 1625 г. при этой церкви упомянуты поп Митрофан Власьев, вдовая попадьёя Парасковья и её зять Лукьянко Степанов (20). Источники ничего не сообщают о родстве этих лиц со священником Фёдором Ивановым, и лакуна более чем в 50 лет (с 1625 по 1677 гг.) мешает восстановить родословие этой семьи более полно (см. схему 3).

Сходная ситуация наблюдается и по другим боровским священно-церковнослужительским семьям.

Таким образом, материалы писцовых и переписных описаний дают возможность реконструировать родословия православного приходского духовенства с разной степенью полноты, оставаясь в то же время основными массовыми источниками изучения генеалогии священно-церковнослужителей досинодального

периода. Дальнейшая фиксация их родословия происходит уже в документах ревизий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Бовкало А.А. Печатные источники для генеалогии духовенства Санкт-Петербургской епархии // Генеалогический вестник. 2003. Вып.14; Дубинский А.Ю. Генеалогическая информация о духовенстве в фондах Московской и Вифанской семинарий // 2000-летию Рождества Христова посвящается: Специальный выпуск «Вестника архивиста». М., 2001; Матисон А.В. Источники изучения генеалогии православного приходского духовенства России XVIII–начала XX вв. // Там же.
2. Савёлов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1994 [репринт]. С.224–226.
3. Милов Л.В. Писцовое делопроиз-

- водство (XV–XVII вв.) // Источни-
коведение истории СССР. М., 1973.
С.137–139.
4. Боровск: Материалы для исто-
рии города XVII и XVIII столетий.
М., 1888. (Далее – Боровск).
5. По Л.М. Савёлову, дозорные
книги «представляют поправки до-
полнения к писцовым книгам в соб-
ственном смысле, производившие-
ся приблизительно тотчас после быв-
шего составления самых писцовых книг
по известному уезду» (Савёлов Л.М.
Указ. соч. С.224).
6. Боровск. С.2.
7. Там же. С.7.
8. Там же. С.23.
9. Там же. С.31.
10. Там же. С.98.
11. Там же. С.163–165. Позднее
Иван Семёнов под фамилией Дья-
конов, вероятно, стал канцелярис-
том Боровской воеводской канцеля-
рии (Матисон А.В. Наследственная
служба в местных учреждениях Рос-
сии в XVIII в. (генеалогия приказ-
ных служителей Боровска) // Бо-
ровск: страницы истории. Вып.4.
Боровск, 2002. С.9).
12. Боровск. С.166.
13. Там же. С.32.
14. Там же. С.7, 23.
15. Там же. С.4.
16. Там же. С.165–166.
17. Там же. С.23.
18. Там же. С.25.
19. Там же. С.26.
20. Там же. С.6–7.

А.В. Антонов

К БИОГРАФИИ А.П. КЛЕШНИНА

Малопримечательный в целом род Клешниных вошёл в историю русского средневековья лишь благодаря имени окольного Андрея Петровича Клешнина, которому позднейшая летописная традиция приписывала ключевую роль в трагической гибели царевича Дмитрия Ивановича, происшедшей в Угличе 15 мая 1591 г. Именно поэтому фигура А.П. Клешнина давно привлекала внимание исследователей, собравших уже немало данных о его происхождении, родственных связях, служебных назначениях и земельных владениях (1). Найденные в столбцах Поместного приказа материалы позволяют продолжить изучение этого вопроса на новой фактической основе.

Публикуемые ниже материалы отложились в спорном деле между князем Фёдором Ивановичем Волконским с детьми и Андреем и Михаилом Бахтеяровыми детьми Клешнина о бывшей вотчине А.П. Клешнина — селце Микифоровском с деревнями, располагавшемся в Кошелеве стане Московского уезда (2). Дело началось в 1624 г., когда братья Клешнины стали добиваться возвращения им подмосковной вотчины их троюродного деда А.П. Клешнина,

которой на тот момент владели князья Волконские. Тяжба продолжалась в течение 25 лет и закончилась лишь летом 1648 г. полной победой князей Волконских. В ходе этой тяжбы стороны не предоставили каких-либо документальных свидетельств своей правоты, однако сообщённые ими сведения содержат немало любопытных фактов из прошлого (см., например, №3). Кроме того, поскольку тяжба началась ещё до московского пожара 1626 г., приказные имели возможность обратиться к прежним материалам Поместного приказа, в результате чего в дело попали выписки из большей частью ныне утраченных документов о земельных владениях окольного А.П. Клешнина — «земляного» боярского списка 1595/96 г. (см. №1), «перечневых» списков 1586—1588 гг. и «дач» 1611 г. (см. №2). Вновь найденные материалы дополняют ранее известные факты из биографии А.П. Клешнина и в целом позволяют раскрыть его образ значительно полнее.

А.П. Клешнин происходил из семьи боровских провинциальных дворян. Его отец — Пётр-Верига Фёдоров сын Антонов Клешнин в 1550-х годах служил дворовым по

Работа опубликована: Русский дипломатарий. Вып.7. М., 2001. С.367–377. Автор любезно предоставил её для публикации в нашем сборнике.

Боровску, где, судя по «земляному» списку, у него была вотчина — д. Сатино с пустошами, которая впоследствии досталась его сыну. В злополучном для русских войск бою на Судьбищах 3—4 июля 1555 г. он попал в крымский плен, откуда выбрался лишь в июне 1556 г., сообщив при этом планы татар. Ещё до 1558/59 г. он выкупил у Д.Г. Плещеева сельцо Сидоровское и д. Мелехово в Вяземском стане Московского уезда, которые, как видно из того же «земляного» списка, также перешли к его сыну. В апреле 1559 г. он сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь в размере 50 рублей (3). По-видимому, к ближайшим родичам Петра-Вериги Клешина следует относить «боровитина» Мартьяна Васильева сына Клешина, погибшего под Казанью в 1552 г., некоего Ивана Клешина, убитого в бою на Судьбищах в 1555 г., а также, возможно, Фёдора Васильева сына Клешина, попавшего в 1514 г. в битве под Оршей в литовский плен и умершего там к 1538 г., Бориса Васильева сына Клешина, который в 1550/51 г. писал договорную запись князей Д.И. Хилкова и В.И. Пожарского на земли в Стародубе Рязановском, сам служил по Можайску и умер где-то в 1550-х годах, и Григория Васильева сына Клешина, бывшего в 1564/65 г. послухом при оформлении поручной записи по князе В.С. Серебряном (4).

Впервые А.П. Клешин упоминается в источниках в марте 1573 г. — тогда он вместе с братом Фёдором уже входил в состав Государева двора, правда, оба они принадлежали к низшей его прослойке и должны были получать денежное жалованье «з города», то есть вместе со своими земляками, оче-

видно, боровскими городскими дворянами (5). Летом 1577 г. братья Андрей и Фёдор Клешины участвовали в походе Ивана Грозного в Ливонию (6). Судя по всему, Андрей ещё в молодости познакомился с семьёй Годуновых, попал в их ближайшее окружение и со временем стал доверенным лицом Бориса Годунова. Так, в 1575/76 г. он выступал послухом при вкладе вдовы Ф.И. Годунова Стефаниды и её сына Бориса (будущего царя) в Ипатьев монастырь их родовых вотчин в Костромском уезде. Позднее, в 1585/86 г. он был послухом в меновой самого Бориса Годунова и властей Симонова монастыря на земли в Дмитровском уезде (7). Имеется свидетельство о том, что он был дядькой царевича Фёдора Ивановича. Возможно, именно поэтому его имя исчезает из разрядов в 1578—1584 гг. — видимо, на эти годы приходилось его наставничество. Скорее всего, он был приставлен к царевичу сразу же после женитьбы того на Ирине Годуновой в 1580 г. Пожалуй, только близостью к Годуновым, а через них к самому царю Фёдору, и можно объяснить столь стремительный взлёт карьеры А.П. Клешина, начавшийся сразу же после смерти Ивана Грозного: к ноябрю 1585 г. он стал думным дворянином, а к апрелю 1586 г. — окольничим. Таким образом, благодаря покровительству Годуновых А.П. Клешин из «худородного» и малозаметного дворянина превратился во влиятельного и весьма богатого сановника, оказавшегося в центре политической жизни Московского государства.

В ноябре 1585 г. А.П. Клешин, будучи уже думным дворянином, участвует в «шведском» походе, в апреле 1586 г. он уже в чине

окольничего присутствует на приёме польского посла, 5 сентября того же года он сопровождает царя Фёдора Ивановича на молебен в Чудов монастырь, где затем вместе Б.Ф. Годуновым и Ф.Н. Романовым разделяет царскую трапезу, в декабре 1586 г. его имя значится в разряде несостоявшегося царского похода в Можайск, в апреле—июне 1589 г. он вместе с И.В. Годуновым вёл переговоры с имперским послом Н. Варко-

полка участвует в действиях против шведов под Новгородом, в мае 1592 г. он вновь участвует в посольской церемонии — представляет послов государю и передаёт поминки, 15 апреля 1593 г. он «сказывал» окольничество князю А.И. Хворостинину, в 1594/95 г. ему была адресована одна из трёх грамот любецкого купца К. Крона, причём первые две были посланы на имя царя и Б.Ф. Годунова, в мае 1598 г., когда русские войска во

Пафнутьев-Боровский монастырь. Вид с юга. Фото 1910-х годов.

чем, в феврале 1590 г. во время осады Ругодива он на пару с И.И. Сабуровым руководил нарядом, в мае 1591 г. он вместе с боярином князем В.И. Шуйским и дьяком Е.Д. Вылузгиным возглавлял следственную комиссию по выяснению обстоятельств гибели царевича Дмитрия в Угличе, в июле того же года, во время прихода к Москве крымских татар, он находился в большом полку под началом Б.Ф. Годунова, в августе и сентябре того же 1591 г. он в качестве третьего воеводы большого

главе с царём Борисом выступили в Серпухов для отражения возможного нападения татар, он поначалу оставался при вдовствующей царице Александре (Ирине) Фёдоровне в Новодевичьем монастыре, но вскоре также отправился в Серпухов, где 14 мая участвовал в царской трапезе (8). Умер он 6 апреля 1599 г. и был похоронен на своей «малой родине» — в Боровском Пафнутьеве монастыре, где в церковной стене сохранилась его погребальная доска с надписью: «Лета 7107-го, апреля в 6, преста-

вись раб божий великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа России дятка околничей Луп, зовомы Андрей Петрович Клешин, во иноцех Левкей схимник» (9). Как следует из материалов дела и других источников, он был женат на дочери князя Андрея Романовича Волконского Арине (умерла в 1609/10 г.), от брака с которой имел двух дочерей — Авдотью и Марию. Авдотья скончалась ещё при жизни отца: в 1593/94 г. тот дал по её душе в Троице-Сергиев монастырь с. Омеляново с деревнями в Тверском уезде (10). Мария в 1604/05 г. вышла замуж за Григория Фёдоровича Нагого (родного брата последней жены Ивана Грозного и матери царевича Дмитрия Марии), а после его смерти в 1607 г. вторично вышла замуж за князя Юрия Никитича Трубецкого, умерла она бездетной во время осады Москвы в 1609/10 г.

А.П. Клешин обладал огромными земельными владениями, которые на 1595/96 г. составляли 4140 четвертей и располагались во многих уездах страны, причём большая их часть была купленными вотчинами. Обнаруженная выписка из «земляного» боярского списка 1595/96 г. в совокупности с показаниями «перечневых» списков 1586/87 и 1587/88 гг. (первый из них дошёл до наших дней почти целиком (11)) позволяют проследить динамику роста его земельных владений. Судя по всему, какую-то часть вотчин А.П. Клешин унаследовал от отца, прежде всего это, по-видимому, родовое гнездо Клешиных — д. Сатино с пустошами в Боровском уезде, а также купленное его отцом ещё в 1550-х годах у Д.Г. Плещеева сельцо Сидорово в Вяземском стане Московского уезда. Первые приобретения са-

мого А.П. Клешина приходится на начало 1580-х годов и касаются земель в Кошелеве стане Московского уезда: в 1582/83 г. он купил у аптекаря Якова сельцо Микифоровское (впоследствии предмет спора между Волконскими и Клешиными), в 1583/84 г. он купил у Леонтия Неронова и Никиты Трапезникова («Тряпизонова») д. Жирково. В 1584/85 г. он покупает у Ивана Матвеева сына Воейкова д. Михалковичи в Шешенском стане Зубцовского уезда, в том же году он берёт в заклад у выездного юрьевского немца Игнатия Иванова сына Игоря д. Кулантаево с деревней и пустошами в Доблинском стане Московского уезда. В 1585/86 г. он совершает четыре сделки: у Дмитрия Ивановича Вельяминова покупает деревни Тимофеевское и Шкиня, у Никиты, Ивана и Степана Афанасьевых детей Топоркова — пустоши Новинки и Круглое, у некоего Ивана «Цепляева» (Цыплятева?) — д. Бородино, которые располагались в Кошелеве стане Московского уезда, в том же году он купил у Худяка Данилова сына Загряжского половину сельца Дмитриевского в Старицком уезде. В 1586/87 г. он расширяет свои старицкие владения, покупая у Фёдора Васильева сына Львова сельцо Нащокино, а у князей Ивана и Фёдора Андреевых детей Морткина с. Бели, тогда же он выкупил у Варвары Григорьевой дочери Нагого, бывшей замужем за князем Фёдором Долгоруковым, довольно большую вотчину (400 четвертей) — с. Ведерниково с деревнями в Бельском уезде. В 1587/88 г. упомянутые выше братья Топорковы и Андрей Козодавлев продали А.П. Клешину с. Новое Сопково и пустошь Старое Сопково в Московском уезде. В 1588/89 г.

*Надгробная (закладная) доска
А.П. Клешина в стене
придела вмц. Ирины.
Фото 1912 г.*

*Собор Рождества Пресвятой Богородицы в Пафнутьев-Боровском монастыре.
Слева придел вмц. Ирины. Фото 2002 г.*

он купил у Сафона Сергеева и Якова Старкова д. Лазарево, тогда же он скупал земли на Рязани у местных вотчинников — Василия Вердеревского, Юрия Дмитриева и Степана Пороватого. В 1593/94 г. он купил у вдовы Ивана Фустова с детьми половину д. Перед в Рязанском уезде, а у Григория и Василия Колединских купил пустошь Посаниново в Старицком уезде. В 1594/95 г. Ждан Пресный и Григорий Сунбулов продали ему свои подмосковные вотчины. Заметим, что трижды — в 1586/87, 1592/93 и 1594/95 гг. А.П. Клешин был пожалован вотчинами в Московском, Рязанском и Можайском уездах взамен приписанных к дворцовым сёлам его прежних владений в Московском, Старицком и Тверском уездах, пути приобретения которых нам остались неизвестны. Согласно «земляному» списку, общий размер его вотчин составлял 2973 четверти. О его поместьях, помимо «земляного» списка, сохранились сведения в писцовых книгах 1620-х годов (12).

Можно с уверенностью полагать, что А.П. Клешин к концу жизни приумножил свои земельные богатства. Например, в поход правительственных войск против самозванца в 1604 г. его вдова Арина выставила со своих вотчин, исключая бельские, 20 даточных человек, а следовательно, их размер составлял примерно 2000 четвертей, в то время как вотчина её мужа только в Бельском уезде равнялась 400 четвертям (13). Кроме того, из материалов спорного дела Волконских и Клешиных следует, что после смерти А.П. Клешина его наиболее крупные владения — острог Печерники в Рязанском уезде (вотчина) (14) и волость Селяево в Дорогобужском уез-

де (по-видимому, поместье) — были отписаны во Дворец, часть вотчин была отдана вкладом в монастыри и лишь какая-то часть из них перешла к его наследникам. Также известны земельные сделки А.П. Клешина в 1586/87 и 1593/94 гг. в Тверском уезде с властями Троице-Сергиева монастыря и в 1590/91 г. в Кашинском уезде с властями Калязина монастыря (15).

Любопытно, как позднее Волконские трактовали факт отписки части владений А.П. Клешина: «А которые, государь, были во времени при прежних государех бояре и ближние люди, и после их смерти вотчины и поместья остоялися многия, и те их вотчины и поместья иманы на вас, государей, во Дворец, а достолные отдаваны в роздачу многим помещиком». Вместе с тем, по их утверждению, Клешин «был человек временной (в другом варианте — «ближней») и, будучи во времени, завладел по времени многими тысячами земель в Московском уезде и в разных городех землями, и на те земли своим насильством купчия и зокладная имал по неволи». Вообще надо сказать, что аргументация Волконских в их тяжбе с Клешиными была довольно противоречивой и в целом сводилась к следующему: якобы А.П. Клешин завладел вотчинами не только насильством, но и «выше своей меры», и что прямой наследницей вотчин Клешина была его супруга Арина, приходившаяся князю Ф.И. Волконскому троюродной сестрой, поэтому именно они, Волконские, являлись ближайшими вотчиками спорных земель. Уже на втором десятилетии тяжбы, в 1641 г. Волконские неожиданно обвинили А.П. Клешина в причастности к гибели царе-

вича Дмитрия: «А вестно тебе, государю, и всяму государству, за што за Ондреем Клешниным такая великия земли были, што Ондрей точен крови блаженныя памяти государя царевича Дмитрея, и их умыслом государю царевичю смерть учинилась, и многия лета в государстве Московском кровь крестьянская лилась».

Известие о зловещей роли А.П. Клешнина в заговоре против царевича Дмитрия содержится в «Новом летописце» — памятнике, созданном в конце 1620-х годов в кругах, близких к патриарху Филарету Никитичу (16). В завуалированной форме обвинение в адрес Клешнина звучит и во «Временнике» И. Тимофеева, написанном примерно в то же время (17). В отечественной историографии ещё со времён Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва сюжет о гибели царевича Дмитрия не раз становился предметом специального исследования, поэтому напомним лишь те сведения, которые характеризуют роль А.П. Клешнина в этом событии. По свидетельству «Нового летописца», заговорщики во главе с Б.Ф. Годуновым после ряда безуспешных попыток отравить царевича наконец решились подослать к нему убийц, и именно Клешнин нашёл таковых в лице Битяговских, Качаловых и Волоховых. Говоря иначе, Клешнин в представлении автора «Нового летописца» был никем иным, как организатором убийства, выполнившим заказ Годунова.

Сейчас трудно сказать, откуда князья Волконские почерпнули это известие — то ли они были знакомы с текстом «Нового летописца», то ли просто привели одну из версий, имевших хождение в русском обществе того времени. При этом

важно отметить, что участвовавший в тяжбе единственный современник событий тех лет князь Ф.И. Волконский умер ещё в 1630 г., поэтому в 1641 г. ответчиками по делу выступали уже его сыновья Фёдор, Пётр и Иван. Однако едва ли обвинения Волконских повлияли на исход дела, скорее, их победа была обусловлена иными факторами (18). Во-первых, Клешнина весьма удачно парировали их выпад, убедительно изложив историю служб своего рода и выдвинув встречные обвинения в заговоре против царя Василия Шуйского в адрес Ф.И. Волконского (19) (см. №3), после чего сюжет о причастности А.П. Клешнина к гибели царевича Дмитрия в деле больше не возникал. Во-вторых, обе спорящие стороны по степени своего родства с А.П. Клешниным (для Волконских он был мужем их троюродной тётки, для Клешнинных — троюродным дедом) имели примерно равные права на его подмосковную вотчину с той лишь разницей, что на начало тяжбы она уже более 10 лет принадлежала Волконским, которые успели наладить в ней хозяйство. По-видимому, судьи сочли аргументацию Клешнинных недостаточной для изменения сложившегося положения, к тому же один из Волконских — князь Фёдор Фёдорович к концу тяжбы получил чин окольного и, разумеется, не позволил бы просто так отнять у себя вотчину отца. Показательно, что даже после смерти Ф.И. Волконского в 1630—1632 гг., когда во главе Поместного приказа стоял родной дядя Клешнинных В.Ф. Волинский, который, как выяснилось, всячески способствовал продолжению тяжбы, принимая челобитные от своих племянников и подключая их к делу, спорные зем-

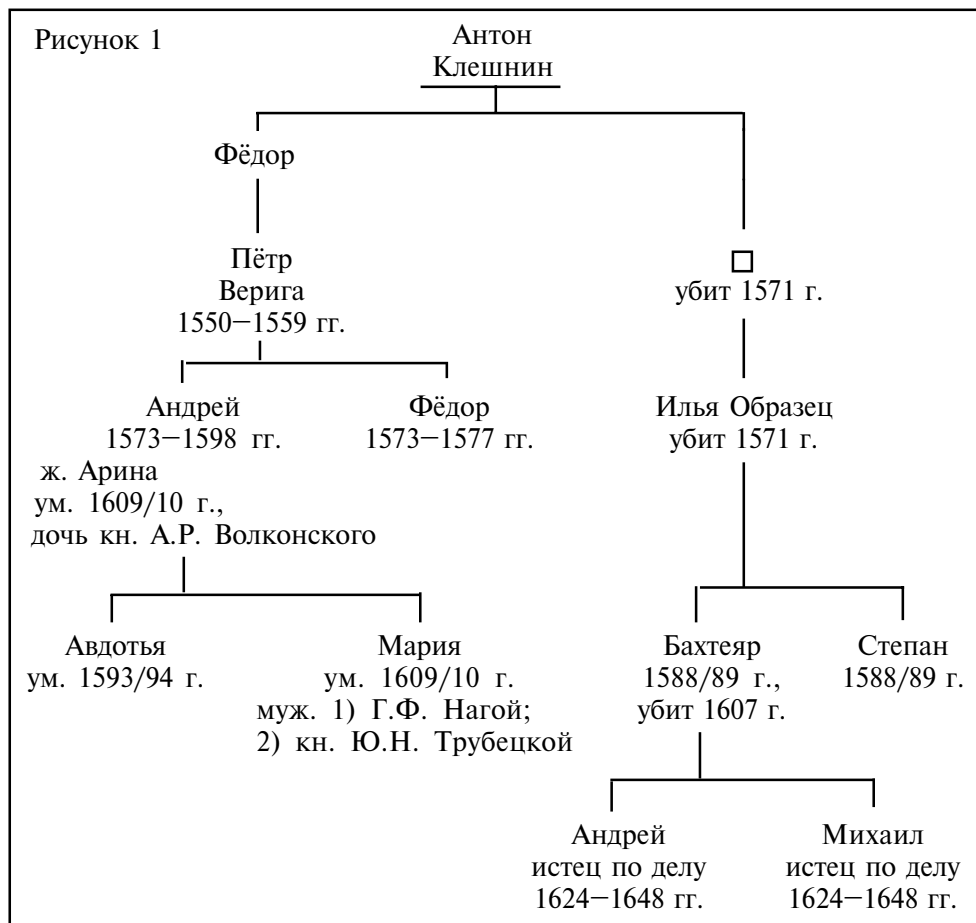
ли по-прежнему оставались за Волконскими.

Ещё на начальном этапе тяжбы, в декабре 1627 г., братья Андрей и Михаил Клешнины заявили, что их отец — Бахтеяр Образцов (Ильин) сын Клешнин приходился А.П. Клешнину племянником «в третьем колене» и что он вместе с братом Степаном унаследовал часть вотчин Андрея, которые и теперь были за Клешниными: запустевшее сельцо Бели с пустошами в Старицком уезде и запустевшее сельцо Топорково-Сопково с пустошами в Московском уезде, всего 182 четверти. По их утверждению, духовная А.П. Клешнина находилась у его вдовы, а их «бабки», затем перешла к их «тетке» Марии, а потом, после её смерти в 1609/10 г. где-то затерялась. Как следует из других воспоминаний Клешниных (см. №3), их прадед и дед Илья-Образец погибли во время осады Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г., а их отец Бахтеяр в 1607 г. успешно действовал против сил Болотникова, но в итоге погиб под Тулой. Относительно этой линии Клешниных можно добавить, что в 1588/89 г. Степан и Бахтеяр Образцовы дети, а также некий Максим Михайлов сын — Клешнины, будучи ещё сравнительно молодыми людьми, служили в жильцах (20). Схематично родство Клешниных может быть представлено следующим образом (см. рис.1).

В заключение несколько слов о характере источников, из которых приказными были сделаны выписки в связи с тяжбой Волконских и Клешниных. Исследовательские представления о «земляных» списках ранее базировались на памятниках 1613, 1614/15 гг. и более позднего времени, отражающих с различной

степенью подробности картину землевладения членов Государева двора (размер, структура и география владений, иногда обоснование владельческих прав), однако при этом отмечалось, что подобная документация велась и ранее, в частности, имеются упоминания о «земляных» списках 7089, 7102, 7104 и 7114 гг., но со временем она была утрачена (21). При сравнении вновь найденного отрывка «земляного» боярского списка 1595/96 г. с аналогичными боярским списком 1613 г. и жилецким списком 1614/15 г. выясняется, что первый значительно подробнее передаёт состав владений и способы их приобретения. Пожалуй, только теперь становится очевидным, сколь трудоёмкой была работа приказных XVI в. при составлении «земляных» списков и какой бесценной информации мы лишились с их утратой. Как видно по отсылкам списка, среди его источников были писцовые книги, записные книги вотчинных крепостей, подлинники крепости, а также, вероятно, столбцовые «дачи» и сказки самих землевладельцев.

Соглашаясь в целом с ранее высказанными соображениями о «земляных» списках, всё же уточним ряд важных моментов. Прежде всего, сейчас у нас появились серьёзные основания полагать, что учёт земельных владений с помощью такого типа справочной документации, как «земляные» списки проводился не только в отношении членов Государева двора, но и применительно к провинциальному городскому дворянству. Так, об этом свидетельствуют многочисленные примеры, обнаруженные нами в столбцах Поместного приказа; приводим лишь несколько из них:

«А во брянском земляном списке 104-го году, написано:

Ивашко Игнатъев сын Крекътышев, а по книгам Третьяка Вельяминова (22) написан „Иван Большой Игнатъев сын Трубастов“. Помесья за ним в Поцынской волости тритцать шесть чети.

Бориска Игнатъев сын Крекътышев, а по книгам Третьяка Вельяминова написан „Бориско Игнатъев сын Трубастов“. Помесья за ним во Брянску в Поцынской волости тритцать шесть чети.

Да во брянском же земляном списке 109-го году написано:

Ивашко Большой Игнатъев сын

Крекътышев. Помесья за ним во Брянску по новому писму в Поцынской волости тритцать шесть чети.

Бориско Игнатъев сын Крекътышев, а по писцовым книгам Третьяка Вельяминова написан „Бориско Игнатъев сын Трубастого“. Помесья за ним во Брянску в Поцынской волости тритцать шесть чети» (23).

«А во брянском в земляном списке 109-го году написано:

Федка Трубастово сын Крекътышев. Помесья за ним во Брянску старово тритцать шесть чети, да ему ж дано во 106-м году вопче з братом ево с Ывашком ис Федкина помесья Совина, на ево половину дватцать

семь чети с полуосминою, обоего шестьдесят три чети с полуосминою.

Ивашко Меншой Игнатъев сын Кректышев. Помесья за ним во Брянску старого тритцать шесть чети, да во 106-м году дано ему з братом ево с Федкою Кректышевым во Брянску ис Федкина поместья Со-вина, на ево половину дватцать семь чети с полуосминою, обоего шестьдесят три чети с полуосминою.

Замятня Иванов сын Мотякин. Помесья за ним во Брянску по новому писму вопче з братом ево с Офонасьем тритцать четыре чети, иметца за ним по семинатцати чети человеку» (24).

«Во мценском списке, что прислан из Розряду за приписью дьяка Истома Корташова лета 7109-го году и каков список против того послан в Розряд з землями, и в том списке написано:

Гриша Степанов сын Санюков. Оклад ево 200 чети. Помесья за ним по даче 108-го и 110-го году, что ему дано ис Пахомова поместья Степанова 32 чети с осминою, да ему ж дано в 110-м году Дружинино помесье Лобова 70 чети, обоего 102 чети с осминою» (25).

Разумеется, ни Кректышевы, ни Мотякин, ни Санюков в состав Государева двора не входили, а были рядовыми детьми боярскими, служившими по Брянску и Мценску. Приведённые выписки также раскрывают сам механизм составления «земляных» списков городского дворянства. Очевидно, сначала в Розрядном приказе на основе десятен составлялся поимённый список городских, возможно, с указанием окладов, затем он отсылался в Поместный приказ, где по писцовым книгам, «дачам» и, видимо, сказкам составлялся список «з землями»,

который потом снова попадал в Розряд. Брянский пример показывает, что «земляные» списки составлялись с определённой периодичностью, примерно раз в 5 лет. Как нам представляется, практика подобной формы учёта землевладения служилых людей ведёт своё начало с 80-х годов XVI в. Именно тогда перед правительством особенно остро встала проблема безземельности широких слоёв дворянства, приводившая к серьёзному снижению уровня боеготовности дворянского ополчения. Для преодоления кризиса сначала были образованы специальные комиссии, проводившие на местах массовые отделы поместий, а затем и вовсе было начато валовое описание с целью учёта и упорядочения владельческой структуры земельного фонда страны. Но поскольку эти шаги носили долговременный характер и могли дать результат лишь в отдалённой перспективе, был выработан особый тип документации, куда в оперативном порядке вносились сведения о реальном земельном обеспечении дворянства, что в итоге учитывалось при распределении служебных назначений. В дальнейшем эта практика получила развитие.

В отношении «перечневых» списков, один из которых дошёл до нас почти полностью и в своё время был опубликован В.Б. Павловым-Сильванским под названием «явочный» (26), заметим следующее. Ясно, что таких списков было как минимум 4, а возможно, и 5 — по количеству писцовых комиссий (Т.А. Хлопова, И. Феофилаьева, Е.И. Сабурова, князя И. Козловского и князя М. Мезецкого), описывавших Московский уезд в 1580-х годах. Составленные ими «перечневые» списки сначала выполняли роль некоего спра-

вочника, дающего представление о структуре светского вотчинного землевладения столичного уезда, а затем использовались в качестве приправочного материала писцами 1620-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С.171, 280, 281; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 40, 80, 197 и др. (см. по указателю).

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1209. Столбцы по Брянску, №30—32/31674. Ч.1—3. Б/п (дело сохранилось не полностью, листы разбиты и перепутаны).

3. Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее — ТКДТ). М.; Л., 1950. С.174; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1965. Т.13. С.272; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XV вв. (далее — АФЗХ). М., 1956. Т.2. №74. С.79; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С.121; РГАДА. Ф.281. Тверь. № 64/12557 (приводим выдержку из данной А.П. Клешина 1593/94 г.: «да батюшко мой Петр, как ис полону вышел, дал к Живоначалной Троицы пятьдесят рублей, да я дал пятьдесят рублей; и архимариту Кириле з братьею батюшка моего Петра поминати, да и матушку мою иноку скимницу Ксению, да иноку скимника Феодорита, да иноку скимницу Феофану поминати ж»; послухами в данную были только князя Волконские — Иван Фёдоров сын, Александр Васильев сын и Богдан Фёдоров сын). Следует отметить, что в

источниках отец А.П. Клешина как правило упоминается только по прозвищу Верига, а сам он на начальном этапе своей карьеры иногда фигурирует с отчеством Веригин. О том, что Верига Клешин и был отцом А.П. Клешина, а следовательно, Андрей Веригин и Андрей Петров — одно и то же лицо, свидетельствует публикуемый ниже «земляной» список, а также само прозвище «Верига», традиционно связанное с христианским именем Пётр (см.: Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С.66). Указанные обстоятельства пленения Петра-Вериги Клешина — наше предположение.

4. Государственный Исторический музей. Отдел рукописей и старопечатных книг. Синодальное собрание. №667. Л.117об.; Российская государственная библиотека. Ф.218. №1518. Л.83об.; Michail Krom. Rejstry jencow moskiewskich na Litwie w pierwszej polowie XVI wieku // Przegląd Wschodni. 1994. Т.III. Z.3 (11). S.457, 464, 468 (в последнем случае ошибочно назван как «Куташов»); АССЕМ. М., 1998. №79; ТКДТ. С.186 (с пометой «умре»); Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т.1. №186. С.523.

5. Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // Исторический архив. М.; Л., 1949. Т.4. С.24. Брат А.П. Клешина Фёдор скончался ещё до 1593/94 г. (см.: РГАДА. Ф.281. Тверь. № 64/12557).

6. Разрядная книга 1475—1598 гг. (далее — РК). М., 1966. С.277.

7. Чтения в Обществе истории и древностей Российских (Чтения ОИДР). 1897. Кн.1. Отд.1. С.7; также см. Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI—нача-

- ла XVII века // Русский дипломатарий. Вып.7. М., 2001. №32. С.52—218; АФЗХ (АМСМ). Л., 1983. №203. С.250.
8. РК. 1475—1598 гг. М., 1966. С.363, 379, 413, 414, 421, 422, 460, 542; РК. 1559—1605 гг. М., 1974. С.219, 269, 275, 295, 314; РК. 1550—1636 гг. М., 1976. Т.2. Вып.1. С.27, 65, 78, 83, 87, 91, 92, 106, 149, 157; РК. 1478—1605 гг. М., 1994. Т.4. Ч.1. С.28 («окольничей и дворецкой»), 38; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI—начала XVII века. М., 1967. С.45, 48; Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С.89 (ср.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч.1. С.205); также см.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С.133, 134, 148, 171, 280, 281.
9. Цит. по: Машков И. Доклад о изысканиях погребений князей Репниных в Боровском Пафнутьевском монастыре // Древности: Труды комиссии по сохранению древних памятников имп. Московского археологического общества. М., 1912. Т.4. С.309 (см. там же фото доски и прорись надписи). Указанная дата смерти подтверждается показаниями кормовой книги Псково-Печерского монастыря (см.: Павлов А.П. Государев двор. С.80. Примечание 11).
10. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С.121; РГАДА. Ф.281. Тверь. № 64/12557.
11. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.257. Л.729—770об. Источник опубликован: Павлов-Сильванский В.Б. Явочный список владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т.А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С.238—253 (см. там же его анализ списка: С.101—127).
12. Павлов А.П. Государев двор. С.191. В 1594/95 г. А.П. Клешину была выдана ввозная грамота на дворцовое с. Усторонь в Старорязанском стане Рязанского уезда (см.: РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.408. Л.885, 894об.).
13. Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. / Сост. С.П. Мордовина и А.Л. Станиславский. М., 1979. Ч.2. С.59.
14. Сохранилась челобитная А.П. Клешина от 11 июля 1594 г. о поимке холопа, сбежавшего из его рязанской вотчины Печерники в Воронеж; показательна помета на ней: «102-го, июля 11 день, дати грамота мимо Бориса Хрушова, а велел сам царь» (см.: РГАДА. Ф.141. 1594 год. Д.1. Ч.2. Л.21).
15. РГАДА. Ф.281. Тверь. №62/12555, 64/12557; Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С.165; Антонов А.В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV—начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып.3. М., 1998. С.197. №258.
16. ПСРЛ. СПб., 1910. Т.14. С.40, 41. О памятнике и историографию вопроса см.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С.167, 168; также см. новейшее исследование о памятнике: Морозова Л.Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000. С.350—440 (разбор главы об убийстве царевича Дмитрия — С.378, 379).
17. Временник Ивана Тимофеева. М; Л., 1951. С.29. (Говоря о замысле Годунова в отношении царевича Дмитрия, автор отмечает: «Время же своему зломыслию обрет и суца стаинника себе потаена, зело злых злейша, Луппа некоего, брата еи свой-

ством и делом, иже толкуется волк, — от дел звание приим»). О памятнике и его связи с «Новым летописцем» см.: Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С.176—230.

18. Текст приговора в деле не сохранился, имеется лишь отпуск послушной грамоты Волконским на спорные земли от 30 августа 1648 г. (см.: РГАДА. Ф.1209. Столбцы по Брянску. №32/31674. Б/п).

19. Князь Ф.И. Волконский действительно принимал активное участие в низложении Шуйского (о нём см.: Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Изд. 2-е. М., 1939. С.276, 277 и др.; Хроники смутного времени. М., 1998. С.489 (биографическая справка); также см.: АСЗ. М., 1998. Т.2. №84—86, 387).

20. Боярские списки. Ч.1. С.112, 113.

21. Лукичёв М.П. О «земляном» бо-

ярском списке 1613 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С.103—111; он же. Окладные и «земляные» жилецкие списки первой четверти XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С.53—64.

22. Писцы Т.Г. Вельяминов и А.И. Колтовский описывали Брянский уезд в 1595 г.

23. РГАДА. Ф.1209. Столбцы по Брянску. №114/31833. Л.144.

24. Там же. №115/31833. Л.197.

25. Там же. Ф.1209. Столбцы по Мценску. №3/40390. Л.150.

26. Павлов-Сильванский В.Б. Явочный список владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т.А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С.238—253 (см. там же его анализ списка — С.101—127).

* * *

№ 1

1624 г. — Выписка Поместного приказа из земляного боярского списка 1595/96 г. о вотчинах и поместьях окольного Андрея Петровича Клешнина

А в боярском в земляном списке, каков сыскан после московского разорения, 104-го году написано:

Околничей Ондрей Петрович Клешнин.

Вотчины за ним:

в Московском уезде в Вяземском стану село Сидорово, 162 чети;

да купли по записным книгам 92-го году в Кошелеве стану село Микифоровское, деревня Жирково, пашни 125 чети;

деревня Тимофеевская, что была Некраса Бисерова, 65 чети;

деревня Бородино, что купил в 94-м году у Ивана у Цепляева с товарищи, 41 чети с осминою;

да в Зубцове, что купил в 93-м году у Ивана у Матвеева сына Воейкова, а Иванов отец Матвей Воейков купил ее у Федоровы жены Цызырева да у ее детей, в Шешемском стану деревня Миха[л]ковичи, а по новому писму деревня да слободка, а в ней 50 чети;

да в Старице, что купил в 94-м году у Худяка Загрясково, полселца Дмитриевсково з деревнями, 107 чети;

да в Старице ж, что купил в 95-м году у Федора у Лвова, селцо Нащокино з деревнями, 241 четь;

да село Бели з деревнями, что купил у князя Ивана да у князя Федора Морткиных, 219 чети;

да в Боровску по писцовым книгам деревня Сатино да пустошь, 88 чети;

да в Московском уезде, что пожаловал государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии в 95-м году из дворцовых сел, из села Аминева 179 чети, против подмосковной вотчины // деревни Бибиковы, что у него взято и приписано к дворцовому селу Братошину;

да на Белой купли ж, что купил у князя Федора Долгоруково жены его вотчину Варвары Григорьевы дочери Нагово, село Ведерниково з деревнями, 400 чети;

да в Московском уезде по записным книгам 96-го году, что купил у Микиты у Топоркова з братьею да у Ондreja у Козодавлева, село Новое Сопково да пустошь Старое Сопково;

да в Московском же уезде по записным книгам 97-го году, что купил у Софона у Сергеева, 100 чети, да у Якова у Старкова, деревня Лазарева, 51 четь с осминою;

на Резани, что купил у Василья у Вердеревского да у Юрья Дмитриева, 370 чети, да у Степана у Пороватого, 20 чети;

да во 101-м году пожаловал государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии околничего Ондreja Петровича против старицкой его вотчины селца Васильевского з деревнями на Резани и[з Сте]панова поместья Провато[ва] пустошь Осташково, 225 чети;

да за ним же по записным книгам 102-го году, что он купил у Ивановы жены Фустова з детми, на Резани полдеревни Перед, 16 чети;

да в Старице, что купил у Григорья да у Василья Колединских, пустошь Посаниново, 17 чети;

да в Московском уезде, что купил во 103-м году у Ждана у Пресново, 25 чети, да у Григорья у Сунбулова, 42 чети;

да в Можайску селцо Веригино Даловское да селцо Новое Ондреевское з деревнями, // что пожаловал его государь против подмосковные вотчины да тверские вотчины селца Соривца з деревнями, 367 чети.

И всего вотчины 2973 чети.

Да поместья:

в Дорогобуже 700 чети;

на Резани, что ему дано из дворцовых сел, 330 чети.

И всего поместья 1030 чети.

А и с вотчиною всего за ним 4003 четверти.

Да подмосковного поместья 137 чети.

РГАДА. Ф.1209. Столбцы по Брянску, №30/31674. Б/п. Подлинное дело-производство. На обороте скрепы: Третьяк Корсаков. Справил Тимошка Голосов.

№ 2

1624 г. — Выписка Поместного приказа из «перечневых» списков 1586/87 и 1587/88 г., земельного боярского списка 1595/96 г. и «дач» 1611 г. о владельческой принадлежности селца Микифоровское с деревнями в Кошелевском стану и деревни Кулантаево с пустошами в Доблинском стану Московского уезда

А по каким крепостям та вотчина написана за Андреем Клешниним, и в том деле написано:

В перечневом списке с книг Московского уезду писма и меры Тимофея Хлопова с товарищи 94-го году, каков список сыскан после московского разоренья, за рукою подъячих Семейки Шишелова да Посника Невзорова написано:

Стан Кошелев.

Ондрей Петрович Клешнин. Вотчины за ним по записным книгам 91-го году, что купил у аптекаря у Якова, селцо Микифоровское пашни¹ паханые и перелогу 125 чети.

Да в боярском списке, что делан во 104-м году, написано:

Околничей Ондрей Петрович Клешнин. Вотчины за ним в Московском уезде купли по записным книгам 92-го году в Кошелеве // стану село Микифоровское, деревня Жирково, пашни 125 чети, да деревня Тимофеевская, что была вотчина Некраса Бисерова, 65 чети.

Да в перечневом списке Московского уезду с книг писма и меры Ивана Фефилатьева да подъячего Посника Невзорова 95-го году, каков список сыскан после московского разоренья, за рукою Ивана Фефилатьева да подъячего Посника Невзорова написано:

Стан Доблинской.

Ондрей Петрович Клешнин. Вотчины за ним по закладной кобале 93-го году, а заложил ту вотчину юрьевской немчин Игнатей Иванов сын Игорьь, (дрв) Кулантаеву, и всего две деревни да 7 пустошей, а в них двор вотчинников да 5 дворов людских, да 11 дворов крестьянских, а людей в них тож, пашни паханые средние земли 43 чети да перелогу 124 чети, обоего 167 чети.

А подлинных писцовых книг Московского уезда Ивана Фефилатьева после московского разоренья не сыскано.

И всего в селе Микифорове и в деревне Кулантаеве з деревнями и с пустоши 398 чети с осминою. //

А в даче 119-го году, июля в 17 день написано:

Дано при боярех князю Федору Волконскому в подмосковной ево оклад во 100 чети в Московском уезде селцо Микифоровское з деревнями, что было в вотчине за Андреем Клешниним, в подмосковное поместье со всеми угоды.

А то де селцо в порожжих землях, а сколько в нем чети, того в даче не написано.

РГАДА. Ф.1209. Столбцы по Брянску, №30/31674. Б/п. Изложение 1627-31 гг.
¹В рукописи: паш.

№ 3

1641–1648 гг. — Выдержки из челобитных Андрея и Михаила Бахтеяровых детей Клешина о возвращении им вотчины их троюродного деда окольного Андрея Петровича Клешина сельца Микифоровское с деревнями в Кошелеве стану Московского уезда

1641 г. июля 30: <...> И ныне сын того князя Федора князь Иванова сына Волконского окольного князь Федор Федорович Волконской, отбивая нас, холопей твоих, деда нашево от вотчинки, принес к тому нашему делу челобитную, а написал, будто дед наш точен кровь государя царевича блаженные памяти князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, и будто умыслом деда нашего кровь крестьянская лилась. И про то, государь, вестно тебе, государю, и всему государству, хто убил государя царевича, и от чево кровь лилась. А коли б дед наш тому был точен, и он бы после ево, государя царевичевы, смерти у брата его, а у твоего государева дяди, у государя нашего блаженные памяти государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в чести не был. А то, государь, и скончался дед наш в вашей государьской милости безо всякого пороку во 107-м году, а кровопролитие, государь, учинилось во 113-м году, как пришел на Северу вор Рострига.

А тово окольное князь Федоров отец князь Федор князь Иванов сын Волконской тому вору Ростриге на Севере и крест целовал, а вам, государем, изменил и с ево, Розстригину, сторону с вашими государевыми людьми на Севере бился и кровь крестьянскую проливал, забыв ваше государево крестное целованье. А после того тот же князь Федор князь Иванов сын Волконской преступил крестное целованье блаженные памяти государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии — изменял, умышлял и заводил на нево, государя, злое дело и приходил с товарищи своими заговорщики к нему, государю, с шумом, и к вору в Тушино отъезжал, и всяким недобрым делам // заводчик был на разорение государьства Московского и на розлитие крестьянские крови. И их заводом и умыслом государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии своего царьского престолу лишон и в плен литовскому королю отдан. И Московское государьство разорилось и кровь крестьянская многая опять пролилась от них, мятежников, а не от деда нашево.

А дед наш и отец и все родители наши, паметуючи государево крестное целованье, везде вам, государем, служили и за вас, государей, кровь свою проливали. Прадед наш и дед родной Илья, прозвище Образец, в 79-м году в приход крымского царя под Москву на боех за вас, государей, побиты. А отца, государь, нашего во 115-м году царь Василей Иванович послал на службу под Калугу против вора Ивашка Болотникова. И отец наш небольшими людьми у тово вора многих людей побил и сам кровь свою вам, государем, показал — за вас, государей, под Калугою убит. А в ызмене, государь, родители наши и отец наш нигде не бывали и к дурну ни х какому не приставливали. А мы, холопи твои, после отца своего в полону и в осаде сидели и всякую нужу и голод за вас же, государей, терпели, а в воровстве и в ызмене нигде не бывали ж <...>

1648 г. июня 16: <...> В прошлом, государь, во 107-м году, не стало деда нашего околничего Андрея Петровича Клешнина, а после ев[о] роду нашего толко остался отец наш да дочь ево, Андреева, а наша тетка, княгиня Мар[ья] Андреевна, что была замужем за князем Юрьем Никитичем Трубецким. А вотчинки, государь, свои дед наш отказал в монастыри по себе и по родителям наших, а которые места болшие — на Резани острог Печерники, в Дорогобуже волость Селяево, и те после ево взяты во Дворец, а досталные, государь, вотчинки неболшие, которые были, отказал дед наш нам в род. И теми, государь, ево вотчинками владела жена ево, а наша бабка, после ево по смерть свою.

И в прошлом, государь, 115-м году, как засели воры Колугу — Ивашка Болотников с таварыщи, и царь Василей Иванович послал отца нашего с ратными людьми на тех воров под Колугу для колужского промыслу и очищения. И отец наш, паметуя ваша государьское кресное целованья, вам, государем, служил правдою, пришед под Колугу с невеликими людьми, побил у тех воров многих людей в деревне во Мстихине и на иных боях. А после, государь, тово, как пришли под Колугу болшие бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстисловской с таварыщи, и отца нашего при них под Колугою на бою те воры убили. Весно про то твоим государевым бояром и всему государству.

А после, государь отца нашего, во 118-м году и бабки нашей, Андреевой жены, и дочери Андреевы, а нашей тетки, замужем за князь Юрьем Никитичем Трубецким, на Москве не стало, а детей после той тетки нашей не осталось. А мы, холопи твои, в те поры, как убили отца нашего, и как не стало бабки и тетки нашей, были малы, а роду нашего, акроме дву нас, не осталось — побить челом было за нас о тех наших вотчинках некому. И учело, государь, в те ж поры быть безгосударное время и московское разоренье. И теми, государь, деда нашего и нашими вотчинками, которыми владела бабка наша по смерть свою, завладели под Москвою при боярех князь Федор княж Иванов сын Волконской з детми — в Московском уезде селом Микифоровским з деревнями — в поместья, аболгав: бил челом бояром, а сказал бояром, бутто та вотчина после деда нашего Андрея была в порозжих землях, и вотчичев ей нет, а нас, холопей твоих, в челобитье своем утаил. А мы в те поры были малы и засажены у литвы в полону в Кремле в осаде <...>

РГАДА. Ф.1209. Столбцы по Брянску, №30/31674. Б/п. Подлинники.

А.Е. Храбров

МИФ О НАСЛЕДСТВЕ БОЯРЫНИ Ф.П. МОРОЗОВОЙ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

Житие сподвижницы протопопа Аввакума боярыни Федосьи Прокопьевны Морозовой наиболее полно освещено в исследовании А.И. Мазунина «Повесть о боярыне Морозовой». А. Панченко, автор предисловия к книге, поведал о родословной Морозовых, ведущей начало от Миши Прушанина, отличившегося в битве Александра Невского со шведами на Неве в 1240 г. Последние представители рода Морозовых братья Борис и Глеб, помещики средней руки, начав карьеру при царском дворе, умножили свои состояния (особенно преуспел в этом Борис: к концу жизни в его владениях насчитывалось свыше 300 населённых пунктов) (1). Борис женился на сестре царицы (после свадьбы царя) Анне Ильиничне Милославской, Глеб (тоже вторым браком) на родственнице царицы семнадцатилетней Федосье Прокопьевне Соковниной (недавно изданная школьная энциклопедия ошибочно меняет её фамилию на Соковину) (2). Далее А. Панченко сообщает, что Борис Морозов умер в 1662 г. бездетным (распространённая ошибка: боярин умер в ноябре 1661 г. (3)). «Его вотчины наследовал младший брат, который и сам был очень достаточным человеком (бесспорно, но даже только по числу дворов его владения составляли менее четверти вла-

дений брата, который, к тому же, имел кирпичные заводы, винокурни, рыбные промыслы, вёл обширную внешнюю и внутреннюю торговлю, занимался ростовщичеством и т.д. — А.Х.). Почти одновременно с Борисом скончался и Глеб Иванович, и единственным наследником этого огромного состояния, уступавшего, быть может, только состоянию именитых людей Строгановых, оказался отрок Иван Глебович, а на деле его мать Федосья Прокопьевна Морозова» (4). Так одним росчерком пера А. Панченко лишил средств к существованию боярыню Анну Ильиничну, вдову Бориса Морозова.

Между тем сохранилась «171-го году боярина Бор. Ив. Морозова жены ево вдовы боярыни Анны Ильиничны книга приходная и расходная медным деньгам разных доходов» (за период с октября 1662 г. по июнь 1663 г.). Она частично опубликована вместе с вотчинной перепиской Б. Морозова. Интерес представляет перечень расходов на каменную церковь в с. Павловском: отправка в село на переплавку 5000 руб. медных денег, закупка материалов, отливка 2 колоколов, иконописные работы, опаивание глав «белым железом» и пр. (5). К работе, по поручению царя Алексея Михайловича, были привлечены придворные иконописцы, а колокола отливал «госу-

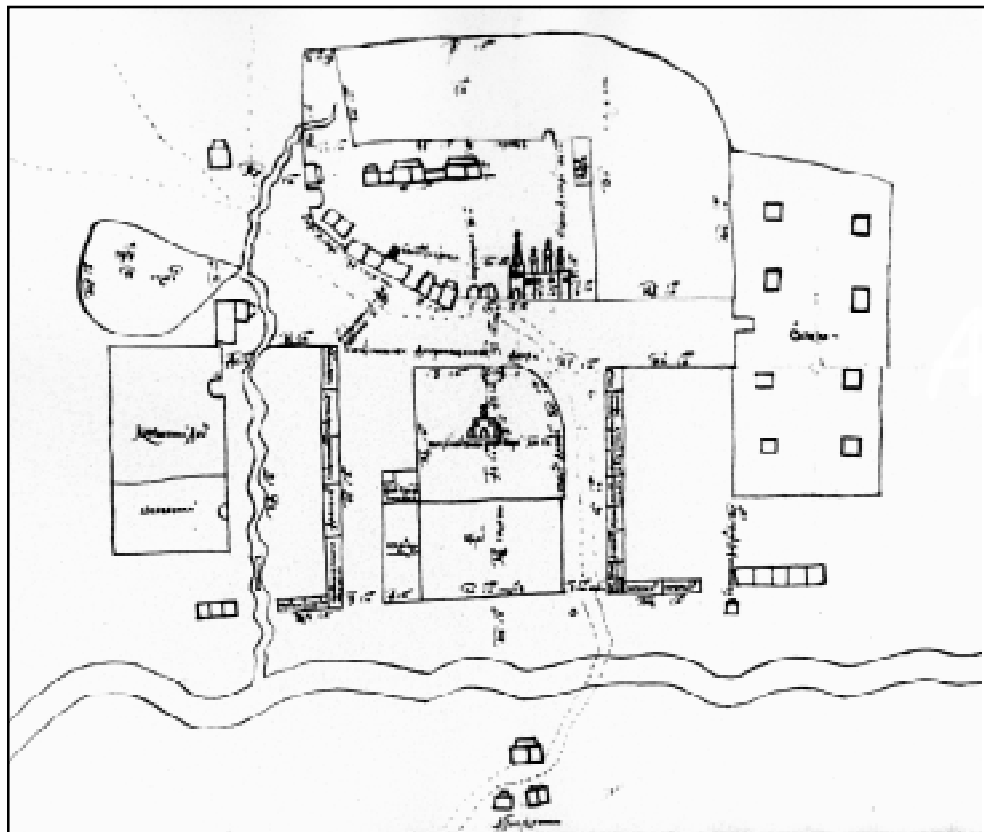
Работа опубликована: Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. Т.1. М., 2005. С.25–31. Автор любезно согласился опубликовать её в нашем сборнике.

дарев мастер» Александр Григорьев. Внимание царя не было случайным. Он хорошо знал эту загородную резиденцию боярина Б. Морозова (кстати, вопреки мнению А. Панченко, отнюдь не отличавшуюся пышной роскошью), нередко был гостем по пути в Звенигород, слушал здесь молебен, приезжал на охоту. О его личном отношении к боярину свидетельствует собственноручная приписка в грамоте игумену Кирилло-Белозерского монастыря, где Морозов отбывал кратковременную фиктивную ссылку после «соляного бунта» 1648 г.: «Как сия грамота придет, и вы известите приятелю моему и вместо отца моего родного боярину Борису Ивановичу Морозову, что время ему, воспитателю моему, ехать в деревню в Тверскую ево... и отпустить ево с великою честью и з бережатыми, и чтобы берегли ево здоровья накрепко» (6). Историки и духовенство ошибочно полагают, что Анна Ильинична завершала строительство церкви, начатое боярином (7). Однако церковь с одним приделом впервые упоминается ещё в письме приказчика от января 1652 г. (8). А в 1662–1663 гг. шло поновление церкви, устраивался второй придел пророка Илии, соответственно менялось количество глав и колоколов, писались иконы в память об усопшем боярине, на пышные похороны которого только из казны было выделено 10000 руб. (9). Могли ли царь оставить его вдову без наследства? Вопрос риторический.

Отказная книга на вотчины боярина Б. Морозова сохранилась не полностью (утрачено начало), но на одном из обрывков следующих листов уцелела запись: «Да боярина ж Бориса Ивановича Морозова старинную деда и отца ево вотчину от-

казал жене ево боярыне вдове Анне Ильиничне в Звенигородском уезде в Город(ском) стану село Павловское...» (10). Дату книги находим далее: «Лета 7173 (1665 г. — А.Х.) марта в 11 день по государеву указу... по челобитью боярина Бориса Ивановича Морозова жены ево боярыни вдовы Анны Ильиничны подьячий Яков Львов приехал в Коломенский уезд» и переписал «крестьянские и бобыльские двory и во дворех людей» (11). В этой книге переписаны вотчины А.И. Морозовой также в Каширском, Арзамасском, Тверском, Волоколамском, Вяземском, Нижегородском, Курмышском, Алаторском, Темниковском, Галицком и Рязанском уездах.

А.И. Морозова скончалась 26 сентября 1667 г. (12), и в октябре её вотчины отписываются в казну. Монография Д. Петрикеева завершила изучение истории вотчинного хозяйства Б.И. Морозова, начатое ещё в 70-х годах XIX в. И.Е. Забелиным. Приведя сведения о хлебных запасах в вотчинах А. Морозовой, взятые из описных книг 1667 г., автор отмечает, что «не сохранилось описных книг по Звенигородскому, Коломенскому и Вяземскому уездам» (13). В последних двух уездах владения были невелики, но в Звенигородском была представлявшая особый интерес для историков Павловская вотчина — центральная в огромных владениях боярина, роль и значение которой ему пришлось домысливать. В 1730 г. эта вотчина в полном составе (село и 24 деревни) была пожалована графу П.И. Ягужинскому, едва ли не единственному сподвижнику Петра I, избежавшему опалы. Граф предусмотрительно заручился копией описной книги 1667 г., которая и сохранилась (под-

План усадьбы боярина Б.И. Морозова в с. Павловском Звенигородского у. 1667 г.

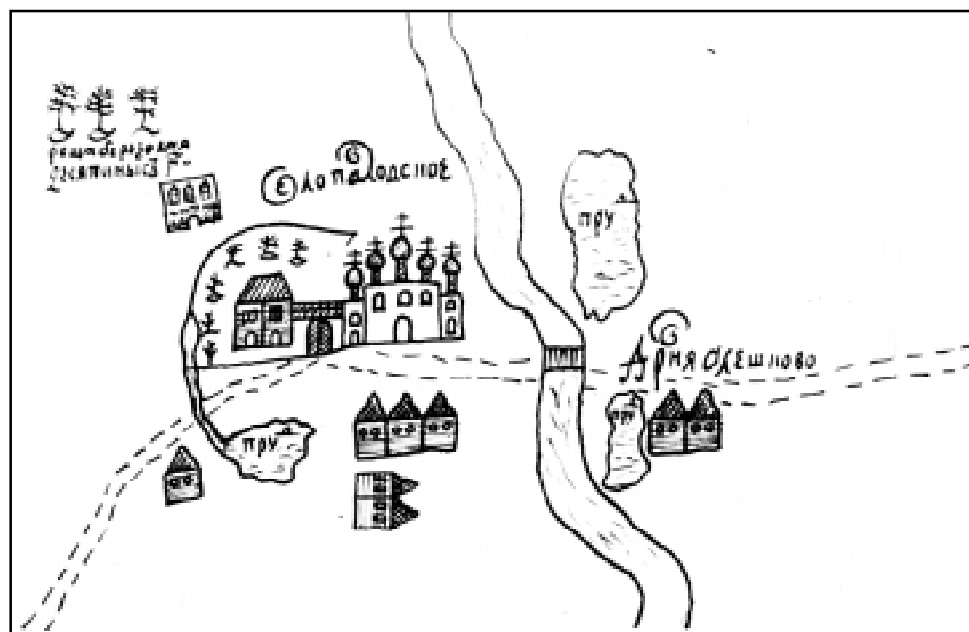
линник, по-видимому, сгорел во время пожара в Дворцовом архиве в 1737 г.). Она цитировалась братьями Холмогоровыми с указанием координат её хранения в одном из архивных дел (14). Более того, в РГАДА хранится так называемый «План неизвестного села», который на самом деле является планом усадьбы Б.И. Морозова в с. Павловском; хранится там и очень точный план вотчины с указанием её границ. К сожалению, оба плана обойдены вниманием историков. Планы были составлены после кончины А.И. Морозовой (доказательства опустим) и полностью согласуются с копией описной книги, начало которой сто-

ит процитировать (с небольшими сокращениями), дабы не было сомнений в её наличии: «Лета семь тысяч сто семьдесят шестого (1667 г. — А.Х.) октября в 19 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича указу боярина Бориса Ивановича Морозова после жены ево боярыни Анны Ильиничны в Звенигородском уезде село Павловское з деревнями и пустошми и что в том селе Павловском всякого строения и заводов и дворов... и во дворах людей Смирной Григорьевич Свиныин досмотра переписал» (15).

Итак, в приведённых документах с 1662 по 1667 гг. (а их перечень можно и продолжить) наследницей

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в с. Павловском. Реконструкция Лопяло.

Фрагмент плана вотчины боярина Б.И. Морозова в с. Павловском Звенигородского у. 1667 г.

всех вотчин Б.И. Морозова упоминается только Анна Ильинична. Оппоненты могут возразить, сославшись на сообщение А. Мазунина о том, что в «выписке из Записных книг приказа Тайных дел упомянуто село Котельниково с деревнями и пустошами, которые были стольника Ивана Глебова сына Морозова» (16). Запись датируется 1673 г. Возможно, именно этот акт А. Панченко и посчитал вполне достаточным для «передачи» Глебу всего состояния Бориса Морозова. Однако село в числе прочих владений А. Морозовой тоже было отписано в казну в 1667 г. Царь оставил за собой только 2 богатейшие нижегородские вотчины и полюбившуюся ему Павловскую, где впоследствии были «хоромы государыни царицы и великой княгини Наталии Кирилловны» (17). Остальные вотчины вскоре обрели новых владельцев. Так что с. Котельниково было пожаловано Ивану Глебовичу (или Федосье Прокопьевне) после смерти А. Морозовой уже из числа казенных владений.

Таким образом, версия А. Панченко (которую разделяет и А. Мазунин) о наследовании Ф.П. Морозовой огромного состояния боярыни Б.И. Морозова не соответствует действительности. Но, к сожалению, после выхода в свет книги А. Мазунина (10000 экз.) она тиражируется в популярном журнале «Крестьянка» (18), приводится в книге А.А. Антипова (19), «Калужской энциклопедии» (20), в произведениях писателей. Ошибки в исторической и краеведческой литературе весьма коварны: кочуя из одного издания в другое, множась (стараниями не слишком добросовестных или сведущих авторов) и накапливаясь, они

нередко полностью искажают истинную картину происходивших событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII века. Л., 1967. С.32.
2. Руссика: Школьная энциклопедия. М., 2003. С.396.
3. Путешествие в Московию барона А. Мейерберга... в 1661 г. М., 1874. С.114.
4. Мазунин А.И. Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979. С.8, 9.
5. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Ч.1. Л., 1933. С.237–239, 248.
6. Дополнения к актам историческим. Т.3. СПб., 1848. С.152.
7. Петрушина Л. Храм над Истрой // Божий мир. 1998. №7–8. С.12.
8. Хозяйство крупного феодала. С.55.
9. РИБ. Т.21. СПб., 1907. С.170.
10. РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Кн.7090. Л.12.
11. Там же. Л.65.
12. Дополнения к актам историческим. Т.5. СПб., 1855. С.115.
13. Петрикеев Д.И. Указ. соч. С.29.
14. Исторические материалы о церквях и сёлах XVI–XVIII ст. Вып.3. М., 1886. С.10.
15. РГАДА. Ф.1209. Вотчинная коллегия, г. Муром, дела молодых лет. Кн.10. Л.259.
16. Мазунин А.И. Указ. соч. С.97.
17. РГАДА. Ф.396. Оп.32. Д.1702. Л.38.
18. Крестьянка. 1991. №12. С.16–19.
19. Антипов А.А. Живые корни России. Боровск, 1994. С.130.
20. Калужская энциклопедия. Калуга, 2000. С.380; Калужская энциклопедия. Изд. 2-е. Калуга, 2005. С.280.

В.В. Демченко

БОРОВСКИЙ БАНК В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Боровскому городскому общественному банку (ГОБу) братьев Харлампия и Петра Протопоповых принадлежит важное место в истории экономики калужского края: он первым создан в губернии*, неоднократно обеспечивал убедительные приоритеты боровчан в условиях рыночных денежно-кредитных отношений, работал в течение последних 55 лет предреволюционных российских преобразований. О нём упоминалось на научных конференциях и в печати (1), однако специальный анализ его деятельности ни разу не предпринимался, хотя опыт этого учреждения может подсказать методы и формы разрешения некоторых современных проблем. Тем самым обуславливается новизна и актуальность данной темы.

Созданию ГОБа в Боровске предшествовали многолетние попытки образования в стране подобных структур, причём основанных на общегосударственных нормативных документах (2). Первые общественные банки возникли в 1789 г. в Вологде, в 1809 г. — в Вятской и в 1819 г. — в Тверской губерниях. Причина подобной медлительности была и в том, что

«операции городских банков всемерно ограничивались» в целях предупреждения конкуренции казённым кредитным образованиям (3), и в противодействии на местах из-за уклонения от коллективной ответственности за их финансовую стабильность. 11 марта 1826 г. дворяне Боровского уезда обсудили очередное обращение Н.С. Мордвинова — президента Вольного экономического общества, — обосновавшего необходимость ускорения этого процесса, экономическую целесообразность вложения средств в такие банки представителями всех сословий, многопланово осветившего технологию банковских операций, указавшего на условия их эффективности, и решили, что «без особенного Высочайшего соизволения приступить к учреждению такого банка согласиться не сможем, утруждать же Его Величество испрашиванием на сие монаршего соизволения не осмеливаемся» (4). Губернский предводитель дворянства обобщил все подобные решения, но скрыл от властей иные, принятые в поддержку создания ГОБов (5).

Спустя 36 лет, после выхода в

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 04-02-59004а/Ц.

* Имеются сведения, что первый городской общественный банк в губернии открылся в 1855 г. в Мещовске на средства и по инициативе А.П. Молчанова. См.: Хомутова О.Ю. Гильдейское купечество Калужской губернии в конце XVIII—1860-е годы: Численность, состав, корпоративная организация и профессиональная деятельность: Автореферат дис. на соискание уч. ст. кандидата ист. наук. СПб., 2002. С.17. (ред.)

свет Нормального (типового) положения о городских общественных банках (1862), указом Калужского губернского правления №8021 от 5 октября 1862 г. Боровский ГОБ был учреждён (6). К этому времени в губернии действовала только одна подобная структура — Калужский городской общественный банк братьев М. и П. Малютиных (Малю-

ёму вкладов, переучёту векселей и подобным операциям могли превышать размер собственного капитала в 10 раз, то с 1883 г. этот норматив сокращён вдвое; одновременно установлено, что наличность банка вместе со средствами на его текущем счёте не могла быть меньше 10% всех обязательств и данные остатки могли использоваться только для их удов-

Таблица 1. Собственный капитал Боровского ГОБа

показатели/год	1862	1886	1889	1896	1900	1902	1911	1914
основной капитал (тыс. руб.)	13,0	72,4	75,7	75,8	75,9	76,2	74,2	77,1
запасный капитал (тыс. руб.)		8,6	4,2	1,7	10,2	11,6	13,5	16,1
собственный капитал (тыс. руб.)	13,0	81,0	79,9	77,5	86,1	87,8	87,7	98,2

тинский банк) в губернском центре, он приступил к работе с клиентами тремя месяцами ранее Боровского; в 1880-е годы их будет уже 11. Боровчане заложили основу образования таких учреждений в каждом уезде. Они же показали, как выстраивать успешную деятельность, начиная с азов банковского дела — основного, или уставного, капитала. Законодательно был обусловлен минимум 10 тыс. руб., его восстановление или пополнение из прибыли, а также образование запасного капитала на случай непредвиденных обстоятельств. Основной (уставный) и запасный капиталы вместе составляли собственный капитал банка (таблица 1).

От размеров собственного капитала зависели объёмы всех основных банковских услуг, причём требования постоянно возрастали. Если в 1862–1882 гг. обязательства по при-

летворения. В этих же пределах — 10% собственного капитала — был отныне возможен размер кредита или объём учтённых векселей одного лица (7). Вот почему ГОБ приложил большие усилия к тому, чтобы с первых лет неуклонно приращивать собственный капитал, и в конце концов увеличил его не менее чем вшестеро, а в годы предреволюционного подъёма (1911–1914) — более чем в 7 раз. По этому показателю боровские банкиры уступали только малютицам.

Если размер собственного капитала указывал на потенциальные возможности кредитного учреждения, то степень их реализации концентрированно представлялась кассовым оборотом: именно в нём в конечном итоге отражалась в денежном выражении вся совокупность исполненных банковских операций. По этому показателю Боровский ГОБ

Таблица 2. Кассовый оборот Боровского ГОБа в 1880–1914 гг.

показатели/год	1880	1886	1889	1896	1900	1911	1914
кассовый оборот (тыс. руб.)	1768	1729	1556	1612	1504	1449	2603
отношение кассового оборота к собственному капиталу	24,8	21,3	19,5	20,8	17,5	16,5	27,9

устойчиво занимал третье место в губернии, превосходя равный ему по размеру собственного капитала Козельский более чем втрое. Анализ динамики по этому показателю свидетельствует о том, что этот уровень достигался упорной повседневной работой на протяжении десятилетий, колеблясь вокруг средней величины 1608,5 тыс. руб. и лишь в 1914 г. превзойдя её на 995 тыс. руб., или на 62%.

Ещё больший интерес представляет ряд динамики соотношения кассового оборота и собственного капитала, потому что даёт понятие о качественной стороне деятельности боровских банковских служащих (см. таблицу 2).

По интенсивности кассового оборота Боровский ГОБ был на уровне Малютинского — безусловного лидера банковского сообщества в губернии, а из тех 5, которые превосходили их, 3 обанкротились в 1890–1893 гг. Иными словами, Боровский ГОБ работал так же напряжённо, но постоянно соотносясь с возможностями выполнять обязательства перед клиентами.

Подобное отношение последовательно проявлялось в его работе со средствами населения, хотя давалось это непросто. С одной стороны, вклады являлись самым постоянным и надёжным ресурсом, которым располагали ГОБы: если результаты ра-

боты с процентными бумагами зависели главным образом от эмитентов (их надёжности, ставок, сроков тиражей, условий погашений), комиссионные — от почти непредсказуемых поручений корреспондентов, доходность векселей — от обеспечения залогом, исполнительного производства по ним, то средства во вкладах были всегда, потому что права вкладчиков надёжно защищались государством, обязательства кредитных учреждений перед физическими лицами ставились выше задолженности перед государством. С другой стороны, не все правила вкладных операций представляли интерес для населения: банк имел право изменять процентные ставки когда угодно, если за месяц публиковал в печати соответствующее извещение; вкладчики не получали проценты по вкладам, истребованным ранее 6 месяцев, по вкладам на хранение, а также проценты на проценты; если вкладчик по истечении срока хранения не взял деньги или не сообщил за 3 месяца о пролонгации, вклад обращался в бессрочный (8). Так произошло в 1896 г., когда Боровский ГОБ обратил срочные вклады с 5-6 % годовых в бессрочные под 4%, в вечные — под 4,5% вместо прежних 6,5-7%; в результате отток средств со счетов составил сразу 51 тыс. руб., а на 1 января 1897 г. — ещё 13 тыс. руб. (9).

Таблица 3. Вклады в Боровский ГОБ

показатели/год	1880	1886	1889	1896	1900	1911
наличие средств на счетах (тыс. руб.)	475	408	382	301	169	234
поступило (тыс. руб.)	данные не обнаружены			64	40	данные не
снято (тыс. руб.)	данные не обнаружены			25	84	обнаружены

С образованием новых кредитных структур, формированием их разветвлённой системы острее становилась конкуренция на финансовом рынке. Это создавало немалые трудности в сохранении клиентуры, обеспечении приливов во вклады (таблица 3).

Снижение средств на счетах продолжалось более 20 лет, за это время оно превысило 2,8 раза, и первоначальный уровень так и не удалось восстановить, хотя за 1900–1911 гг. сбережения выросли в 1,4 раза. Иными словами, доверие к Боровскому ГОБу не было утрачено, о чём свидетельствуют как сроки вкладов (чаще всего от 3 до 12 лет, хотя в числе срочных было ещё 5 промежуточных вариантов), так и неснятые начисленных процентов, составлявшее в 1900 г. 35%, а также то, что по доле вкладов в системе ГОБов губернии боровчане входили в первую тройку. Что касается ответственности перед вкладчиками, то ещё за несколько лет до ужесточения норматива суммы обязательств к собственному капиталу они вплотную приблизились к более строгому (10).

Структурно вклады делились по трём основным видам: 2,4% было на вечных, 17,2% – бессрочных (нынешних «до востребования») и 80,4% срочных. Это соотношение было более предпочтительным, чем в целом

по ГОБам (соответственно 6,4%, 22,7%, 70,9%), потому что позволяло кредитному учреждению оптимизировать привлечённые средства по направлениям использования. Это не значит, что деятельность Боровского ГОБа ограничивалась отдельными услугами, как и все подобные структуры, он строго следовал Нормальному положению, в том числе соблюдал предписанные виды несмотря на бесприбыльность некоторых из-за незначительных объёмов. Почти треть прибыли приносили ссудные операции. Их общий объём регламентировался финансовыми возможностями банка, зависел от спроса на них, надёжности залогов, возвратности, платежей по процентам.

Ссудная практика Боровского ГОБа не была подвержена особым всплескам. В течение 15 лет, в 1889–1903 гг., ежегодно выдавали от 64 до 81 тыс. руб., причём соотношения выдач и уплат почти не отличались, поэтому остатки на ссудных счетах баланса почти одинаковы. Если сравнить сумму всех выдававшихся ссуд с суммой вкладов населения, то окажется, что Боровский ГОБ относился к той группе из трёх ГОБов, которые приняли во вклады несравнимо больше средств, чем выдали ссуд, у него объёмы ссуд ккладам не достигали и 20% (11).

Были и промахи. В 1885 г.

городская дума выявила в Боровском ГОБе превышение лимита на ссуды, поэтому ввела повышенную ставку на них, строго взыскала с виновных руководителей; впоследствии подобные промахи не установлены.

Боровский ГОБ тщательно взвешивал надёжность залогов под ссуды, соизмерял общие требования с конкретными условиями в уезде, руководствуясь здравым смыслом и собственным опытом. Если Нормальное положение отдавало предпочтение залогу земли, ссуды под которую могли выдаваться на срок до 12 лет (под каменные здания — до 8 лет, прочие — до 3 лет), то Боровский банк под землю ссуды не выдавал 18 лет, с 1886 по 1903 гг. В 1886 г. структура залогов была следующей: строения — 75%, ценные бумаги — 21,3%, ценности (золото, серебро, изделия с драгоценными камнями) — 3,7%. В последующем большинство залогов стали составлять ценные бумаги, доля ценностей несколько возросла (до 6-9%), а строений уменьшилась в 3-6 раз, и они, как и прежде, должны были располагаться только в пределах Боровского уезда. Подобная переориентация позволила сократить общий остаток капитального долга со 170 тыс. руб. в 1886 г. до 81 тыс. руб. в 1896-м, под залог строений — со 128 тыс. руб. до 48 тыс. руб. соответственно, а ценных бумаг — на 21%.

Высокая степень возвратности ссуд была обусловлена и тем, что размер залога не превышал половины его оценки (12), при выдаче ссуды на срок до 1 года проценты взимались сразу за всё время займа из его же суммы, если срок ссужения был большим — вперёд за каждый предстоящий год. В то же время основной капитал возвращался по

истечении срока займа, за исключение долгосрочных ссуд: при восьмилетнем сроке первое погашение следовало через 3 года, по 20% ежегодно, при двенадцатилетнем — через 2 года, по 10% ежегодно. Таким образом, ссуды были выгодны для серьёзного дела (13).

Повсеместное и всесословное распространение в уезде имели векселя, так как позволяли обеспечивать ускорение деловых отношений, способствовали продвижению товаров на рынок, в значительной степени стабилизировали денежное обращение. В работе с ними боровские банкиры добились очевидных успехов: две трети балансовой прибыли банка приходилось на эти операции. Это был не самый высокий показатель среди аналогичных учреждений, но он саккумулировал очень взвешенные и целенаправленные усилия. За всё время существования Боровского ГОБа сумма учётных векселей всегда превышала 550 тыс. руб., суммы уплат банка по учётным векселям превосходили суммы учётных за этот период, просрочка платежей была менее 2,7%, долги по ним всегда взыскивались и никогда не покрывались из прибыли банка. Такой совокупности достижений не имел больше ни один банк губернии. Большая заслуга в этом принадлежала учётному комитету, созданному при Боровском ГОБе в 1879 г. На основе собственного и иного опыта к решению вексельных вопросов привлекали тех, кто в совершенстве знал конъюнктуру рынка и его наиболее значимых участников, отслеживал относящуюся к ним информацию. Это были не просто купцы, а в обязательном порядке «постоянно торгующие на месте (то есть в границах деятельности учёт-

Таблица 4. Работа Боровского ГОБа с векселями

показатели/год	1880	1896	1911
учтено за год (тыс. руб.)	671	616,6	554,7
по учтённым уплачено банку (тыс. руб.)	644 (95,9% учтённых)	608,4 (98,6% учтённых)	558,9 (100,8% учтённых)
просрочено в течение года (тыс. руб.)	4,7 (0,7% учтённых)	16,8 (2,7% учтённых)	5,7 (1% учтённых)
остаток просроченных (тыс. руб.)	21,5	5,0	
учётный процент	8	8	8

ного комитета. — В.Д.) по купеческим свидетельствам 1 и 2-й гильдий» (14). Вот почему представляют особый интерес данные о работе с векселями начиная с 1880 г. — первого полного года деятельности комитета (см. таблицу 4).

В этих результатах немаловажно то, что нотариусы были материально заинтересованы в благоприятном для банка итоге: с 1867 г. такса предусматривала оплату, с одной стороны, за каждый протестованный вексель (50 коп. за вексель до 500 руб., 1 руб. — свыше 500 руб.), с другой — сверх того 0,1% с валюты векселя. Работа заключалась в составлении акта о протесте на основании устава о векселях 1902 г., внесении его дословно в особую книгу, извещении о протесте и предъявлении требования о платеже (15).

Повседневные заботы Боровского ГОБа не ограничивались внутренними проблемами. Его статус и воля учредителей предусматривали многоплановое участие в решении вопросов социального характера. В первый год, всегда

очень трудный, после отчислений на содержание и в резервный капитал выделено 400 руб. на нужды богадельни при церкви Рождества Христова в Боровске, 50 руб. на уплату податей за обременённых семействами мещан, 70 руб. на раздачу перед Пасхой и Рождеством бедным семьям, увечным и сиротам, 200 руб. на местные церкви и их причты, в целом 720 руб. Остальная прибыль направлена на усиление основного капитала. Учредитель стремился и в последующем выдерживать социальную ориентацию при распределении заработанных Боровским ГОБом средств: когда они позволят, подчеркнул он при открытии учреждения, следует организовать на них уездное женское училище, если и после этого останутся свободные деньги, то необходимо платить из них подати и повинности «по заслуживающим особого уважения обстоятельствам» (16). В 1896 г. на благотворительность направлено 2620 руб., в 1897-м — 3230 руб. (17). Таким образом, отчисления прирастали в сумме, как

только такая возможность появлялась. Чтобы составить представление об их весомости, нужно учитывать, что чистая прибыль колебалась на протяжении четверти века в пределах 2316 руб.: в 1889 г. это 4082 руб., в 1902 г. — 1267 руб., в 1911 г. — 551 руб. (18).

Всё это в значительной степени зависело от руководящего состава банка. Особенно долго и успешно возглавляли его Василий Иванович Шокин (1890—1898) и Фёдор Дементьевич Головтеев (1899—1910), бухгалтерами трудились В.Н. Селивёрстов (1890—1902) и Константин Петрович Смирнов (1903—1912). Вообще же за 55 лет деятельности Боровского ГОБа в нём в качестве главных руководителей было всего 6 человек, как и в Малютинском. Должностной оклад боровского директора в 1911 г. составлял 900 руб. в год, бухгалтера — 400 руб. (19), заработок по тем временам весьма умеренный.

Много времени затратило государство на регламентацию деятельности ГОБов: неоднократно дополнялось и изменялось Нормальное положение 1862 г., на общественные банки распространялись указы императора по соответствующим вопросам, инструкции Министерства финансов и Министерства внутренних дел, иные нормативные документы общегосударственного и местного уровня. Во всех случаях анализировалась практика этих структур, на основе анализа вырабатывались более жизненные правила, в первую очередь по налогообложению.

Боровский ГОБ уплачивал прежде всего налог с основного капитала в размере 0,15%, причём из общей суммы вычитался основной промысловый налог и лишь разница

подлежала взносу в казну; государственные сборы за начисленные проценты по вкладам в размере 5%; сбор с торговых предприятий в 3% от прибыли; в обязательном порядке осуществлялись отчисления в городской бюджет, которые порой превосходили государственные поступления, в случае необходимости город мог рассчитывать на льготный кредит своего банка, как правило — долгосрочный.

Полностью исключались из налогооблагаемой базы все расходы на благотворительность, из чистой прибыли — суммы, которые направлялись на погашение убытков и просроченных векселей неисправных плательщиков (20).

Была создана многоступенчатая система контроля за деятельностью общественных банков. В Министерство финансов регулярно направлялись балансовые отчёты, там же решались — по представлению с мест — вопросы о крупных кредитах, мерах в отношении несостоятельных заёмщиков, процентных ставках. Губернскому податному присутствию обязательно направлялись годовые балансы, счета прибылей и убытков, протоколы думских собраний по отчётам банков и акты ревизионных комиссий, квитанции об уплате налогов и сборов в казну. На основании тщательного изучения этих документов принимались определения о работе кредитного учреждения.

Нормальное положение 1883 г. предусматривало более серьёзный, чем прежде, механизм контроля городских обществ за работой городских общественных банков. По истечении каждого месяца городской голова и два члена управы совместно с правлением банка проверяли всю наличность в кладовой, бухгалтерские кни-

ги и другие документы, представляли в думу ведомости проверки. Такой же контроль мог быть осуществлён думой в любое время силами специально избранных для этого лиц. До 1 марта в думу представлялся отчёт за истекший год, после чего на её заседании тайным голосованием избиралась ревизионная комиссия из 3 гласных (то есть депутатов), которая в течение 2 месяцев проверяла банк, по результатам проверки принималось решение об оценке его работы. Если появлялась вероятность неудовлетворительной оценки, решение принималось тайным голосованием (21).

Тем не менее, случались и неприятности. В Боровском ГОБе 1 декабря 1903 г. обнаружилась пропажа из денежного ящика различных процентных бумаг на 12 тыс. руб. Как предусматривалось правилами, такие ящики хранились в кладовой уездного казначейства, расположенного в одном здании с полицейским управлением — и это представлялось достаточно надёжным. Но из-за безответственности должностных лиц присяжный поверенный казначейства Дмитриев в сговоре со столяром Сахаровым за 2 недели до этого путём нехитрых манипуляций совершил хищение — в прямом смысле за спиной у казначея. Правоохранительным органам на этот раз удалось достаточно оперативно вернуть всё похищенное, а власти сделали соответствующие выводы частного и общего порядка* (22).

Важно то, что ни один ГОБ не мог принять решения по принципиальному вопросу без рассмотрения на заседании местной думы.

В 1883 г. Министерство финансов расширило перечень разрешённых таким банкам операций: стали возможны открытие расчётных счетов под государственные и гарантированные правительством процентные бумаги, получение платежей по векселям и другим срочным денежным документам, покупка и продажа — за свой счёт и по поручениям — драгоценных металлов, залог принадлежащих ГОБу процентных бумаг в иных кредитных структурах, перезалог в них же процентных бумаг, принятых в залог от частных лиц с их согласия. Однако всё это могло быть сделано банком только по решению думы о готовности принять на себя риск по таким операциям. В свою очередь, городскому обществу переходили после смерти учредителя все права, в том числе по распоряжению прибылью.

Должности директора банка и его заместителей были несовместимы со званием гласного городской думы, должностями городского головы, члена городской управы, секретаря и других штатных сотрудников думы, с обязанностями в иных кредитных структурах: если кто-нибудь из них избирался в руководство банка, он обязан был оставить службу.

Контроль деятельности ГОБов был доступен и населению. Это обеспечивалось единым общегосударственным порядком, не соблюсти который не представлялось возможным: инструкция Министерства финансов от 28 июня 1885 г. предусматривала, что каждый годовой финансовый отчёт денежно-кредитного учреждения после проверки представлялся казённой палатой в редакцию

---

* Эта история описана в воспоминаниях П.Г. Васильева, отец которого Г.Г. Васильев служил старшим бухгалтером Боровского казначейства. См.: Васильев П.Г. Не сломлены крылья мои. М., 2000. С.35–38. (ред.)

специального общероссийского «Вестника финансов, промышленности и торговли». В противном случае он не рассматривался ни в думе, ни в податном присутствии, а это, в свою очередь, приводило к приостановлению банковских операций.

Таким образом, идея создания денежно-кредитных учреждений на основе объединения финансовых возможностей авторитетных предпринимателей с гарантиями местных обществ получила удачное воплощение в Боровском городском общественном банке братьев Х. и П. Протопоповых. При его содействии успешнее решались задачи органов местного самоуправления, уездная экономика получала дополнительные оборотные средства, население приобщалось к разумному и выгодному распоряжению сбережениями. Этот опыт приобретает в современных условиях практическую значимость, он способствует включению эффективных финансовых рычагов в осуществление планов городов и районов, поддержке жизненных предпринимательских инициатив, созданию альтернативных и прозрачных для населения денежно-кредитных структур.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Актуальные проблемы управления социально-экономическими процессами в регионе: Материалы конференции Северо-Западной академии государственной службы. Калуга, 2000; Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000; Малоярославец — проблемы истории и возрождения: Материалы научной краеведческой конференции. Малоярославец, 2001; Демченко В. Общественные банки Калужской губернии: забытый опыт // Весть. 1999. 27 марта.
2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.XXX. С.1233–1248.
3. Грузицкий Ю.Л. Городские общественные банки дореволюционной России // Финансы и кредит. 2002. №11.
4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.260. Оп.1. Д.639. Л.24.
5. Там же. Л.63.
6. Там же. Ф.86. Оп.4. Д.80. Л.4.
7. Там же. Ф.32. Оп.6. Д.1326. Л.2об.
8. Там же. Ф.62. Оп.19. Д.1419. Л.7, 8об.
9. Там же. Ф.86. Оп.5. Д.381. Л.4.
10. Подсчёт автора по: Калужские губернские ведомости (КГВ). 1881. №51, 53.
11. ГАКО. Ф.86. Оп.2. Д.854. Л.4–7.
12. Там же. Ф.62. Оп.19. Д.1419. Л.6об., 7об.
13. Там же.
14. КГВ. 1881. №51, 53.
15. ГАКО. Ф.29. Оп.1. Д.653. Л.136.
16. Там же. Ф.32. Оп.6. Д.208. Л.45–46.
17. Там же. Ф.86. Оп.4. Д.667. Л.6.
18. Подсчёт автора.
19. ГАКО. Ф.86. Оп.4. Д.618. Л.2–5.
20. Там же. Л.22; Оп.2. Д.859. Л.4–7; Ф.66. Оп.2. Д.1033. Л.3; Д.860. Л.5–6; Оп.5. Д.385. Л.4.
21. Там же. Ф.86. Оп.2. Д.857. Л.5–7; Ф.32. Оп.4. Д.865. Л.2–4; Оп.6. Д.1329. Л.18.
22. Там же. Ф.32. Оп.4. Д.865. Л.30–31; Оп.6. Д.1325. Л.2, 20; Д.208. Л.4.

В.И. Осипов

ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутьев-Боровский монастырь со времени своего основания в 1444 г. и далее на протяжении XVI в. играл заметную роль в социально-экономической и религиозно-политической жизни Русского государства (1). События Смутного времени сильно подорвали экономическую базу монастыря.

В июле 1610 г. Пафнутьев монастырь был сожжён войсками Лжедмитрия II (2). Во огне сгорел и весь монастырский архив, в котором хранились жалованные грамоты за вторую половину XV—XVI вв. Часть монастырской казны сохранилась, так как в 1608 г. ввиду опасной политической и военной обстановки власти монастыря отправили её в Москву (3). Разорение привело лишь к временному упадку. Восстановление обители связано с именами игуменов Ионы (1613—1619) и Иосифа (1620—1650). Подпись игумена Ионы находится под грамотой об избрании на царство Михаила Фёдоровича Романова.

Укрепившись на русском престоле, правительство Михаила Романова начало проводить учёт земельного фонда. В царской грамоте от 10 февраля 1618 г. указывалось на

необходимость составления новых жалованных грамот взамен пропавших во время разорения (4). Была образована комиссия, ведавшая пересмотром грамот. В декабре 1620 г. был создан новый приказ, начались пересмотр и выдача новых жалованных грамот. 2 февраля 1623 г. в царском указе предписывалось: «собрать со всего Московского государства у митрополитов и у архиепископов, и у всех монастырей у архимандритов и у игуменов... прежних великих государей жалованные, тарханные и односрочные судимые и несудимые грамоты... А в которых монастырех прежних государей жалованные грамоты в разоренье от польских и от литовских людей и от русских воров пропали, или которые грамоты згорели и про то они государи велели обыскати всякими сыски крепко; а по обыскам в те монастыри указали государи давати свои государя жалованные грамоты против иных монастырей» (5).

В Российском государственном архиве древних актов в фонде «Грамоты Коллегии экономии» хранятся 3 жалованные грамоты царя Михаила Фёдоровича, выданные Пафнутьев-Боровскому монастырю в 1617 г., 1621 г. и 1624 г. (6). Первая

жалованная грамота, данная в сентябре 1617 г. на Высоковский монастырь со слободою и мельничное место, была опубликована Г.И. Холмогоровым (7), две последующие использовались мною в работах, но публикуются впервые (8).

Сначала, 22 ноября 1621 г. на основании дозорных, переписных, писцовых книг была дана новая жалованная грамота монастырю, а 25 февраля 1624 г., после вторичного пересмотра первой грамоты, выдана вторая. Грамоты выдавались на основании того, что «до московского де разоренья были у них на чудотворцовы Пафнотьева монастыря вотчины жалованные грамоты блаженные памяти деда нашего государева государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и дяди нашего государева государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси. И в пошлом де во 118-м году Тушинской вор с литовскими людьми и с рускими воры пришед ис Колуги Пафнотьев монастырь взяли и разорил до основанья, высек и выжег, и всю монастырскую казну поимали. И в то время те жалованные тарханные грамоты и даные и вотчинные крепости и с них списки и всякие монастырские дела погорели все без остатку» (9). Новая и старая грамоты возвращались Пафнотьеву монастырю «впредь для спору». Жалованные грамоты 1621 и 1624 гг. были переутверждены 8 мая 1670 г. царём Фёдором Алексеевичем за подписью дьяка Семёна Кудрявцева и 12, 14 октября 1684 г. царями Петром и Иваном Алексеевичами за подписью дьяка Григория Посникова.

С.В. Веселовский отмечал, что часть грамот, выданных в 1621 г., были вторично подвергнуты пере-

смотру в последующие годы и возвращены «впредь для спору». Несмотря на всю их схожесть, он предлагал их издавать (10). Действительно, при более внимательном чтении обнаруживается, что одна грамота дополняет или уточняет другую. В грамоте 1621 г. по Оболенскому уезду показано сельцо Должинское, а уже в грамоте 1624 г. кроме сельца показано 27 пустошей. В грамоте 1621 г. по Каширскому уезду (использовались дозорные книги Василия Сьянова 7125 г.) за монастырём показана д. Болково, тогда как в грамоте 1624 г. (использовались ещё и писцовые книги Ивана Гагарина 7086 г.) уже кроме выше-названной деревни показаны с. Тулчино, д. Олферчишево, д. Безнино и сельцо Болково.

Сравнение грамот в спорных вопросах часто помогало разрешить их. Это хорошо видно по судному делу Пафнотьева монастыря с С. Леонтьевым (11). В период Смуты монастырские власти выпустили из-под контроля свои вотчины и часть их земель расхищалась или раздавалась предприимчивым феодалам. В 1597 г. царь Борис Годунов, находясь в Серпухове, приказал «взять на себя» Тешиловскую слободу Пафнотьева монастыря и приписать её к дворцовой Липинской волости для рыбной ловли на р. Оке, а вместо неё дать монастырю другую, чего не было сделано. В 1613/14 г. Тешиловская слобода была дана в поместье С. Леонтьеву, а в 1620/21 г. ему была дана ввозная грамота, где говорилось, что крестьяне, находившиеся за С. Леонтьевым, «слушали бы его, пашню пахали и доход ему помещику давали». Начался спор Пафнотьева монастыря с С. Леонтьевым, который завершился в пользу монас-

тыря выдачей ему жалованных грамот от 9 апреля 1629 г. на Тешиловскую слободу и от 8 марта 1630 г. на с. Тульчино с деревнями и ловлей на р. Оке в Каширском уезде.

Грамоты 1621 и 1624 гг. являются основным источником по изучению земельных владений, хозяйства, вкладчиков, обязанностей и привилегий Пафнутьев-Боровского монастыря в первой четверти XVII в. Кроме того, сравнение грамот с писцовыми и дозорными книгами позволяет реконструировать ущерб, нанесённый монастырю в 1610 г.

РАЗОРЕНИЕ МОНАСТЫРЯ

Страшным испытанием стали события июля 1610 г., когда войска Лжедмитрия II захватили упорно оборонявшийся Пафнутьев-Боровский монастырь и подвергли его огню и разорению (12).

Основным источником о взятии Пафнутьева монастыря считается «Новый летописец», составленный при дворе в первой трети XVII в. Вот что в нём записано: «Вор же (Лжедмитрий II. — В.О.) приде под Пафнутьев монастырь. В монастыре сидеша в осаде многие люди, а воеводы быша: кн. Михаил Волконский, да Яков Змеев, да Офонасей Челищев. Литовские ж люди монастырю приступаху великими приступы и не можоху нечего им зделати. Вложи ж враг в воевод мысль злую в Якова Змеева да Офонасея Челищева и начаша умышлять, како б им здати чудотворцов дом. Воевода ж кн. Михайло Волконский в той думе с ними не был и не ведал у них той злой думы. Внезапу те окоянные повелеша отворите острожные ворота. Литовские и русские воры внидоша во врата. Той же кн. Михайло

Волконский встав в дверях церковных с ними бился много и изнемог от великих ран и паде в церкви. Литовские ж люди внидоша в церковь и начаша сещи игумена и братию и того воеводу тут же убиша и побиша всяких людей в монастыре по числу 12000» (13).

Оборонял монастырь в это время опытный воевода Михаил Константинович Хромой-Орёл (14). М.К. Волконский в 1593 г. был послан из Перми воеводой с войском и с нарядом в Сибирь на р. Лозву для построения города; в 1594 г. он был вторым воеводой в г. Берёзове, в 1595, 1597, 1598 гг. он второй воевода в Тобольске, в 1605 г. второй письменный голова в Рязске. В 1606 г. князь Михаил Константинович был первым воеводой в Пафнутьевом монастыре. 17 января 1608 г. он присутствовал на свадьбе царя Василия Шуйского с княжной Буйносовой, в 1609 г. он второй осадный воевода для вылазок в Москву у Дороховских ворот, в 1610-м — первый воевода в Боровске. Когда в конце июня 1610 г. войска Лжедмитрия II подошли к Боровску, ввиду беспокойствия посадского населения князь Михаил Константинович переходит со своим отрядом под защиту монастырских стен. Десять дней шла оборона монастыря. Существует несколько описаний очевидцами взятия Пафнутьева монастыря. В одном из них записано: «Монастырь этот был каменный и довольно укрепленный, кругом его была глубокая вода и окопы». Осаждённые решили не сдаваться. Монастырь штурмовали трижды. После общего штурма монастырь был взят, «в ярости всех до одного вырезали» (15). А вот следующее описание: Лжедмитрий II «с своими, русскими, поляками, тата-

рами и казаками силою взял Пафнутьев монастырь, ограбил, перебил тамошних попов и монахов, также пятсот стрельцов, посланных туда из Москвы на вырчку, и сжег монастырь» (16). В журнале Яна Сапеги записано: «15/5 июля нападение на монастырь св. Пафнутия. Войска убито 4909 человек. Гусарская конница, сошедши с коней, содействовала овладению монастырем, который разорен до основания. Воевода Михаил Волконский убит; из 50 чернецов осталось не более 10 человек» (17). Михаил Константинович погиб в соборе Рождества Богородицы. «Велие ж чудо Бог показа над телами убиенными, — сообщает летописец, — того ж князя Михаила кровь прыснула на левой клирос, на камень, и многожды тое кровь скребляху и мыша, но не можаху тое кро-

*Георгиевская башня (входная).
XVII в. (Фото 2005 г.)*

*Фрагмент монастырской стены.
XVII в. (Фото 2005 г.)*

ви ни соскресть, ни смыти» (18). «Новый летописец» называет цифру убитых 12000 человек (19). Но из приведённой выше росписи войск Лжедмитрия II видно, что в то время, когда он вышел из Калуги в Москву, в 5 полках насчитывалось около 5000 человек. Если бы потери самозванца при штурме монастыря составляли 4909 человек, он бы не смог продолжать свой поход на Москву (20). Следовательно, количество убитых, названное Сапегой, относится к обеим сторонам, а количество погибших в монастыре преувеличено в сотни раз.

УЩЕРБ, ПРИЧИНЁННЫЙ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОМУ МОНАСТЫРЮ В 1610 Г.

Трудно с точностью определить ущерб, нанесённый Пафнутьев-Боровскому монастырю войскам Лжедмитрия II. Но показать реаль-

ную картину вполне возможно (21). В 1621 г. Ильёй Васильевичем Чемесовым и подьячим Василием Прокофьевым была составлена дозорная книга г. Боровска (22). При описании пустующих дворовых мест, которые раньше были жилыми, они указывали причину их запустения. В основном это были брошенные дворы, хозяева которых покинули эти места, или же сожжённые дворы, чьи владельцы «побиты в Пафнутьевом монастыре в 118 г.».

Боровск в первой трети XVII в. состоял из укрепленного городища с административными дворами, посада и слобод. На протяжении столетия в нём насчитывалось до 15 слобод, часть которых принадлежала светским и духовным феодалам. Слободы Мякишевская, Высоковская, Никольская, Мельничная принадлежали Пафнутьеву монастырю, Архангельская — московскому Архангельскому собору, Троицкая — Троице-Сергиеву монастырю.

В 1610 г. боровское городище было обнесено деревянной крепостью с 6 башнями, 2 из которых были проездными. В городе насчитывалось 16 церквей (в том числе 2 каменных), 2 монастыря и 267 дворов. 6 храмов и монастыри Рождественский (храм, кельи, ограда) и Покровский Высоковский (каменный храм, кельи, ограда) были сожжены. Пострадали слободы, принадлежавшие Пафнутьеву монастырю (Мякишевская, Мельничная, Высоковская, Никольский погост), а также государственные (Ямская и Пушкарская). В Мельничной слободе была сожжена мельница и разрушена плотина. Всего в монастырских слободах было сожжено 34 двора, а люди перебиты в монастыре. Ямская слобода была уничтожена

полностью (40 дворов), а «ямские охотники побиты в Пафнутьевом монастыре, а иные разбрелись неизвестно». Больше эта слобода не восстанавливалась. В Пушкарской слободе сожжено было только 6 дворов. В различных местах посада было сожжено 64 двора. (Только в Рождественском приходе писцы отметили, что из сожжённых 14 дворов владельцы побиты в Пафнутьевом монастыре.)

Таким образом, получается, что войском Лжедмитрия II было сожжено 6 церквей, 2 монастыря и 144 двора. Большинство владельцев погибли, пытаясь спастись за стенами монастыря. Уцелело от пожаров и разорения в городе 123 двора, что составляет 46,1%. Сожжённые дворы, расположенные в слободах Пафнутьева монастыря, составляли 23,6% (34 двора) от всех сгоревших дворов в Боровске. Город был уничтожен на 53,9%.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БОРОВСКИХ СЛОБОД ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.

После разорения войсками Лжедмитрия II Боровска и Пафнутьева монастыря население постепенно стало возвращаться к мирной жизни. Почти 20 лет боровская земля залечивала раны, нанесённые Смутным временем. 5 марта 1613 г. Земский совет отписал царю Михаилу Фёдоровичу о том, что боровский «воевода Федор Бутурлин, и дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди с Любимом Радищевым... крест целовали и посадских и уездных всяких людей к кресту привели» (23).

В 1614 г. Пафнутьев монастырь владел 2 слободами и 1 мель-

Таблица 1. Количество дворов в г. Боровске на посаде и слободах в первой трети XVII в.

Год	Посад, др. слободы	Слободы Пафнютьев-Боровского монастыря		Всего дворов	%
		дворов	мест дворовых		
1610	—	—	—	267	—
1621	116	49	34	165	29,7
1625 — 1630	158*	72	15	230	31,3

* Включена Казачья слобода по описанию на 1621 г. — 45 дворов.

ницей в г. Боровске (24). В 1615—1616 гг. игумен Иона обращается к царю Михаилу Фёдоровичу с просьбой приписать Высоковский монастырь со слободкою, расположенной в Боровске, к Пафнютьеву монастырю. Об этом просили и оставшиеся в живых после разорения 1610 г. жители слободки Высоковской, в которой пустовало 10 из 17 дворов (25). В сентябре 1617 г. Высоковский монастырь со слободою и мельничное место были приписаны к Пафнютьеву монастырю (26).

В 1621 г. дозорщик Илья Васильевич Чемесов переписал посад и слободы Боровска. Он отметил, что деревянная крепость не пострадала. В 1618 г. за р. Протвой было отведено место под новую служебную слободу — Казачью. Но часть казаков (от 1 до 5 дворов) были расселены в различных частях посада. На территории города в 1621 г. находилось 11 церквей и 165 дворов, что составляло 61,8% от довоенного уровня. Восстановление произошло, в основном, за счёт создания новой Казачьей слободы.

В слободах Пафнютьева монастыря — Мякишевской, Мельничной, Высоковской, Никольском погосте — имелось 4 двора монастырских (4 чел.), 23 двора монастырских

служебников (25 чел.), 4 двора жилищных людей (6 чел.), 18 дворов бобыльских (30 чел.), в общей сложности 49 дворов. Кроме того, на этой земле было 34 места под строительство дворов. В Покровском Высоковском монастыре вместо уничтоженной каменной церкви Покрова была поставлена деревянная церковь. Монастырю принадлежало право рыбной ловли на р. Протве от Мельничной слободы до сельца Кривское на 5 вёрст. Под городом на р. Протве монастырю принадлежал луг, на котором ставилось 130 копён сена. За городом было расположено Комлевское озеро на земле помещика М. Сенявина. Вода в озере принадлежала посадским людям, а рыбная ловля — Пафнютьеву монастырю (27).

В 1625 г. вновь проводилось описание посада г. Боровска Иваном Петровичем Турским (28). В описании не попали служебная Казачья слобода и слободы Пафнютьева монастыря.

Описание слобод Пафнютьева монастыря проводилось отдельно Василием Кольчевым (29). По его описанию можно судить, что к 1629—1630 гг. слободы монастыря были восстановлены. В них числилось 2 двора поповых, 2 — дьяконовых, 1 —

дьячка, 1 — прокурника, 2 — пономарских, 35 — монастырских служебников, 29 бобыльских. Итого 72 двора (132 человека) и только 15 мест дворовых пустых (30). Количество дворов в монастырских слободах с 1621 г. по 1630 г. выросло с 49 до 72, то есть в 1,47 раза. Но в это же время рос и городской посад. Поэтому на общем городском фоне количество дворов в монастырских слободах с 1621 г. по 1630 г. существенно не изменилось (с 29,7% в 1621 г. до 31,3% в 1630 г.). Следует отметить, что количество пустых дворовых мест за это время снизилось почти в 2 раза (с 34 до 15).

Итак, к 1630 г. Боровск благодаря активной деятельности посадского населения и слободчан был восстановлен на 86,1% (по отношению к 1610 г.).

ВЛАДЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВО ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

В первой четверти XVII в. Пафнутьев-Боровский монастырь имел вотчины в 13 уездах Русского государства, которые территориально можно разбить на 3 группы:

- 1) Боровский, Верейский, Малоярославецкий, Медынский;
- 2) Тарусский, Серпуховской, Оболенский, Каширский;
- 3) Московский, Дмитровский, Старицкий, Звенигородский, Тверской.

Самые крупные земельные владения монастыря были расположены в уездах первой группы. Ядро вотчин этой группы составлял Боровский уезд.

Монастырские земли в Боровском уезде находились в Окологородном, Суходольском, Лужецком станах. Центром в Окологородном

стане было слц. Беницы. В Суходольском стане земли группировались вокруг слц. Русиново, Котово, Отепцово и д. Малково. Сельцо Покровское на р. Нара стояло «пусто». В 1614 г. Пафнутьев монастырь в Боровском уезде владел 5 деревнями, 5 сельцами, 31 пустошью, 2 слободками и 1 мельницей в г. Боровске (31). В 1617 г. Высоковский монастырь со слободкою был приписан к Пафнутьеву монастырю. Из приправочной книги 1614 г. видно, что за Высоковским монастырём числилось 5 пустошей: Гороховская, Рудницы, Михайловская, Измайловская, Кудиново с пашней в 30 четей. Пашня не обрабатывалась и поросла лесом. Эти земли Высоковский монастырь поднять не мог и отдал их на оброк протопопу Благовещенского собора Фёдору (32).

В Мельничной слободе была мельница, осталось место мельничное. Под Высоковским монастырём имеется мельничный заплот и амбар, которые поставил монастырь после Смутного времени. Под самим Пафнутьевым монастырём стояла мельница и амбар с 2 жерновами. Мельница обслуживала только монастырь. Возле Мякишевской слободы на р. Протве имелся лужок с сеньными покосами.

Земли Пафнутьев-Боровского монастыря в Верейском уезде группировались вокруг слц. Федотово. Здесь же при п. Пушина находилось 2 пруда с рыбными ловлями.

Земли Пафнутьев-Боровского монастыря в Медынском уезде располагались вокруг с. Адамовского, а в Малоярославецком уезде возле слц. Киселево.

Второй центр вотчинных земель располагался в Тарусском, Сер-

пуховском, Оболенском, Каширском уездах.

Земли Пафнутьев-Боровского монастыря в Тарусском уезде группировались вокруг сёл Васильевское-Татьянинское и Семёновское. В Серпуховском уезде находились в Окологородном стане и группировались вокруг слц. Енино и д. Никифоровской. На этих же землях возле р. Оки находились озёра Долгое и Борисовское, которые могли использоваться под рыбную ловлю. Земли в Оболенском уезде располагались вокруг слц. Должинское-Тресвятское. В Каширском уезде земли монастыря находились в Тешиловском и Турове станах и располагались вокруг с. Тулчино и д. Болково. В Турове стане монастырь владел оз. Долгим.

Третья группа вотчинных земель Пафнутьев-Боровского монастыря находилась в Московском, Звенигородском, Дмитровском, Старицком и Тверском уездах.

Земли Пафнутьев-Боровского монастыря в Московском уезде находились в Гоголевом, Сурожском, Сетунском, Медведенском станах и Тухачевской волости. В Горетовом стане на р. Истре возле д. Ивановской находилась рыбная ловля монастыря. В Звенигородском уезде находилось самое большое количество пустошей, которые располагались вокруг слц. Корюково. В Дмитровском уезде земли находились в Лутосенском стане и располагались вокруг д. Меленки и д. Буславки. В Старицком уезде монастырская вотчина находилась в Вятцкой и Болгарской волостях и располагались вокруг слц. Нашокино, которое было дано монастырю А. Клешнинным. В Тверском уезде Пафнутьев-Боровский монастырь владел землями в Горетцком стане.

Как видим, Смутное время нанесло монастырскому владению сильный ущерб. Слобода Татарская, 3 села, 44 деревни и 8 селёц запустели, стали пустошами и к первой четверти XVII в. не были восстановлены (см. таблицу 2). По жалованным грамотам 1621 и 1624 гг. Пафнутьев-Боровский монастырь владел 4 сёлами, 19 сельцами, 18 деревнями, 311 ¹¹/₁₂ пустошами и 1 погостом. К сожалению, нет возможности определить количество всей земли, находившейся во владениях монастыря, так как данные даются только по 3 уездам: Боровскому, Малоярославецкому и Тверскому. В этих уездах насчитывалось земли пашенной 2786 ¹/₄ чети, леса непашенного 85 десятин. Сена накашивалось до 907 копён (см. таблицу 3). Но как можно обратить внимание, около 11 десятин леса могли быть пашенной землёй, а сённые покосы могли быть расширены на 55 копён при желании монастыря обрабатывать эти земли.

По жалованным грамотам 1621 и 1624 гг. крестьяне находились под защитой Пафнутьев-Боровского монастыря. Игумен в своих вотчинах сам судил крестьян «опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным». А если возникал спор, то судили монастырских людей на патриаршем дворе в год 3 раза: «на Рождество Христово, да на Троицын день, да на Семен день летопроводца». Если же на монастырских землях случится «душегубство бесхитростно, хто з дерева убьетца или в воде утонет, или мертвого вода принесет к монастырской земле, или кого возом сотрет или на мельнице колесом сотрет, или убитым человеком подкинут, или лошадь убьет, или обеситца, или каво гром убьет, и они с них нашим

Таблица 2. Владения Пафнутьева монастыря в первой четверти XVII в.

1621 и 1624 гг.	се- ло	сель- цо	дерев- ня	пус- тошь	по- гост	ранее
Боровский уезд Окологородный		1		35		5 п. ранее д. 1 п. ранее слц.
Суходольский Лужецкий		4 1	6	39 11		6 п. ранее д. 2 п. ранее д.
Верейский уезд Окологородный стан		1		31		2 п. ранее д.
Малоярославецкий уезд Заячковский стан		1	1	2	1	1 слц. ранее д. 1 д. ранее слц. 1 п. ранее д.
Медынский уезд Городненская волость	1			7		1 п. ранее д.
Тарусский уезд	2	2	4	1		1 п. ранее д.
Серпуховской уезд Окологородный стан		1	1			
Оболенский уезд		1		28		1 п. ранее слц.
Каширский уезд Тешилов стан	1	1	2			1 д. ранее слц.
Дмитровский уезд Лутосенский стан			2			
Старицкий уезд Вятцкая волость Болгарская волость		3	1	2 10		2 п. ранее д. 2 слц. ранее д. 1 п. ранее слц. 10 п. ранее д.
Московский уезд Гоголев стан Сурожский стан Сетунский стан Горетов стан Медведевский стан Тухачевская волость		1 1	 1	23 5 1 6 8 6		2 п. ранее слц. 1 п. ранее д. 1 п. ранее слц. 1 п. ранее д.
Тверской уезд Горетцкий стан				23 ¹¹ / ₁₂		1 п. ранее с. 2 п. ранее слц. 12 п. ранее д.
Звенигородский уезд		1		73		2 п. ранее с. 1 п. ранее слб.
Всего:	4	19	18	311 ¹¹ / ₁₂	1	1 п. ранее слб. 3 п. ранее с. 44 п. ранее д. 8 п. ранее слц. 2 д. ранее слц. 3 слц. ранее д.

Таблица 3. Количество земли, леса, сена в Пафнутьевом монастыре в первой четверти XVII в.

1621 и 1624 гг.	Пашня (чети)*	Лес пашенный (десятин)	Лес непашенный (десятин)	Сено (копён)	Сено** (копён)
Боровский уезд					
Окологородный	690 ¹ / ₈	26	3		
Суходольский	1180	75	56	577	55
Лужецкий	192	10	4	65	
Итого:	2062 ¹ / ₈	111	63	642	55
Малоярославецкий уезд					
Заячковский стан	427				
Тверской уезд					
Горетцкий стан	297 ¹ / ₈		22	265	
Всего:	2786 ¹ / ₄	111	85	907	55

* Земля паханная, перелогом и лесом поросли средней земли в поле, а «в дву по тому ж».

** Сенные покосы лесом поросли.

приказным людям поголовщины не дают».

Городское и сельское население, не относящееся к монастырю, не имело права гонять на монастырские земли стада коров и табуны лошадей, а также рубить монастырский лес. Если же нарушитель запрета был пойман и уличён, то с него игумен имел право брать 2 рубля. А если же «игумен ... с братьею ... из их монастырских лесов повезут хормной, или какойнибудь лес и дрова на монастырской обиход, а не продажу», то с того леса никаких пошлин не бралось.

Населению монастырских вотчин в Боровске и в других городах, сёлах и деревнях к празднику, к свадьбе, на поминки разрешалось

варить пиво или брагу для своего пользования беспошлинно. В других случаях необходимо было поставить в известность монастырские власти и уплатить пошлину.

Особую статью монастырского хозяйства составляли рыбные ловли. По жалованным грамотам 1621 и 1624 гг. у Пафнутьев-Боровского монастыря имелись рыбные ловли в Боровском, Серпуховском, Каширском и Московском уездах, и «в те их вотчины и в рыбные ловли и во всякие угоды никому не вступатись и в рыбных ловлях ловити рыба про монастырской обиход беспошлино, а сторонним людям в тех их рыбных ловлях никому рыбы не ловити и насилства никакова не чинити». В Боровском уезде рыбные ловли име-

лись на р. Протве от г. Боровска до сельца Кривское на 5 вёрст; в озере, которое находилось на земле Сенявина; от п. Быстрой до с. Сатино; на п. Пушкина 2 пруда; от слц. Котово на р. Наре на 8 вёрст. В Серпуховском и Каширском уездах имелись рыбные озёра — Долгое и Борисовское. В Московском уезде монастырские рыбные ловли шли по р. Истре от пустоши Мухиной до пустоши Гробовой, расположенных возле д. Ивановской.

**РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ
ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.**

В средневековом городе часто торговля была неотделима от ремесла. Немаловажную роль в хозяйстве Пафнутьев-Боровского монастыря имели дворовые места, находившиеся в Боровске, Москве, Серпухове, Калуге. Ввиду того, что основную часть жителей г. Боровска составляло население монастырских слобод, то они имели значительное преимущество в торговле и развитии своих ремёсел (33). По жалованным грамотам 1621 и 1624 гг. Пафнутьев монастырь нес общегосударственные повинности: платил ямские деньги, за стрелецкие хлебные запасы, городовое и острожное дело. Кроме обязанностей, Пафнутьев монастырь имел ряд привилегий. Ему разрешалось не принимать участия в государственных постройках, «не стоять на яме с подводами, и на ям охотников не выбирать», тюрьмы городские не ремонтировать, не давать сторожей, целовальников, не молотить и не возить царский хлеб, амбаров ямчужных не делать и ямчюги не варить. Освобождался монастырь от пушеч-

ного дела: ему разрешалось не делать волоков, кольев, саней, канатов, льна, смолы, уголья и т.д.

Для внутреннего обихода Пафнутьеву монастырю было разрешено покупать беспошлинно, кроме соли, следующие товары и продукты: воск, ладан, миро, масло и вино церковное на 55 рублей; мёд на 60 рублей; сукно «чернеческое», шубы, овчины, обувь на 55 рублей; на слуг и на служебников сукно и всякое платье на 67 рублей; рухлядь «лютцкая» и конская на 17 рублей. Также на обиход покупалось 1000 пудов соли, рыбы на 125 рублей; масла коровьего и конопляного на 14 рублей; хмеля на 16 рублей; лошадей, коров и «всякие животины» на 125 рублей. Общая годовая сумма покупок составляла 535 рублей. При покупке на большую сумму с неё начинали брать пошлины. Всё необходимое могло покупаться в любом месте. Переправа по мосту или на лодках для монастыря также была беспошлинной.

Население Боровска и слобод Пафнутьева монастыря занималось в основном производством сельскохозяйственной продукции (лук, чеснок и т.д.), рыболовством, скотоводством. Производились предметы домашнего обихода, одежда, инструмент. Имелись мастера серебряных дел и иконописцы, которые работали как на Пафнутьев монастырь, так и на рынок. Продукция реализовывалась в городе, но было несколько десятков купцов, которые торговали в Пскове, Нижнем Новгороде и других городах России.

В дозорной книге 1621 г. упоминаются мастеровые и промысловые люди, жившие в монастырских слободах — Мякишевской и Высоковской: 1 портной мастер, 2 кузнец-

ца, 2 сапожника, 1 овчинник, 1 сыромятник, 1 хлебник, 1 огородник, 4 масленника, 1 рыболов, 1 мельник, 1 серебряных дел мастер. Сведений о том, чем занималось остальное население города, в дозорной книге нет.

По писцовой книге Василия Колычева 1629—1630 гг. в Мякишевской слободе проживали ремесленники следующих специальностей: 2 кузнеца, 2 повара, 2 хлебника, 1 портной мастер, 3 сапожника, 3 кожевенника, 3 сыромятника, 2 рыболова, 4 плотника, 1 садовник, 1 масленник. В Мельничной слободе проживали 4 мельника, 1 портной мастер (34).

Торговля была неотъемлемой частью жизни Боровска. Число торговцев из посадских людей и жителей монастырских слобод на 1625 г. было практически одинаково. Пафнутьеву монастырю в городе принадлежало 25 лавок, 4 места лавочных, 4 кузницы, а посадскому населению принадлежало 27 лавок, 3 места лавочных, 4 кузницы. Остальные торговцы в г. Боровске не составляли конкуренции. Это крестьяне боярина Ивана Никитича Романова, которые имели 2 лавки и 1 место лавочное; Троице-Сергиев монастырь 2 лавки; священник церкви Воскресения 3 лавки, пушкари 1 лавку и ямщик Дорогомилмовской слободы тоже 1 лавку. Всего в Боровске было 61 лавка, 8 мест лавочных, 4 торговые скамьи и 8 кузниц. За всё это платился оброк в казну в сумме 5 руб. 15 алтын 4 деньги (35).

Пережив Смутное время, Пафнутьев-Боровский монастырь смог оправиться от нанесённого ему ущерба и уже к середине XVII в. войти в число крупнейших монастырей Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Осипов В.И. Из истории Пафнутьев-Боровского монастыря в XV—XVI вв. // Монастыри в жизни России: Материалы научной конференции, посвящённой 600-летию преподобного Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря. (19—20 апреля 1994 г.) Калуга; Боровск, 1997. С.172—190.
2. «Памятники относящиеся к смутному времени» // РИБ. Т.1. СПб., 1872. С.538, 629.
3. Акты правления царя Василия Шуйского. 1606—1609 гг. М., 1914. №107. С.359—363.
4. Сторожев В.Н. Указная книга поместного приказа // Описание документов и бумаг хранящихся в МАМЮ. Кн.6. М., 1889. С.30—31.
5. Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в сыскных приказах. М., 1907. С.22.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.281. ГКЭ. Оп.5. Д.613. Л.1—3; Д.16/614; Д.17/615.
7. Боровская десятина. Отд.3. С.197—198 // Калужская старина. Т.5. Калуга, 1910.
8. Жалованные грамоты 1621 и 1624 гг. ц. Михаила Федоровича Пафнутьев-Боровскому монастырю // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1991. С.79—82.
9. РГАДА. Ф.281. ГКЭ. Оп.5. Д.16/614. Л.1; Д.17/615. Л.1.
10. Веселовский С.Б. Указ. соч. С.8.
11. РГАДА. Ф.159. Приказные дела новой разборки. Д.916. Л.14—54.
12. О разорение и взятии монастыря см.: Осипов В.И. Рано ставить

- точку // За коммунизм. (Боровск). 1988. №95; Он же. Боровский край в истории России. Ч.1: Боровский край с древнейших времён до конца XVII в. Боровск, 1999. С.41—46.
13. ПСРЛ. Т.XIV. М., 1965. С.98—99.
14. Род князей Волконских: Материалы собранные и обработанные Е.Г. Волконской. СПб., 1900. С.729, 835—836; Долгоруков П. Родословная книга. СПб., 1854. С.255—270; Осипов В.И., Осипова А.И. Захоронение князей Волконских на территории Пафнутьев-Боровского монастыря // Боровский краевед. Вып.5. Боровск, 1993. С.33—75.
15. РИБ. Т.1. СПб., 1872. С.198—200.
16. ЧОИДР. М., 1865. Кн.4. Разд.V. С.10.
17. Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. М., 1978. Кн.4. С.113.
18. Русский архив. М., 1892. Кн.1. С.27.
19. ПСРЛ. Т.XIV. М., 1965. С.98—99.
20. РИБ. Т.1. СПб., 1872. С.198. С.В. Поздняков убедительно доказывает, что Якова Змеева и Афанасия Челищева нельзя считать предателями, так как они не открывали ворот для войск Лжедмитрия II. См.: Поздняков С. Обжалованию подлежит // За коммунизм. 1985. №148; 1986. №2. Но ввиду недостаточного количества источников по этому вопросу как традиционная, так и новая версия имеют право на существование.
21. Об ущербе г. Боровску в 1610 г. войсками Лжедмитрия II см.: Осипов В.И., Осипова А.И. Боровск в XVII в. // Боровский краевед. Вып.7. Боровск, 1997. С.108—110.
22. Дозорная книга 1621 г., составленная Ильёй Васильевичем Чемовым // Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.1—6. (Далее — Боровск. Материалы).
23. Дворцовые разряды. Т.1. (1612—1628 гг.). СПб., 1850. С.1047—1050.
24. Боровск. Материалы. С.200, 201; РГАДА. Ф.1209. К.16. Л.171.
25. Боровск. Материалы. С.6.
26. РГАДА. Ф.281. Оп.5. Д.613. Л.1—3.
27. Боровск. Материалы. С.5, 6; РГАДА. Ф.281. Оп.5. Д.614. Л.1; Д.615. Л.1.
28. Писцовая книга 1625 г., составленная Иваном Петровичем Турским // Боровск. Материалы. С.6—13.
29. Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель Боровского уезда письма и меры Василия Кольчева в 1629/1630 гг. // РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. К.10326. Л.1—905; Писцовая книга Ямской земле 1630 г., составленная Василием Ивановичем Кольчевым // Боровск. Материалы. С.13—14.
30. РГАДА. Ф.1209. К.10326. Л.28—34об.
31. Боровск. Материалы. С.200, 201; РГАДА. Ф.1209. К.16. Л.171.
32. Там же. Л.112, 117.
33. О борьбе посадского населения г. Боровска против слобод Пафнутьев-Боровского монастыря см.: Осипов В.И. Взаимоотношение посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырём в XVII в. // Боровский краевед. Боровск, 1990. С.51—67.
34. РГАДА. Ф.1209. К.10326. Л.28об.—32.
35. Боровск. Материалы. С.10.

1621 г., ноября 22. Жалованная, взамен сгоревшей в 1610, тарханно-несудимая, на данного пристава, трёхсрочная, заповедная (от ездовых и незванных гостей и порубки лесов), тарханно-проезжая и на конское пятно грамота ц. Михаила Фёдоровича игумену Рождества Богородицы Пафнутьева Боровского монастыря Иосифу с братьею на монастырские вотчины в Боровском, Верейском Малоярославецком, Серпуховском, Оболенском, Медынском, Дмитровском, Каширском, Старицком, Московском, Тверском, Звенигородском уу. С подтверждением: 1) ц. Фёдора Алексеевича 1680 г. мая 8 иг. Леонтию, келарю Галактиону, казначею Иоасафу; цц. Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича 1684 г. октября 14 иг. Феофану

(Л.1.) Божею милостию мы, великий государь и великий князь, Михайло Федорович всея Руси самодержец, пожаловал есмь богомолцов своих Рожества Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря игумена Иосифа с братьею, что нам, оне, великому государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси и отцу нашему государеву великому государю святййшему Филарету Никитичю Божию милостию патриарху Московскому и всеа Руси, били челом и подали челобитную, а в челобитной их написано: до московского де разоренья были у них на чудотворцово Пафнутьева монастыря вотчины жаловалные грамоты блаженные памяти деда нашего государева государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и дяди нашего государева государя царя и великого князя блаженные памяти Федора Ивановича всеа Руси, и в прошлом де во 118-ом году Тушинской вор с литовскими людми и с рускими воры пришед ис Колуги, Пафнутьев монастырь взял взятьем и розарил до основанья, высек и выжек, и всю монастырскую казну поимал, и в то время те жаловалные тарханные грамоты и даные и вотчинные крепости и с них списки и всякие монастырские дела погорели все без остатку; а по тем де оне прежним жаловалным грамотам наших никаких податей и всяких доходов и ямских денег по городом, в которых городех чудотворцовы Пафнутьева монастыря вотчины ни есть с посацкими и с уездными тяглыми людми никаких податей не плачивали, и монастырские де их крестьяня мостов не мостили и у наших воеводы и у приказных людей были несудимы, а судимы были по прежним жаловалным грамотам на Москве в приказе Болшого Дворца в году на два срока по всем были по тем жаловалным грамотам пожалованы против иных монастырей государства жаловалных тарханных грамот. И нам бы богомолцов наших Пафнутьева монастыря Игумена Иосифа з братьею, или хто по нем в том нашем царском богомолье иныи игумен и братья будут, пожаловати велети им дати на их монастырскую вотчину и на всяки угодя с писцовых и дозорных книг нашу царскую жаловалную новую тарханную грамоту на наше цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси имя. И, мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси самодержец и отец наш государев великий государь святейший Филарет Никитичь Божию милостию патриарх Московский и всеа Руси, богомолцев наших Рожества Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря игумена Иосифа з братьею, или хто по нем в том монастыре иныи игумен и братья будут, пожаловали, велели по нашему государскому указу на их монастырские вотчины дати сю нашу царскую жаловал-

ную новую тарханную грамоту против иных монастырей, по чему им теми чудотворцавыми вотчинами и всякими угожьями владети вперед.

А в нынешнем во 130-м году в памяти боровских дозорщиков Ильи Чемесова да подьячево Василья Прокофьева за ево Васильевою рукою в их в дозорных книгах письма их и дозору 129-го году написано: в Боровску за посадом за рекою за Паратвою вотчина Рожества Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря слободка Мякишева на реке на Паратве; да слободка Мелничная на реке на Паратве ж под городом; да у посаду против слободки Высоцкие на всполье у сторонничья пруда погост Николской. А в слободке Мякишеве и в слободке Мелничной и на Николском погосте три двора служ-них, да семнатцать дворов монастырских служебничьих, а пашни к тем слободкам нет. К слободке ж Мякишеве лужек на реке на Паратве, а на нем сенные покосы. Да под Мелничною слободкою была мельница Пафнутьева монастыря на реке на Паратве. Пафнутьева ж монастыря рыбная ловля в реке в Паратве от Мелничной слободки вниз по селцо Кривское на пять верст. На той же реке на Паратве под монастырем мельница монастырская, в онбаре двой жорновы мелют на монастырской обиход. За посадом же вниз по реке по Паратве монастырь Высоцкой — строенье Пафнутья чудотворца, а к нему погост Стретенской. Высоцково ж монастыря озеро под Гонною слободою на вотчинникове земле Матвея Синявина села Комлева, а вода в том озере боровских посацких людей, а рыбная ловля монастырская. Под Высоцким же монастырем на реке на Паратве мелничной заплот, а прудили тот заплот и онбар поставили Пафнутьева монастыря игумен з братьею. Высоцково ж монастыря вотчины в Окологородном стану: п.ч.б. д. Гороховская на реке на Паратве, п.ч.б. д. Михайловская на реке на Паратве, п. Рудницы, п.ч.б. д. Куденево, п. Измайлово. И всего Высоцкого монастыря вотчины пять пустошей. А по нашей грамоте ис приказу Болшого Дворца за приписью дияка Патрекея Насонова 126-го году Высоцкой монастырь и с вотчиною приписан к Пахнутьеву монастырю.

Пафнутьева ж монастыря вотчина в Верейском уезде в Окологородном стану селцо Федотово на речке на Оборинке, п.ч.б. д. Митяево, п.ч.б. д. Лучны, п. Ячкова, п. Рыжкова, п. Семеновская, п. Енино, п. Резанцово, п. Кузяево, п. Ромашково, п. Клепицыно, п. Ивакино, п. Бошкордово, п. Трубино, п. Кологривцево, п. Тарасово, п. Кожаново, п. Захарово, п. Ступино, п. Пушина на ней рыбные ловли, два прудца; п. Щетинино, п. Тишино, п. Василевко, п. Ощепково, п. Пешкова, п. Ванкино, п. Завыбойка, п. Юрьево, п. Огафоново, п. Скрылево.

В Боровском уезде в Окологородном стану: селцо Беницы на реке на Паратве пусто, а к нему рыбная ловля монастырская в реке в Паратве от Быстрой пустоши вниз по правую сторону по село Сатино на три версты. И всего Пафнутьева монастыря вотчины в Окологородном стану селцо живущее, да селцо пусто, да тритцать одна пустошь. Пашни паханые и перелогом и лесом поросло середние земли шестьсот девяносто четвертей с осминою в поле, а в дву по тому ж, лесу пашенного дватцать шесть десятин, да не пашенного три десятины.

Пафнутьева ж монастыря вотчина в Суходолском стану: селцо Русиново, д. Ретькино, д. Куприно, д. Отрепьево, а к ним пустошей: п.ч.б.

д. Суслово на реке ж на Паратве, п. Сожданово, п.ч.б. д. Мостищи, п.ч.б. д. Вашутино, п. Чижово, п. Кубинская, п. Чертково, п. Служня, п. Племянниково, п. Окулово, п. Симаново, п. Ильинское, п. Кузмодемьянское. В том же стану селцо Котово, а к нему рыбная ловля в реке в Наре от села Таширова вниз по обеим берегом реки по д. Ченкову на восемь верст; д. Малково, а к ним пустошей; п.ч.б. д. Яшелеково, п.ч.б. д. Елагино, п.ч.б. д. Маслихина, п. Карачева, п. Зубцова, п. Дудина, п. Шекуево, п. Левино, п. Дедово, п. Шаблыкино, п. Белоглазово, п. Картыщово, п. Тачаево, п. Горняя, п. Павлово.

В том же стану селцо Отепцово на реке на Наре, д. Бошкино на реке на Исье, д. Слизнево на реке на Наре. Да селца ж Отепцова пустоши: п. Быково, п. Дроздово, п. Торчюхино, п. Гребенкино, п. Щукино, п. Теплая, п. Слободка, п. Гринева, п. Сырино, п. Татаркино, п.ч.б. погост Рожества Христова на речке на Исье, селцо Покровское на реке на Наре пусто.

И всего Пафнутьева монастыря вотчины в Суходолском стану три сельца, да шесть деревень живущих, да селцо пусто, да тридцать восемь пустошей. А в сельцах и деревнях пашни паханные и перелог и лесом поросло средние земли тысяча сто восемьдесят четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена пятьсот семдесят семь копен, да сенных покосов лесом поросло пятьдесят пять копен. Лесу пашенного семдесят пять десятин, да непашенного пятьдесят шесть десятин.

(Л.2.) Пафнутьева ж монастыря вотчина в Лужецком стану: селцо Рябцово, п.ч.б. д. Сушова, п.ч.б. д. Любань на речке Любанке, п. Малеево, п. Никоново, п. Лябино, п. Шапилово, п. Гридино, п. Говорово, п. Кубышкино, п. Борняково, п. Орехово. И всего Пафнутьева монастыря вотчины в Лужецком стану селцо живущее, да одиннадцать пустошей. Пашни паханные и перелогом и лесом поросло средние земли сто девяносто две четверти сена шездесят пять копен, лесу пашенного 10 десятин, да непашенного 4 десятины.

И всего Пафнутьева монастыря вотчины в Боровском уезде в Окологороднем, да Суходолском, да в Лужецком станех и с приписною вотчинною Высоцково монастыря пашни и перелог и лесом поросло средние земли две тысячи сто тринадцать чети с осминою.

Да в Ярославецких книгах Малово писма и дозору Ильи же Чемесова да подьячево Василья Прокофьева сто дватцать девятого году в Заячковском стану написано: вотчина Рожества Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря: селцо ч.б. д. Кисилево, д.ч.б. слц. Олупово, п.ч.б. д. Ерохино Болобоново тож, п. Беднево селца ж Олопово; на монастырской земле погост на речке на Прогнатке. И всего Пафнутьева монастыря вотчины погост, да селцо, да деревня, да две пустоши. Пашни паханные и перелог и лесом поросло худые земли четыреста четвертей. Да церковные пашни паханные и перелог и лесом поросло дватцать семь четвертей в поле, а в дву по тому ж.

Да в платежнице за припись дияка Добрыни Семенова, да по дозорным книгам Томила Прончищева 125-го году написано вотчина ж Рожества Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря в волости в Селищах село Васильевское Татьянинское тож на речке на Хлепетове, а в нем церковь Страсто-

терпца Христова Георгия. Да в вотчине ж д. Орехово, д. Залужья на реке на Торусе. В Мышегской волости село Ленинское, п.ч.б.д. Заклеина, к тому ж селцу село Ивановское Черкасово тож; село Семеновское на речке на Головенке, и к тому ж селу д. Глодна Игнатово тож, д. Подьелки.

Да в той же платежнице в Серпуховских в дозорных книгах дозору Пими́на Юшкова 125-го году написано вотчина Пафнутьева ж монастыря в Окологородном стану: село Енино, а в нем храм Стратотерпцов Христовых Бориса и Глеба и стоят бес пенья. Да к тому ж селцу д. Никифоровская на речке на Городенке. Того ж монастыря по берегу Оки реки озеро Долгое, да озеро Борисовское.

Да в Оболенском уезде дозору Пими́на ж Юшкова Пафнутьева ж монастыря вотчина село Должинское.

Да в той же платежнице в Медынских в дозорных книгах Семена Ретки́на 124-го году написано за Пафнутьевым монастырем в вотчине в волости в Городне с. Адамовское на речке на Летебежки и на Медынки, а в нем Божие милосердие церковь Ивана писателя Лествицы, да предел Стратотерпца Христова Георгия; п.ч.б. д. Полково, п. Выходово, п. Коркино, п. Куприно, п. Михалево, п. Быкошево, п. Острог.

В Дмитровских в дозорных книгах дозору Михаила Шокурова да Ивана Нестерова 122-го году написано в Лутосенском стану вотчина Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря д. Меленки, д. Буславка.

В Коширских в дозорных книгах дозору Василья Съянова да подьячево Онисима Ильина 125-го году написано в Тешилевском стану вотчина Рождества Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря д.ч.б. село Болково на речке на Бледее. Да в Турове стану за ними ж озерко Долгое.

В Старицких в дозорных книгах дозору Тимофея Безобразова да подьячево Дружины Лукина 122-го году написано за Пафнутьевым монастырем в Вятцкой волости п.ч.б. д. Олексеиково, п.ч.б. д. Ларюшино Варюшино тож. Пафнутьева ж монастыря вотчина в Болгорской волости село Нащокино, а дадено в вотчину вкладу по душе своей Ондрей Клешнин, а Андрей купил тое вотчину у Федора Львова, а к селу пустошей: п.ч.б. д. Порчихино Кропачихино тож, под нею прудец, п.ч.б. д. Кислякова, п.ч.б. д. Пахомово Находово тож, под нею прудец; д. Григорьево на реке на Ируши; п.ч.б. д. Демьяново, п.ч.б. д. Боканов починок на реке на Ируже, п.ч.б. д. Федорково Юнюнкино тож, что была в вотчине за Федором Львовым, п.ч.б. д. Дербелово на той же речке; слщ.ч.б. д. Гранево; слщ.ч.б. д. Полочениново Малое, а купил те селища Ондрей Клешнин у Григорья да у Василья Колединских, а дал то селище с тою ж вотчиною в монастырь вкладу. А что в селе и в деревнях и в пустошах четвертные пашни и то писано имянно в их дозорных книгах подлинно. За Пафнутьевым монастырем в вотчине что было за Меншим да за Борисом за Григорьевыми детми Колычова п.ч.б. село Ельчино, а в нем церковь Рождество Христово, да приделы Никола Чудотворец да Иван Богослов, стоит бес пения. Да вотчины п.ч.б. д. Хотомино Недпятинская тож, под нею прудец; п.ч.б. д. Коровкино, под нею прудец. А четвертная пашня паханая и перелог лесом поросли писано в их дозорных книгах имянно потому ж и всякие угодыя.

Да в памяти из Болшово Приходу за приписью дьяка Богдана Поздеева

написано выписано ис платежных книг Московского уезда с книг писма и меры Тимофея Хлопова с товарищи 83-го и 84-го году в Сурожском стану Пафнутьева монастыря в вотчине пять пустошей в пусте, сошного писма полчетверти и полполтрети сохи и перешло за сошным писмом пашни перелогом три чети с полутретником.

В Гоголеве стану Рожества пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря селцо Чернышево, да селцо Володимеровское, да деревня, да девять пустошей. Сошного писма в живущем полполполчетверть сохи, а впусе соха бес четверти и полполчети и полполтреть сохи.

В Сетунском стану Пафнутьева ж монастыря в вотчине пустошь ч.б. с. Терентьево. Сошного писма в живущем и впусе полполтрети и полполчетверти сохи и не дошло в сошное писмо перелогу дву четвертеи.

В Тухачевской волости Рожества ж Пречистые Богородицы Пафнутьева монастыря в вотчине селцо Ловцово, да деревня живущая, да пять пустошей. Сошного писма в живущем полчетверти и полполполчетверть сохи и не дошло в сошное писмо пашни четь с полуосминою, а впусе сошново писма четь без полполполчетверти сохи и не дошло в сошное писмо пашни перелогом осмины.

Да в памяти 130-го году дозорщиков Семена Молвянинова да подьячево Дружины Федотова их дозору 128-го году вотчина Рожества Пречистые Богородицы Пафнутьева ж монастыря во Тверском уезде Горетцком стану п.ч.б. с. Ульяновское на реке на Шоше, п.ч.б. д. Горнее Гора тож, п.ч.б. д. Офремовская Максимова тож, п.ч.б. д. Головнино, п.ч.б. д. Байдино, п.ч.б. д. Михеевская Горлово тож, п.ч.б. д. Чибинкина на на реке на Шоше, п.ч.б. д. Веленево, п.ч.б. д. Жуково Пастегино тож, п.ч.б. д. Барчино, п.ч.б. д. Черленино, п.ч.б. д. Кобылино, п. Корякино и п. Третьякова, п. Церковная, п.ч.б. д. Попова, п. Клемятино, п.ч.б. селцо Нестеровское Абутково тож, п.ч.б. селцо Кобяково на реке на Шоше, п. Чернево, п. Хвостово, п. Жабное, две трети п. Хвостовские Завражье тож, п. Семеновская, четверть пустоши что было четверть д. Куровы, полпустоши Селивановы. И всего по до/зо/ру Семена Молвянинова да подьячево Дружины Федотова Рожества Пречистые Богородицы вотчины во Тверском уезде в Горетцком стану дватцать три пустоши бес трети, да четверть пустоши. А в них пашни двесте девяноста семь четвертей с осминою в поле, а в дву по тому ж, сена двесте шездесят пять копен, лесу непашенново девятнатцать десятин, да лесу ж роши три десятины.

Да Пафнутьева ж монастыря вотчина в Звенигородцком уезде на речке на Развадне: п.ч.б. с. Сурмино, п. Скрябино, п. Ельник, п. Плитино, п. Варнавино, п. Глинкова, п. Громоздово, п. Голенино, п. Кокрево на речке на Востре, п. Крюково, п. Панкино, п. Шишляево, п. Родивово, п. Юркино, п. Бирюлино, п. Лукино, п. Суслово, п. Каплино, п. Лыбошево, п. Скугорево, п. Дубровки, п. Мигуново, п. Асаново, п. Белое, п. Ффонково, п. Коншино, п. Гришино, п.Тырлыково, п. Витилово, п. Паршукова, п. Маринкино, п. Микулкино, п. Размашково, п. Лучкино, п. Лаврово, п.ч.б. с. Петровское, п. Новинково, п. Скоково, п. Колодино, п. Тотаурово, п. Лаптево, п. Богданцово, п. Ширикино. Да в Звенигородцком уезде под Вязмою: п. Макаричко-

во, п. Попадеикино, п. Колесниково, п. Кудрявцово, п. Пелепелицыно, п. Рылково, п. Подъелье, п.ч.б. слободка Татарская, п. Прибытчиково, п. Боранчиково на речке на Островне, п. Гладышево, п. Подлипки, п. Рогвицыно, п. Савкино, п. Подлипки, п. Попадеикино. В Звенигородском же уезде село Корюково, а в нем храм Преображение // (Л.3.) Господа нашего Иисуса Христа. Да к тому ж селцу пустоши: п. Козлово, п. Дубровки, п. Митино, п. Безбородое, п. Асеево, п. Городище, п. Грибаново, п. Потапово, п. Кулигино, п. Радчино, п. Ачкасово, п. Врашкино, п. Митрохино, п. Сачково.

Да в Московском уезде в Горетове стану на реке на Истре д. Ивановская, да к той же деревне по реке по Истре рыбная ловля по обе стороны реки Истры от Мухиной пустоши вниз по реке до пустоши Гробовой, п. Бовыкино, п. Власово, п. Болобонково, п. Клеткино. Да в Гоголеве стану село Чернышово, а в нем храм святого пророка Ильи, п.ч.б. село Володимерское, п.ч.б. село Ильинское, п. Лыторово, п. Рышково, п. Шаврино, п. Лустино, п. Ескино, п. Деряшкино, п. Лисицыно, п. Шернино, п. Воронино, п. Юловтино, п. Вораксино, п. Черкино, п. Селятино, п. Княжишево, п. Пузиково, п. Убитое, п. Поделки, п. Торопово, п. Юрино, п. Попадино, п. Климково. Да в Медведенском стану на речке на Жеравке п. Лекино Большое, п. Лекино Меньшее, п. Куприно, п. Шенюхино, п. Митково, п. Лаврово, п. Офонино, п. Волохово. Да в Сетунском стану: п.ч.б. село Терентьево. Да в Тухачевском стану село Ловцово, п.ч.б.д. Логуново, п. Тупицыно, п. Томилиха, п. Кузнецово, п. Подсакари, п. Дербелино.

Так же есмь игумена Иосифа з братьею или хто по нем в том монастыре иныи игумен и братья будут пожаловал хто в их Пафнутьева монастыря в вотчине, в селех и деревнях и в починках учнут жити их монастырских слуг и крестьян и всяких монастырских людеи, и тем их монастырским всяким людем и крестьяном по нашему государскому указу по сей нашей царской жалованой грамоте с тое монастырские вотчины наших никаких податей и дани, и полоняничных, и подможных, и за плавные казаки, и за ямчужное, и за засечное дело денег и всяких денежных поборов, и казачьих хлебных запасов и кормов с сошными людьми не давати, опричь ямских денег; и стрелецких хлебных запасов и городского и острожново дела, а ямские им денги и стрелецкие хлебные запасы давати, и городского и острожное дело делати с сошными людьми вместе по писцовым и по дозорным книгам з живущего. Так же им и их людем и крестьяном в наших дворцовых и в потклетных селех и в конюшенных дворов наших и конюшен, и пригонов стадных, и прудов, и наместничих и волостелиных, ни ямских, ни охотничих дворов не делают; и на ямех с подводами не стоят, и на ям охотников не выбирают и всяких дел не делают, опричь городского и острожново дела. И к ямчужному делу сору и дров не дают, и ямчюги не варят, и онбаров ямчюжных не делают, и в судовую во всякую поделку не дают, ни к пушечному делу пушечных запасов, волоков и колеи, и саней, и конатов, и поскони, и льну, и смолы, и холстов, и всяких запасов не дают и не делают, и к зеленому и пушечному делу уголья и никаких запасов не возят и не делают, и тюрем не ставят, и к тюрмам для сторожи сторожей и целовалников не дают и не стерегут, и к

губным делам и к ямчужному делу, и к томге и денежному збору, и к засекам, и на кабаки в целовалники, и в дозор ни к замолоту и к сноповому и к пятинному и к опалному хлебу и ни х которым делам ни в которые города по которым городом их монастырские вотчины не дают монастырских людей ни во что. И по станом наших и боярских столовых запасов и конских кормов не дают, и с подводами не стоят, и хлеба нашего не молотят и не возят, и сен не косят и не возят, и закощиком пошлин их не дают, и зесечных и покопанных денег, и подимного и пятенного не дают. И наши послалники в их монастырскую вотчину ни по что не въезжают и крестьян их не наряжают, ни подвод ни проводников, ни кормов своих и конских не емлют; ни бобровники, ни посошники, ни островщики, ни псаря не въезжают же ни по что и не ставятца, и пошлин им их никаких не дают. И наши всякие послалники и кормовщики в их монастырские вотчины и на дороге и по торгом у их слуг и у крестьян и у всяких монастырских людей подвод и проводников и кормов своих не емлют, и послалником судов и гребцов не дают, и с соцкими и с пятидесяцкими и посацкими и со всякими черными людьми ни в какие наши тягла и в проторы и в розметы не тянут, опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городского и острожново дела.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловал таможенники и пятенщики и всякие пошлинники у монастырских у всяких людей лошадей не пятнают, а держит игумен з братьею в своих селех и деревнях свое монастырское пятно и велят у своих монастыр/ских/ слуги у крестьян лошади пятнати своим монастырским пятном, и в их монастырское пятно наши всякие пошлинники ништо не вступаютца и пятна и пропятенья на их монастырских слугах и на крестьянех не емлют.

Также есми игумена Иосифа з братьею или хто по нем инии игумен и братья будут пожаловал: гороцкие и пригороцкие всякие люди на их монастырскую землю стад коневых и всякие животины не гоняют и чудотворца Пафнотия в их монастырской вотчине около монастыря, и в погостех, и в селех, и в деревнях монастырских заповедных и всяких лесов не секут ништо, а будет кому случитца в их монастырской вотчине монастырского лесу бревен и дров усечь и тем всяким людям являти игумену Иосифу з братьею или их слугам и приказщиком, а безьявочно никому в их монастырские леса не въезжати и лесу не сечи, а хто будет учнет не явьясь игумену и братье и их слугам и приказником монастырской лес сечь, и игумену Иосифу з братьею велети тех людей сторонними людьми в своих монастырских лесах имати и уличив на тех людех игумену з братьею имати заповеди по два рубли.

Также есми игумена Иосифа с братьею пожаловал: коли будет из их монастырских лесов повезут хоромной, или какои нибудь лес и дрова на монастырской обиход, а не продаю, и с того их монастырского лесу наших никаких пошлин не емлют.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловал: велел в их слободках, которые их монастырские слободки под монастырем и около монастыря, и с тех слободок игумену Иосифу з братьею с торгу таможенную и всякую пошлину с товаров, и с хлеба помер, и с полозовое, и всякую таможенную пошлину збирати своих монастырских крестьян и слобожан в монастырь на воск и на ладон, и на темьян, и на вино церковное, и на всякое церков-

ное строенье и на монастырской обиход, а збирати им томга которые живут в монастырских слободах и на погостех. А привезет хто монастырской слободы человек или волостной монастырской откуды нибуди и ис тех монастырских сел и из деревень товар свои в монастырскую слободу на наемных лошадех, а наймиты у них будет не слобожане, или мимо монастырской слободы повезут, и игумену з братьею имати у них мыту с саней по две денги, а повезут рухлядь свою на своих санех, а не на наемных, или у них наймиты будут монастырские слободы или становые, и игумену з братьею на тех людех мыта не имати, а которой монастырской человек привезет весчеи товар, и игумену з братьею с весчево товару с подъему с купца по денге, а с продавца по денге ж, а тамги с рубля по четыре денги ж. А хто монастырской слободы слобожанин или волостной крестьянин взвесит рогозину соли или мех соли или пошев соли и игумену з братьею имати весчево с купца по денге, а с продавца по денге ж, а томги с рубля по четыре денги, а хто продаст или купит круг воску без весу или мех соли или рогозину или пошев соли, или кадь рыбы, или кадь меду, или икры ис того весчего товару без весу на два рубля и болши дву рублев, и игумену з братьею имати с них заповеди два рубля. А хто продаст или купит всякого весчего товару без весу менши пяти или шти алтын и оне с того игумену и братье не являют, а игумену з братьею с того весчего товару не имати, а с хлеба со всякого товару со ржи и со пшеницы, и с овса, и с солоду, и с ячмени, и с конопель, и з гречихи, и з гороху, и з заспы, и с толокна, и со всякого жита по меру имати игумену з братьею с четырех чети московских денга, и будет болши четырех чети, и игумену з братьею имати померного с продавца по тому ж по расчету, а с купца померного и томги з жита неимати. А хто продаст жита всякого воза два или три без меры, или хто купит не в померную в пятенную меру, и игумену з братьею с них заповеди имати два рубля, а хто продаст не явясь игумену з братьею или ево приказщиком, или хто учнет купити не в пятенную меру, а продаст четыре чети московских, и с того игумену з братьею взяти заповеди рубль, а хто продаст всякого жита по осмине, и с того заповеди не имати.

Также есми игумена Иосифа з братьею или хто по нем в том монастыре иные игумен и братья будут, пожаловал: которые их монастырские вотчины в Боровску и в ыных городех и в тех городех их монастырские слободы и села, и деревни и починки и которые в их монастырских вотчинах в слободах и на погостех, и в селех и в деревнях учнут жити их монастырских слуг и крестьян, и коли будет тем их монастырским слугам и крестьяном случитца к празнику или к свадьбе или по родителех сварить пива или браги про себя, а не на продажу, и по нашему государскому указу // (Л.4) тем их монастырским людем и крестьяном, кому сварить какова питья, в том являти игумену Иосифу и братье или монастырским приказщиком. А по сеи нашей царской жаловальной грамоте от воевод наших и от приказных людеи выимщикам у монастырских слуг и у крестьян тово питья не выимают, а во всем в том кому лучитца какова питья сварить являти игумену Иосифу и братье и их приказщиком, а не явясь игумену и братье, монастырским людем и крестьяном никакова питья не варить и не держат.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловал всяких их монастыр-

ских людей и крестьян воеводы наши и дьяки и всякие приказные люди не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным, а ведает и судит тех своих всяких людей и крестьян Пафнотьева монастыря игумен Иосиф з братьею сам во всем, али кому игумен и братья прикажут судити. А кому будет чего искати на игумене и на братье или на слугах и на крестьянех и на всяких монастырских людех каких дел нибуди, и по нашему государскому и отца нашего великого государя святейшаго Филарета Никитича Божиею милостию патриарха Московского и всеа Русии указу, игумена и братью и их монастырских слуг и крестьян судят отца нашего государева приказные на ево государском патриарше дворе в году на три срока — на Рождество Христово, да на Троицын день, да на Семен день Летопроводца, а опричь тех наших указных трех сроков люди их и крестьян никто ни в чем не судит и зазывных и никаких по них грамот никому ни в чем, опричь тех трех сроков, не имати. А случитца в их монастырской вотчине от заволостных людей, и от князеи и от дечи боярских и от их людей и от крестьян и от монастыреи и ото всяких людей в котором городе нибуди или в волости розбой или татба и убивство Пафнотьевским слугам и крестьяном, и учнут Пафнотьевские слуги и крестьяне и всякие люди бити челом воеводам нашим и дьяком и всяким нашим приказным людям или губным старостам и городовым приказщиком о приставе, и по сей нашей царской жаловальной грамоте воеводам нашим и дьяком и всяким приказным людям приставов им на поличное давати и всяких людей имати, а прав ли будет или виноват в суде монастырской человек, и он в правде и в вине игумену Иосифу с братьею. А случитца у них душегубство бесхитростно, хто з дерева убьетца или в воде утонет, или мертвого вода принесет к монастырской земле, или кого возом сотрет или на мельнице колесом сотрет, или убитым человеком подкинут, или лошадь убьет, или обеситца, или каво гром убьет, и они с них наши(м) приказным человеком поголовщины не дают.

Также еси игумена Иосифа з братьею пожаловал кому будет Пафнотьева монастыря до церковного причету до попов и до дьяконов и до дьячков и до их слуг и до крестьян и до всяких монастырских людей каково дело и тот по них пошлет нашего даного пристава которой им дан будет, и им искати и отвечати на те ж наши указные на три сроки на Рождество Христово да на Троицын день, да на Семен день Летопроводца, а опроче тех сроков иных сроков на них не наметьвати. А хто их опроче того даново пристава даст на поруки и накинет на них срок силно не по тем нашим указным сроком, и по нашему государскому указу к тем сроком им не ездити, а хто на них и безсудную возмет не по тем же сроком и та безсудная не в безсудную, а пристава ездю лишен.

Также еси игумена Иосифа з братьею пожаловал: наши ратные и всякие проезжие люди в их монастырских вотчинах не ставятца и кормов своих и конских силно не емлют, а купят корм свои и конской по цене как им продадут. А наши и отца нашего государева великого государя святейшаго Филарета Никитича патриарха Московского и всеа Русии волостные крестьяне и боярские и княженецкие и монастырские к их монастырским слугам и к крестьяном на пиры и на братчины и на свадьбы незваны к ним пути не ездят. А хто к ним приедет на пир незван и они его сошлют з двора беспенно, а не

послушает незваной человек з двора не поидет и станет пить силно и учинитца у них туто какая гибель, и тому незваному та гибель платить вдвое без суда и без исправы.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловал: что у них в их монастырских селех и на погостех учнут служити попов и дьяконов, и те их попы и дьяконы нашим богомолцом митрополитом и архиепископом и епископом и их приставом ни которые дани и их ни которых пошлин не дают и десетилники и заезщики к ним не въезжают ни почто.

Также есми игумена Иосифа з братьею, или хто по нем в том монастыре иные игумен и братья будут пожаловал: что нам оне, игумен и братья, били челом, что надобе им купити по вся годы на церковной обиход воску и ладону и фимьяну и мира и масла и вина церковного и на монастырские на всякие годовые обиходы на Москве и в иных городех всяких годовых запасов. И нам бы их пожаловати, с тех монастырских со всяких покупных обиходов в которых городех что оне купят, наших никаких пошлин имати не велети, и тем они всяким монастырским обиходом подал игумен з братьею за своею игуменскою и братья руками роспись, а в росписи их написано: купити им на годовые обиходы на церковной обиход воску и ладону и фимьяну и вина церковного на пятьдесят на пять рублей; да меду пресного на шестьдесят рублей, да им же купити на монастырской обиход на братью сукон чернеческих и шуб и овчин и обуви на пятьдесят на пять рублей, да на слуг и на служебников сукон же и всякого платья на шестьдесят на семь рублей; да служивые всякие рухляди лютцкие и конские на осмнадцать рублей; да про монастырской же обиход купити тысечю пуд соли, да рыбы всякие и икры и молоко и селдеи и снятков на сто на дватцать на пять рублей, да масла коровья и конопляного на четырнатцать рублей, да хмеля на шестнатцать рублей; да лошадеи и коров и всякие животины на сто на дватцать на пять рублей. И всего про монастырской обиход купити всяких обиходов, опричь соли, на пятьсот на тритцать на пять рублей. И яз, царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси, Пафнотьева монастыря игумена Иосифа з братьею, или хто по нем в том монастыре иные игумен и братья будут, пожаловал: с того их монастырского со всякого покупного запасу которой запас их монастырские старцы и слуги и всякие монастырские люди в которых городех против нашего указу на монастырского годовои обиход что купят, и таможенным головам и целовалником и откупщиком и всяким пошлинником с того их покупного запасу явки и подимного, и весчего, и отвозново, и иных некоторых пошлин по сеи нашей царской жаловалной грамоте не имати ничего, и пропускати их везде беспошлинно, и в котором городе Пафнотьевские старцы и слуги всякие люди про монастырские годовые обиходы каких обиходов на сколько рублей чего купят, и тем монастырским людям в котором городе чево купят и чего против того числа пятисот тритцати пяти рублей каких обиходов не докупят, имати у воевод и у дьяков и у приказных людей отписки, а у таможенных голов и у целовалников с книг тому купленому обиходу роспись, чтоб им купити по городом всяких монастырских годовых обиходов против нашего указу на пятьсот на тритцать на пять рублей, а не вдвое, а что сверх нашего указу купят, и с того со всего наши всякие пошлины имати против торговых людей.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловал коли лучитца игумену и братье или их монастырским слугам ехати к нам к Москве о чем нам бити челом, или которые городы нибуть, или как пошлет для тех монастырских годовых обиходов в которой город чево купить старцов и слуг, и с них по рекам перевозщиком и по мостом мостовщиком в везде всяким пошлинником с игумена и з братьи и с их монастырских слуг и с тех старцов же и слуг, которые поедут в городы для монастырских годовых покупных обиходов и со всяких монастырских людеи, перевозу и мостовщины, и всяких пошлин с конных и с телег, и зиме с саней, никаких пошлин не имати и пропускати их везде беспошлинно.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловал: которые их монастырские вотчины и рыбные ловли в реках и в озерах в розных городех, и что их монастырские дворы на Москве в Китае городе и в иных городех — в Серпухове внутри городе место дворовое, да за острогом у реки у Нары двор монастырской; да в Колуге за острогом место ж дворовое, и мы, великий государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси, и отец наш государев великий государь святейший Филарет Никитичь Божиею милостию патриарх Московский и всеа Руси, Пафнотьева монастыря игумена Иосифа з братьею пожаловал по сеи нашей царской жаловальной грамоте теми им вотчинами селы и деревнями и починками и пустошми и рыбными ловлями и дворами и дворовыми месты и всякими угоды, о всем указали владети по сеи нашей царской жаловальной грамоте; с писцовых и з дозорных книг по выписям и по духовным и по даным крепостям. И в те их вотчины и в рыбные ловли и во всякие угоды никому не вступатись и в рыбных ловлях ловити рыба про монастырской обиход беспошлино, а сторонним людем в тех их рыбных ловлях никому рыбы не ловити и насилства никакова не чинити. А для бережения сю нашу царскую жаловальную грамоту игумену Иосифу и братье держати в монастыре в казне, а по сеи нашей грамоте для всяких дел по городом для воевод наших и дьяков и приказных людеи и всяких пошлинников посылати с сее нашей грамоты списки слово в слово за игуменскою и соборных старцов за руками и за монастырскою за казенною печатью. А коли они явят сю нашу царскую жаловальную грамоту по городом воеводам и дьяком и приказным людем, или с сее грамоты список, и они явки не дают ничего. А хто через сю нашу царскую жаловальную грамоту и братью и их слуг и крестьян чем изобидит, и тому от нас, великово государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, быти в опале.

Дана ся наша царская жаловальная грамота в нашем царствующем граде Москве лета 7130-го ноября в 22 день.

(Л.Зоб.) Справил подьячеи Иван Горохов. Царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси самодержец.

А подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси диак Семен (Головин. — *В.О.*).

(Л.1об.) Лета 7188 г. мая в 8 день Божиею милостию мы великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец сее жалованные грамоты слушав Боровского уезду Рожества Пречистые Богородицы Пафнотиева монастыря игумена Леонтия, келаря старца Галактиона, казначея старца Иоасафа з братьею, и хто по них

в том монастыре иные игумены и келари и казначеи и братия впред будут, пожаловали: велели им сию жалованную грамоту подписать на наше великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малая и Белья Росии самодержца имя

Диак Семен Кудрявцов.

Лета 7193 г. октября в 14 ден Божею молостию мы великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы сее жалованные грамоты слушав пожаловали из Боровска Пафнотьева монастыря игумена Феофана з братьею, велели сию жалованную грамоту подписать на наше великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев имяна, и монастырскими вотчинами и всякими угоды владеть по писцовым и по переписным книгам и по сеи жалованной грамоте, а с тех вотчин и со всяких угодеи о наших великих государей доходех и о всяких поборех и о городских делех и о судных статьях нет потому как в указе отца нашего великих государей блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и в Соборном Уложении напечатано и после Соборного Уложения в наших великих государей указах и в боярских приговорах и в уставных грамотах написано.

Диак Григорей Посников.

(на скрепах: «А подписал государев и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси дьяк Семен»).

РГАДА. Ф.281. ГКЭ. Оп.5. №16/614. Л.1—4. Подлинник.

1624 г., февраля 25. Жалованная подтвердительная тарханно-несудимая, на данного пристава, трёхсрочная, заповедная (от ездовых и незваных гостей), тарханно-проезжая и на конское пятно грамота ц. Михаила Фёдоровича игумену Рождества Богородицы Пафнютьева Боровского монастыря Иосифу с братьею на монастырские вотчины в Боровском, Верейском, Малоярославецком, Серпуховском, Оболенском, Медынском, Дмитровском, Каширском, Старицком, Московском, Тверском, Звенигородском уу. с подтверждениями: 1) царя Фёдора Алексеевича 1680 г. мая 8 игумену Леонтию, келарю Галактиону, казначею Иоасафу; 2) цц. Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича 1684 г. октября 14 игумену Феофану

(Л.1) Божию милостию мы, великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси самодержец, пожаловали есмя богомолцов своих Рождества Пресвятыя Богородица Пафнотьева монастыря игумена Иосифа з братиею, или кто по нем в том монастыре иные игумен и братия будут. В прошлом во 131-м году по нашему указу положили они перед нами нашу жалованную грамоту 130-го году за приписью дьяка нашего Семена Головина, а в той нашей жалованной грамоте написано: до московскаго де разоренья были у них на чудотворцовы Пафнотьева монастыря вотчины жалованные грамоты блаженные памяти деда нашего государева государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и дяди нашего государева госу-

даря царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси. И в пошлом де во 118-м году Тушинской вор с литовскими людьми и с рускими воры пришед ис Колуги Пафнотьев монастырь взял взятъем и разорил до основанья, высек и выжег, и всю монастырскую казну поимали. И в то время те жаловальные тарханские грамоты и даные и вотчинные крепости и с них списки и всякие монастырские дела погорели все без остатку. А вотчина их монастырская по книгам писма и дозору Ильи Чемесова да подьячево Василья Прокофьева 129-го году написано: в Боровску за посадом за рекою за Поротвою слободка Мякишева на реке на Поротве, да слободка Мелничная на реке на Поротве под городом, да у посаду против слободки Высотцкие на всполье у сторонничья пруда погост Николской. А в слободке Мякишеве и в слободке Мелничной и на Николском погосте три двора служних, да семнатцать дворов монастырских служебничьих, а пашни к тем слободкам нет. К слободке ж Мякишеве лужек на реке на Поротве, а на нем сенные покосы, да под Мелничною слободкою место мелничное на реке на Поротве. Да у них же рыбная ловля в реке в Поротве от Мелничной слободки вниз по селцо Кривское на пять верст, да на той же реке на Поротве под монастырем мельница монастырская, в анбаре двое жерновы мелют на монастырской обиход. За посадом же вниз по реке по Поротве монастырь Высотцкой — строение Пафнотия чудотворца, а к тому монастырю погост Стретенской. Того ж монастыря озеро под Гонною слободою на вотчинникове земле Матвея Синявина села Комлева, а вода в том озере боровских посадцких людеи, а рыбная ловля монастырская. Под Высотцким же монастырем на реке на Поротве мелничной их заплот, а прудили тот заплот и онбар поставили Пафнотьева монастыря игумен з братьею. Того ж Высотцкова монастыря вотчина в Окологородном стану п. Гороховская на реке на Поротве, п. Михайловская на реке на Поротве, п. Рудницы, п. Кудиново, п. Измаилово, а приписан тот Высотцкой монастырь и с вотчиною к Пафнотьеву монастырю по нашей грамоте ис приказу Большого Дворца за приписью дияка Патрекея Насонова 126-го году.

Пафнотьева ж монастыря вотчина в Верииском уезде в Окологородном стану селцо Федотово на речке на Оборинке, п. Митяево, п. Лучны, п. Ячково, п. Рыжково, п. Семеновская, п. Енино, п. Резанцово, п. Кузыево, п. Ромашково, п. Клепицыно, п. Ивакино, п. Бошкордова, п. Трубино, п. Кологривцово, п. Тарасова, п. Кожаново, п. Захарово, п. Ступино, п. Пушино, а на ней рыбные ловли, два прудца, п. Щетинино, п. Тишина, п. Василевко, п. Ошепково, п. Пешково, п. Иванчинка, п. Завыбоика, п. Юрьево, п. Агафоново, п. Скрылево.

В Боровском уезде в Окологородном стану селцо Беницы на реке на Поротве пусто, а к нему рыбная ловля монастырская в реке в Поротве от Быстрой пустоши вниз по правую сторону по село Сатино на три версты. Да в Суходолском стану селцо Русиново, д. Реткино, д. Куприно, д. Отрепьево, а к ним пустошей: п. Суслово на реке на Поротве, п. Сожданово, п. Мостищи, п. Вошутино, п. Чижово, п. Кубенская, п. Чертково, п. Служня, п. Племянниково, п. Окулово, п. Симоново, п. Ильинское, п. Кузмодемьянское. Село Котово, а к нему рыбная ловля в реке в Наре, от села Таширова вниз по обем берегом реки под д. Ченкову на восемь верст, д. Малково, п. Яшеляхово, п. Елагино, п. Маслихина,

п. Корачева, п. Зубцова, п. Дудино, п. Шекуево, п. Левино, п. Дедово, п. Шаблыкино, п. Белоглазово, п. Картышово, п. Тачаево, п. Горняя, п. Павлово. Селцо Отепцово на реке на Наре, д. Башкино на реке на Исье, д. Слизнева на реке на Наре, п. Быково, п. Дроздово, п. Торчюхино, п. Гребенкино, п. Шукино, п. Теплая, п. Слободка, п. Гринево, п. Сырино, п. Татаркино, п.ч.б. погост Рождества Христова на речке на Исье, селцо Покровское на реке на Наре пусто.

Да в Лужецком стану селцо Рябцово, п. Суцово, п. Любань на речке Любанке, п. Малеево, п. Никоново, п. Лябино, п. Шапилово, п. Гридино, п. Говорово, п. Кубышкино, п. Борняково, п. Орехово.

Да в Ярославском уезде Малово в Заячковском стану селцо Киселево, д.ч.б. селцо Олупово, п. Ерихино Болобоново тож, п. Беднево, погост на речке на Прогнатке.

Да по дозорным книгам Томила Прончищева 125-го году в волости в Селищах село Васильевское Татьянаинское тож на речке на Хлепетове, а к тому селу д. Орехово, д. Залужья на реке на Торусе. В Мышегской волости селцо Ленинское, п. Заклеина, к тому ж селцу селцо Ивановское Черкасово тож, село Семеновское на речке на Головенке, к тому ж селу д. Глодна Игнатово тож, д. Поделки.

Да по книгам письма и дозору Пимины Юшкова 125-го году в Серпуховском уезде в Окологородном стану селцо Енино, да к тому ж селцу д. Никифоровка на речке на Городенке. Того ж монастыря по берегу реки Оки озеро Долгое, да озеро Борисовское.

Да в Оболенском уезде по книгам дозору Пимины ж Юшкова селцо Должинское. Да по книгам дозору Семена 124-го году в Медыньском уезде в волости в Городне село Адамовское на речке на Летебежки и на Медынки, п. Полково, п. Выходово, п. Коркино, п. Куприно, п. Михалево, п. Быкошево, п. Острог.

Да по книгам писма и дозору Михаила Шокурова да Ивана Нестерова 122-го году в Дмитровском уезде в Лутосенском стану д. Меленки, д. Буславка.

Да по книгам писма и дозору Василья Сьянова да подьячево Анисима Ильина 125-го году в Коширском уезде в Тешиловском стану д.ч.б. селцо Болково на речке на Бледее, да в Турове стану за ними ж озеро Долгое.

Да по книгам писма и дозору Тимофея Безобразова да подьячево Дружины Лукина 122-го году в Старицком уезде в Вятцкой волости п. Олексеиково, п. Ларюшино Варюшино тож. Да в Болгарской волости селцо Нашекино, п. Порчихино Кропчихино тож, под нею прудец, п. Кисляково, п. Пахомово Находово тож, под нею прудец, д. Григорьево на реке на Ируши, п. Демьяново, п. Боканов починок на речке на Ируже, п. Федорково Юнино тож, п. Дербелево на той же речке, селище Гранево, селище Полочениново Малое, п.ч.б. селцо Елчино, п. Хотомино Недпятинская тож, под нею прудец, п. Коровкино, под нею прудец.

Да по книгам писма и меры Тимофея Хлопова с товарищами 93-го и 94-го году в Московском уезде в Гоголеве стану селцо Чернышово да п.ч.б. сельцо Володимеровское, // (Л.2) п.ч.б. селцо Ильинское, п. Лыторово, п. Рыжково, п. Шаврино, п. Лустино, п. Ескино, п. Деряшкино, п. Лысицино,

п. Шернино, п. Воронино, п. Юловтино, п. Вараксино, п. Черкино, п. Селятино, п. Княжищево, п. Пузиково, п. Убитое, п. Подъелки, п. Торопово, п. Юрино, п. Попадино, п. Климово. Да в Сетунском стану п.ч.б. село Терентиево. Да в Тухачевском стану селцо Ловцово, п. Логуново, п. Тупицыно, п. Томилиха, п. Кузнецово, п. Подсакори, п. Дербелино. Да в Горетове стану д. Ивановская на реке на Истре, да к той же деревне рыбная ловля по реке по Истре по обе стороны от пустоши от Мухины до пустоши Гробой вниз, п. Бовыкино, п. Власово, п. Болобонково, п. Клеткино. Да в Медведевском стану п. Лекино Большое на речке на Жаравке, п. Лекино Меньшее, п. Куприно, п. Шенюхино, п. Митково, п. Лаврово, п. Офонино, п. Волохово.

Да по книгам писма и дозору Семена Молвянинова да подьячего Дружины Федотова 128-го году во Тверском уезде в Горетцком стану п.ч.б. село Ульяновское на реке на Шоше, п. Горнее Гора тож, п. Офремовская Максимова тож, п. Головнино, п. Байдино, п. Михеевская Горлово тож, п. Чибинкина на реке на Шоше, п. Веленево, п. Жюково Пастюгино тож, п. Барчино, п. Черленино, п. Кобылино, полпустоши Корякинской, п. Третьякова, п. Церковная, п. Попова, п. Клемятино, п.ч.б. селцо Нестеровское Абутково тож, п.ч.б. селцо Кобяково на реке на Шоше, п. Чернево, п. Хвостово, п. Жабное, две трети пустоши Хвостовские Завражье тож, п. Семеновская, четверть пустоши Куровские, полпустоши Селивановы.

Да в Звенигородском уезде п.ч.б. село Сурмино на речке на Развадне, п. Скрябино, п. Ельник, п. Плитино, п. Варнавино, п. Глинкова, п. Громоздово, п. Голенино, п. Кокрево на речке на Востре, п. Крюково, п. Панкино, п. Шишляева, п. Родивоново, п. Юркино, п. Бирюлино, п. Лукино, п. Суслово, п. Каплино, п. Лыбошево, п. Скогорево, п. Дубровки, п. Мигуново, п. Осаново, п. Белое, п. Фофонково, п. Коншино, п. Гришино, п. Тырлыкова, п. Витилово, п. Паршюково, п. Маринкино, п. Микулкино, п. Ромашково, п. Лучкино, п. Лаврово, п.ч.б. село Лавровское*, п. Новинково, п. Скоково, п. Колодино, п. Тотурово, п. Лаптево, п. Богданцово, п. Ширикино, п. Макарчиново, п. Попадэйкино, п. Колесниково, п. Кудрявцово, п. Пелепелицино, п. Рылково, п. Подъелье, п.ч.б. слободка Татарская, п. Прибытчиново, п. Боранчиново на речке на Островне, п. Гладышево, п. Подлипки, п. Рогвицыно, п. Савкино, п. Попадэйкино, селцо Корюково, да к тому ж селцу пустоши: п. Козлово, п. Дубровки, п. Митино, п. Безбородое, п. Осеево, п. Городище, п. Грибаново, п. Потапово, п. Кулигино, п. Радчино, п. Ачкасова, п. Вращкино, п. Митрохино, п. Сачково.

Да у них же монастырские дворы: на Москве в Китае городе, да в Серпухове внутри городе место дворовое, да за острогом у реки у Нары двор, да в Колуге за острогом место дворовое.

Да в нынешнем во 131-м году по памяти ис Костромские чети за приписью дияка Афонася Истомина написано: по дозорным книгам Михаила Бормасова да подьячево Арефы Башмакова 130-го году в Серпухове на посаде двор их Пафнотьева монастыря.

* вероятно, ошибка писца; нужно: Петровское.

Да по памяти же ис Поместного приказу за приписью дьяка Третьяка Корсакова написано: по писцовым книгам Тимофея Хлопова с товарищи 94-го году в Московском уезде в Сурожском стану вотчина их монастырская п.ч.б. село Соловарово, п.ч.б. д. Осеева, п. Лучкино, п. Болобаново, п. Клетки.

Да в Оболенском уезде писма и дозору Василья Наумова да подьячево Ивана Ковелина 128-го году написано их же монастырская вотчина село Должинское Тресвятцкое тож, п. Карпово, п. Меншовская, п. Бородатая, п. Ильинская, п. Сумароково, п. Ветховая, п. Серкова, п. Воропаево, п. Грачово, п. Березова, п. Панфилово, п. Петрово, п.ч.б. село Клин, п. Лукинская, п. Кузмина, п. Просторово, п. Онтиповская, п. Ермолово, п. Ряпилово, п. Быково, п. Сизикова, п. Подъельнична, п. Лутовни-на, п. Оникинская, п. Головинская, п. Старая Сухорево, п. Ванинская, п. Песочна.

Да в Коширском уезде писма и меры князя Ивана Гагарина с товарищи лета 7086-го году в Тешилове стану вотчина их монастырская село Тулчино, д. Олферчищево, д. Безнино, село Болково.

И мы великий государь царь и великий князь Михаило Федоровичь всеа Руси и отец наш государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Руси Рожества Пречистыи Богородицы Пафнотьева монастыря игумена Иосифа з братиею пожаловали: велели ту нашу государскую жаловальную грамоту переписать вновь на наше же государское имя, и велели им теми их монастырскими вотчинами и рыбными ловлями и дворами и дворовыми месты и всякими угоды владети по прежнему и по сей нашей государской жаловальной грамоте.

Также есми игумена Иосифа з братиею пожаловали: хто в их Пафнотьева монастыря в вотчине в селах и в деревнях и в починках учнут жити их монастырских слуг и крестьян и всяких монастырских людеи, и тем их монастырским людем и крестьяном по нашему государскому указу по сей нашей жаловальной грамоте, с тое монастырские вотчины наших никаких податей, и денежных всяких поборов, и казачьих хлебных запасов и кормов, с сошными людами не давати, опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов, и городского и острожново дела, а ямские им денги и стрелецкие хлебные запасы давати, и городовое и острожное дело делати по писцовым и по дозорным книгам з живущего с сошными людами вместе.

Также их крестьяне в наших в дворцовых селах дворов наших и прудов и наместничих и волостелиных и ямских дворов не делают, и на ямех с подводами не стоят, и на ям охотников не выбирают. И к ямчюжному делу сору и дров не дают, и ямчюга не варят, и онбаров ямчюжных не делают, и в судовую во всякую поделку не дают, и хлеба нашего не молотят и не возят, и сен не косят и не возят же, и подимного и пятенного не дают. И наши посланники в их монастырской вотчине подвод и проводников и кормов своих и конских у них не емлют, и с сотцкими и с пятидесятцкими и с посадцкими и со всякими черными людами ни в какие наши тягла и протори и в розметы не тянут.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловали: тамошники и пятенщики и всякие пошлинники у монастырских у всяких людей лошадей не

пятнают, а держит игумен з братьею в своих селех и в деревнях свое монастырское пятно, и велят у своих монастырских слуг и у крестьян лошади пятнати своим монастырским пятном, и в их монастырское пятно наши всякие пошлинники никто не вступаются, и пятна и пропятенья на них не емлют.

Также есми их пожаловали: городцкие и пригороцкие всякие люди на их монастырскую землю стад коневых и всякие животины не гоняют, и в их монастырской вотчине около монастыря и в погостех и в селех и в деревнях монастырских заповедных и всяких лесов не секут никто.

Также есми их пожаловали: как из их монастырских лесов повезут хоромной или какой нибудь лес или дрова на монастырской обиход, а не на продажу, и с того их монастырского лесу наших никаких пошлин не емлют.

Также есми их пожаловали: монастырских людей и крестьян воеводы наши и дьяки и всякие приказные люди не судят ни в чем, опроче душегубства и разбоя и татбы с поличным, // (Л.3), а ведают и судят тех своих монастырских людей и крестьян игумен з братиею сами во всем, или кому прикажут. А кому будет чего искати на игумене и на братье и на их слугах монастырских и на крестьянх, и по нашему государеву указу игумена и братью и их монастырских слуг и крестьян судят отца нашего государева, великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси, приказные люди на его государеве патриарше дворе в году на три сроки — на Рожество Христово, да на Троицын день, да на Семен день Летопроводца. А опроче тех наших указных трех сроков, монастырских людей и крестьян никто ни в чем не судят, и зазывных по них грамот никому ни в чем, опроче тех сроков, не имати. А учинится у них какое душегубство на монастырской земле, а душегубца в лицах не будет, и они дают за голову веры четыре рубли, а будет душегубец в лицах, и они ево отдадут воеводам и всяким приказным людям, а монастырским людям и крестьяном в том веры и продажи нет некоторые. А случится у них душегубство безхитростно — хто з древа убьется или в воде утонет, или мертвого водою принесет к монастырской земле, или ково возом сотрет, или убитым человеком подкинут, или ково лошадь убьет, или обесится, или кого гром убьет, и они с ним нашим приказным людям головщины не дают.

Также есми их пожаловали: хто по них пошлет нашего даново пристава, который им дан будет не по тем нашим указным трем сроком, и по нашему государскому указу к тем сроком им не ездити. А хто на них правую или безсудную возмет не по тем же сроком, и та безсудная не в безсудную, и правая не в правую, а пристав езду лишен.

Также есми игумена Иосифа з братьею пожаловали: наши ратные и всякие проезжие люди в их монастырских вотчинах сильно не ставятся и кормов своих и конских не емлют, а кому у них лучится стати, и они у них корм свой и конской купят по цене как им продадут.

Также есми их пожаловали: к их монастырским слугам и ко крестьяном на пиры и на братчины и на свадьбы никто не званы пити не ездят, а кто к ним приедет пити не зван, и они его пошлют вон безпенно. А не послушает незваной человек, з двора не поидет и станет пити сильно, и учинится у них на том пиру при том незваном какова гибель, и тому незваному та гибель платити вдвое без суда и без правды.

Также есми их пожаловали: по прежней и по сей нашей государской жаловальной грамоте купити им на церковной и на монастырской обиход одинава в году воску и ладану и вина церковнаго на пятьдесят на пять рублей, да меду пресного на шестьдесят рублей, да на братью и на служебников и на слуг сукон чернеческих и мирских и шуб и овчин и всякого платья на сто на дватцать на два рубли, да служилые всякие рухледи людские и конские на осмьнатцать рублей, да про монастырской же обиход купити им тысяча пуд соли, да рыбы всякие и икры и молоко и сельдей и снятков на сто на дватцать на пять рублей, да масла коровья и конопляного на четырнатцать рублей, да хмелю на шестьнатцать рублей, да лошадеи и коров и всякие животины на сто на дватцать на пять рублей. И всего на монастырской обиход купити им всяких обиходов, опричь соли, на пятсот на тритцать на пять рублей. И с того их монастырского со всякого покупного запаса в городех таможенным головам и целовалником и откупщиком и всяким пошлинником явки, и подимного, и весчево, и отвозного, и иных никоторых пошлин не имати ничего, и пропускати их везде безпошлинно. А в котором городе Пафнутьевския старцы и слуги и всякие люди про монастырской годовой запас чего на колко рублей купят, и против нашего указу на колко рублей всяких запасов не докупят, и тем монастырским людям у воевод и у приказных людей имати по городом отписки, а у таможных голов и у целовалников имати с книг тому своему купленому запасу роспись. А воеводам и приказным людям давать им за своими руками отписи, чтоб им по нашему указу купить всяких годовых обиходов одинава в году на пятсот на тритцать на пять рублей, да тысяча пуд соли, а не в двое, а что сверх того нашего указу учнут каких запасов покупати болши того, или те купленные запасы учнут продавати, и с того со всего наши всякие пошлины имати по уставным грамотам как и с торговых людей.

Также есми их пожаловали: как лучится игумену и братье и их монастырским служкам ехати к нам к Москве о чем нам бити челом, или в которые города нибуди для монастырского дела, или как пошлют для тех монастырских годовых запасов в который город чего купить старцев и служек, и с них и с монастырских запасов перевозщиком и мостовщиком и всяким пошлинником перезову и мостовщины и всяких пошлин не имати, пропускати их везде безпошлинно.

Также есми их пожаловали: которые их монастырские вотчинные рыбные ловли в реках и в озерах в розных городех, и в тех им рыбных ловлях ловити рыба про монастырской обиход безпошлинно, а сторонним людям в тех рыбных ловлях рыбы никому не ловити и насилства никакова не чинити.

А для береженья сю нашу государскую жаловальную грамоту указали держати в Пафнутьеве монастыре в казне, а з нее наши грамоты велели им дать список слово в слово за дьячиею приписью. И возить им тот список по городом для наших бояр и воевод и всяких приказных людей и пошлинников. А хто через сю нашу государскую жаловальную грамоту игумена и братию и их монастырских служек и крестьян чем изобидит, и тому от нас, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, быти в опале. А где они сю нашу государскую жаловальную грамоту, или с нее список за дьячиею приписью, явят, и они с того явки не дают ничего.

Дана ся наша государская жаловалная грамота в нашем царствующем граде Москве лета 7132-го февраля в 25 день.

(Л.1.об) Царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии самодержец.

А подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии дьяк (...) * Пахирев.

(Л.1.об) Лета 7188-го мая в 8 день. Божию милостию мы великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец сее жалованные грамоты слушав, Боровьского уезду Рожества Пречистые Богородицы Пафнотева монастыря игумена Леонтия, келаря старца Галактиона, казначея старца Иосафа з братиею, и хто по них в том монастыре инья игумены и келари и казначеи и братия впредь будут, пожаловали, велели им сию жалованную грамоту подписать на наше великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца имя

Дьяк Семен Кудрявцов

Лета 7193-го октября в 17 день. Божию милостию мы великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы сее грамоты слушав, пожаловали из Боровска Пафнотьева монастыря игумена Феофана з братьею, велели сию жалованную грамоту подписать на наше великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев имя, и монастырскими вотчинами и всякими угоды владеть по писцовым и по переписным книгам и по сей жалованной грамоте, а с тех вотчин и со всяких угодей о наших великих государей доходов, и по всяких поборех, и о городских делах, и о судных, и о всяких статьях, быть по тому, как в указе отца нашего великих государей блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и в Соборном Уложении напечатано и после Соборного Уложения в наших, великих государей, указах и в боярских приговорах и в уставных грамотах написано.

Дьяк Григорий Посников

На скрепах: «А подписал государь царь и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии дьяк Прокофеи. Правил Гришка Сторогов».

РГАДА. Ф.281. ГКЭ. Оп.5. № 17/615. Л.1—3. Подлинник.

Сокращения:

п. — пустошь.

п.ч.б. д. — пустошь, что была деревня.

---

* имя неразборчиво.

ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОДБОРОВСКИХ СЛОБОД ПАФНУТЬЕВА МОНАСТЫРЯ В XVII В.

До середины XVII в. к вотчинам Пафнутьева монастыря относились, в частности, 4 слободы, соседствовавшие с Боровским посадом. При посадском строении все 4 места были поначалу приписаны к посаду, но в дальнейшем Высоцкая и Никольская слободы остались за монастырём. Самой крупной была Мякишевская слобода, по количеству дворов и жителей намного превосходившая остальные слободы, вместе взятые (1).

Источники о слободах и посаде старше XVII в. не сохранились. По источникам XVII в., несмотря на различные пробелы в их содержании, можно изучать многие стороны жизни, в том числе занятия жителей монастырских слобод. Старейший обобщающий документ — дозорная книга 1621 г. — сообщает сведения о живших в пафнутьевских слободах лицах духовного звания, монастырских служках и служебниках, «жилетцких молотчих людях» (только в Мякишевской слободе) и бобылей. В Высоцкой слободе были учтены монастырский дворник и две вдовы (2). Писцовая книга монастырских вотчин 1629—1630 гг. не упоминает служек, а бобылей делит на непашенных и сидевших на церковной земле (3). Переписная книга 1646 г. всех лиц недуховного сословия числит в непашенных бобылях (4).

Сведения источников о заня-

тиях страдают неполнотой. Во-первых, они относятся главным образом к дворовладельцам. Занятия же членов семей указываются лишь изредка. Например, об одном иконописце («иконнике») сказано, что он «з детьми пишет образы» (5). Во-вторых, в документах 1621 и 1629—1630 гг. виды занятий показаны только для служебников. В Мякишевской слободе в 1621 г., не считая причта, были 31 двор и 1 дворовое место, а занятия жителей указаны лишь по 13 из них. В описаниях Мельничной слободы названы занятия по 5 из 6 дворов, Никольской слободы — по 1 из 6, Высоцкой — по 2 из 7. Большинство остального населения слобод составляли непашенные бобыли, то есть люди, не занимавшиеся полеводством. В документе 1629—1630 гг. сказано: «Пашни к тем слоботкам нет» (6). В 1621 и 1629—1630 гг. было зафиксировано более полутора десятков видов занятий служебников. Служебников было не так уж много, и поэтому на каждый вид приходится по 1-3 работникам. К производству продуктов питания относились маслобойное, мельничное, поварское, рыболовное, солодовенное и хлебопекарное дело. Сюда следует отнести записанных в разные годы садовника и огородника при монастыре. Другие виды производственной деятельности были связаны с обработкой кожи, кузнечным делом. Имелись плотники, порт-

ные, сапожники и серебряники. Представление о занятиях слобожан несколько расширяет роспись торговых точек и кузниц в Боровске, включённая в писцовую книгу посада 1625 г. Из 77 лавок, лавочных мест, скамей и кузниц жителям слобод принадлежало 30 (7). В росписи указано 15 человек, о занятиях которых в других документах 1620-х годов ничего не сказано (бобыли Иван Дм. Второв, Гаврила Андреев, Иван Фёд. Болдырев, Григорий Ив. Помухин и др.). Из росписи явствует, что торговали и те, чьи занятия были указаны (мельник Иван Никонов, кожевник Федот Трофимов, сапожник Сидор Кирилов и др., всего 10 человек). Поскольку виды товаров в источнике не названы, то остаётся неясным, продавали известные по именам купцы продукты своего труда или сбывали продукцию, произведённую другими людьми. Ничего нельзя сказать и о возможной торговой специализации.

Показателем относительных масштабов торговли, хотя и не её реальных объёмов, являются размеры оброков, которые надлежало платить казне. В 1625 г. самый высокий оброк (10 алтын в год) был установлен одному посадскому человеку. Из 5 человек с оброками в 4-8 алтын трое были из Мякишевской слободы (Ортём Матвеев — 8 алтын 4 деньги, Иван Второв — 6 алтын, Дементий Андреев Дрыкин — 4 алтына), а из 13 плательщиков трёхалтынного оброка — четверо. Четверо «пафнутьевцев» принадлежали к плательщикам наименьших оброков (4-8 денег).

В переписной книге 1646 г., скудной сведениями о профессиях, отметим отсутствующие в предыдущих источниках упоминания о мо-

настырском водовозе и иконописце.

Наиболее полные данные по теме содержатся в документах, составленных во время посадского строения (1649—1652), когда решался вопрос о том, кого из жителей слобод перевести на посад, а кого оставить за монастырём. Один из документов показывает количество дворов и жителей в каждой слободе (см. приложение 1), другой даёт статистическую (без имён) характеристику слободского населения по видам занятий (приложение 2). Мерная именная роспись представляет собой перечень дворовладельцев и членов их семей мужского пола (8). В документе указано занятие каждого дворовладельца, а изредка — и членов семьи, называется вид торгового заведения и виды продававшихся товаров. Указывается профессия ремесленника и вид ремесленной продукции («шьёт портное», «делают сапожное» и т.п.).

Подсчитав по именной росписи, я сделал вывод, что торговля в городе и за его пределами была основным делом в 36 дворах Мякишевской слободы. Среди мякишевских ремесленников были кузнецы (в 6 дворах), сапожники и овчинники (по 4 двора), кожевники и серебряники (по 3 двора), портные, масленники, воскобойники, иконники, солодовники и свечники (по 2 двора), 1 плотник, он же колесник, и 2 колачника. Выращивание и продажа лука и чеснока было основным занятием 22 дворовладельцев. Отсутствие торговли и ремесла источник описывает словами «промыслу никакова нет, кормитца работою наймом», «промыслу никакова нет, пашню пашет», «черную работу делают». Работой по найму жили 12

человек. Жители 3 других слобод имели некоторые из названных выше профессий. В Мельничной слободе жил единственный в округе сетевязальщик. Любопытно сосредоточение сапожников в Никольской слободе — в 4 из 7 дворов.

Практиковавшиеся в слободах ремёсла были связаны с созданием продуктов питания, изготовлением одежды и обуви, предметов хозяйственного и церковного обихода. Иконники и серебряники представляли художественное ремесло. Продукция серебряников характеризуется несколько подробнее, чем продукция других ремесленников. Наряду с обобщённой записью «делает серебряное» упоминаются виды изделий: скань (Конон и Герасим Нечаевы из Мякишевской слободы), кресты и перстни с камнями (мякишевец Фатей Михайлов), кресты и серьги (Кондрат и Матвей Кузьмины из Высоцкой слободы) (9).

В ряде случаев источники отмечают соединение ремесла и торговли. Например, Богдан Иванов Кекишев был кожевником по ремеслу и одновременно торговцем «кожевным», Прокофий Максимов Иконник сам писал и сам продавал образа (10). В других случаях неясно, своими ли изделиями торговал ремесленник, а иногда, напротив, очевидно, что ремесленник продавал не своё. Так, портной Василий Яковлев Шваль был и мёдоторговцем (11).

В большинстве своём ремесленники специализировались на одном виде продукции. Семён Иванов Масленник и Афанасий Васильев из Мельничной слободы били и продавали масло, но также пекли на продажу гречишники (12). Среди купцов наблюдается как специализация

(торговля, скажем, железными изделиями), так и её отсутствие (торговля мёдом, солью и рыбой; мёдом, рыбой и воском; мёдом и хмелем; мёдом и железными изделиями и т.п.).

Для многих единственным источником доходов было выращивание на огородах лука и чеснока, некоторыми слобожанами отвозившихся на продажу даже в Москву. Для многих же лук и чеснок были подспорьем. О выращивании лука и чеснока упоминается в описаниях 89 из 108 мякишевских дворов, 15 из 18 дворов Высоцкой слободы, 5 из 7 дворов Никольской и 2 из 15 дворов Мельничной слобод. О возделывании других культур сведений нет, за исключением хмеля на хмельнике мякишевца Степана Кузьмина Дрыкина (13). О значении обработки земли свидетельствуют записи: «Пашню на себя пашет на наемной земле». Сей не очень ясный оборот, скорее всего, говорит об аренде дополнительных участков под огороды.

Пока что выявлено незначительное количество сведений об участии пафнутьевских слобожан в откупном деле. 18 июля 1632 г. была приложена печать к откупной грамоте «Первушке» (Севастьяну) Кузьмину Дрыкину на кабака на срок с 1 сентября 1632-го по 1 сентября 1633 г. с обязательством выплатить казне 112 рублей 6 алтын 4 денег (14). В 1635 г. тот же человек получил на откуп таможенную за 70 руб. 27 алт. 3 ден. и взял на оброк лавочное место (15). Судя по не полностью разобранным записям, какое-то отношение к таможенной избе в 1632 г. имел портной из Мельничной слободы «Савка» (вероятно, Савелий) Лукьянов (16). Согласно мерной именной росписи, упомянутый выше С.К. Дрыкин имевшаяся у него лавку сдавал в

аренду, а сам в каком-то другом городе «на кобоках (так! — Г.К.) сидел» в товарищех с откупщиками» (17).

Источники показывают значительные различия между жителями слобод, обусловленные приобретёнными профессиями или отсутствием таковых. Среди не имевших профессии были и те, о ком было написано «кормятца по миру», «кормятца Христовым именем». В 1646 г. во всех слободах было зафиксировано 5 дворовладельцев-нищих, в 1649 г. — 6 нищих вдов, оставшихся во главе дворов.

При посадском строении большинство жителей пафнутьевских слобод было записано в посадские люди, а меньшинство оставлено за монастырём. Сохранилась «Роспись Пафнутьева монастыря торговым, лавочным и промышленным людом, которым быть в Боровску в посад», состоящая из 2 списков людей — переведённых на посад и оставленных в монастырской власти (18). Сравнив этот документ с мерной росписью, устанавливаем, что за монастырём осталось несколько ремесленников (по 2 мельника, иконника и сапожника, кузнец, серебряник, плотник и вязальщик сетей). Большинство же оставшихся за монастырём числилось в не имевших промысла или торговли, живших лишь от лука и чеснока или «черной работы». Среди не имевших «промыслу никакова» был Михайло Евтифиев Бушуев, единственный, о ком сказано, что он «пашню пашет». Обобщённо же оставленные за монастырём люди именовались пашенными.

Одним из результатов посадского строения было возникновение, по выражению одного источника, «блиско монастыря, а не блиско Боровского посаду» (19) Рошинской

слободы. В источнике 1678 г. рошинцы названы беспашенными бо-былями (20). Занятия жителей монастырских слобод после посадского строения в настоящей статье не рассматриваются.

Сообщённые выше результаты наблюдений основаны на прямых известиях источников. Дополнительную информацию по теме доставляют личные и унаследованные прозвища и фамилии. О профессиях говорят следующие именованья: Сапожников (в 1646 г.) и сыновья его Подшивалины (1652), Крупеня (он же Крупенин), Кузнецов (сын кузнеца, упомянутого в 1621 г.), Ситников (он же Бочарников), Коваль (он же Ковалёв), Ирошников, Шваль и сын его Швалёв, Голубятников, Струнников, Мылков, Красильник (в 1629—1630 гг.) и сыновья его Красильниковы (в 1646 г.); Кузнец, Колачник, Масленик, Иконник, Авчинник (в 1646 г. Ирошников), Серебряник, Солодник. С занятием, видимо, связано прозвище монастырского водовоза Ерофея Фёдорова Цепляй (1646). Впоследствии от некоторых «профессиональных» прозвищ образовались фамилии. Например, от Михаила Алексева Колачника документов 1646—1652 гг. пошла фамилия Колачниковы. В 1621 и 1629—1630 гг. Михайла Алексеев числился хлебником.

Прозвища вроде Кузнец, писавшиеся после отчества, обычно показывают занятие называемым делом в год записи. Впрочем, иногда такие формы прозвищ в действительности являются унаследованными, то есть по смыслу равнозначными Кузнецову, например. Унаследованные прозвища не всегда говорят о профессиях их носителей. Скажем, Василий Як. Шваль действительно

«делал портное», сын же Микита, живший своим двором, имел доход лишь от выращивания и продажи лука и чеснока (21).

Унаследованные прозвища и фамилии являются подчас единственными свидетельствами о занятиях людей, о которых источники молчат. Так, с 1621 г. в документах фигурируют мякишевцы Ирошниковы. Первыми известными членами рода были бесфамильные сыромятник Иван Игнатов и его племянник овчинник Ждан Григорьев (22). Фамилия появляется с 1646 г. Мерная роспись сообщает, что Ирошниковы занимались овчинами. Фамилия же происходит от слова «ирошник», обозначающего человека, делавшего ирху, как назывался род выделанной кожи, а также меховая отделка верхней одежды (23). Поскольку фамилии часто образовывались от имён и прозвищ дедов (24), то можно предположить, что фамилия Ирошниковы, под которой записаны сыновья Ивана Игнатова, восходит к наименованию специальности деда Игната или более раннего предка. Не установлено, делали ли ирху известные Ирошниковы, но по крайней мере в первой половине XVII в. они работали с кожей, как и их предок (предки). Судя по фамилии, у Мыльниковых (Мылковых) был предок мыловар. По фамилии Голубятниковы мы устанавливаем, что когда-то жил голубевод и (или) охотник на голубей. От предка, видимо, занимавшегося сыроварением, масленнику Ивану Яковлеву, записанному в 1629–1630 и 1646 гг., досталось прозвище Сыров, ставшее потом фамилией. Фамилии и прозвища «профессионального» характера позволяют немного расширить представление о занятиях людей и о

наборе профессий и проникнуть в несколько более раннее время, чем годы записей в сохранившихся источниках.

Переписные документы отражают состояние дел в 20-е годы и на рубеже 40-х–50-х годов XVII в. Это своего рода срезы информации по теме. Профессиональную деятельность некоторых слобожан можно изучать по обоим срезам. О других людях можно судить лишь по какому-либо одному источнику. Поскольку жители слобод трудились не только в годы описаний, то фактически рамки хронологических «срезов» шире отдельных лет. Возможно, в 1620-е годы были и другие виды занятий, помимо отмеченных в документах. Установленный круг видов занятий довольно широк. Это позволяет предполагать, что большинство видов деятельности нами выявлено.

Приложение 1. Количество дворов и жителей (РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.101–103. Документ даты не имеет, но содержит ссылку на строгальную книгу 7157 (1649) г.).

Мякишевская слобода: дворов 102, дворовладельцев 103, членов семей 201, вдовьих дворов 10, членов семей 23, дворов пустых 1, дворовых мест пустых 1.

Мельничная слобода: дворов 8, дворовладельцев 8, членов семей 15, вдовьих дворов 3, членов семей 5, вдовьих дворов бездетных 1, мельничьих дворов 2, мельников 2, членов семей 5.

Никольская слобода: дворов 6, дворовладельцев 6, членов семей 13.

Высоцкая слобода: дворов 16, дворовладельцев 16, членов семей 25, вдовьих дворов 2, членов семей 3.

(В источнике дворовладельцы — «люди». Членами семей мы назвали упоминаемых в источнике детей, братьев, внуков, пасынков, племянников и зятей.)

Приложение 2. Классификация жителей слобод в росписи периода посадского строения (РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.104–107).

Мякишевская слобода: «торговых людей» 29 (у них 32 лавки и амбар); «торговых людей» 12 (в 11 наёмных лавках и амбарах); торгующих «отъезжими торги» 27; вдов, дети которых торгуют, 3 (3 лавки); вдов, дети которых торгуют «отъезжими торгами», 2; вдов, дети которых имеют кузницу, 1; вдов, дети которых торгуют «всякими товары», 1; вдов, дети которых торгуют маслом, 1; торгующих «всякими торги» 4 (в том числе 1 торгующий в отъезде); сапожников, торгующих в отъезде, 1 (с сыном); портных, торгующих в отъезде, 2; портных 3 (с 1 братом); сапожников 1; иконников 2; колесников 1; кузнецов в своих кузницах 4; торгующих «на наёмных полках» 4 (в том числе 3 серебряника); «пашет огород, торгует луком» 1; «пашенных людей» 11; «кормитца в наймех» 1; нищих вдов 1 (с сыном); бездетных вдов 1.

Мельничная слобода: мельников 1 (имеет лавку), пекарей гречишников 1 (с детьми, торгующими всяким товаром в отъезде), масленников, торгующих на наёмных полках, 1, кузнецов в своих кузницах 2, сетевязальщиков, пашенных 1, не имеющих промысла 1, нищих вдов 4.

Никольская слобода: торгующих «всяким товаром» в своей лавке 1, сапожников, торгующих мясом в своей лавке, 1, сапожников 4.

Высокая слобода: торгующих в

своих лавках 5, торгующих в наёмных лавках 1, торгующих на наёмных полках 1, портных 1, сапожников 1, вдов 1 (с 2 сыновьями серебряниками), нищих вдов 1, «пашенных людей» 3.

Приложение 3. Перечень занятий по именным переписным документам.

Мякишевская слобода: бочарники, воскобойники, иконники, кожевники, колачники, кузнецы, масленники, овчинники, огородники, плотники, повара, портные, рыболовы, садовники, сапожники, свечники, серебряники, солодовники, сыромятники, хлебники; купцы; работники по найму; пахари; нищие.

Мельничная слобода: кузнецы, масленники, мельники, мельничные «засыпки», портные, вязальщики сетей, работники по найму.

Высоцкая слобода: масленники, огородники, портные, рыболовы, сапожники, свечники, серебряники; купцы; работники по найму; нищие.

Никольская слобода: масленники, сапожники; купцы.

(По некоторым специальностям выявлено только по 1 человеку за все годы).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Осипов В.И. Борьба посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырём за слободы в XVII в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С.115–128; он же. Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырем в XVII в. // Боровский краевед. {Вып.2.} Боровск, 1990. С.51–66.

2. См.: Боровск: Материалы для ис-

- тории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.5–6. (Далее – Боровск).
3. Там же. С.203.
4. В сборнике «Боровск» перечень жителей монастырских слобод опущен. См.: РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.1. Д.440. Л.349–359об.; Ф.281. Оп.3. Д.630. Л.1–13.
5. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.201.
6. Боровск. С.202.
7. Подсчитано по: Боровск. С.11–13.
8. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.187–215.
9. Там же. Л.198, 206, 209, 210.
10. Там же. Л.187, 203.
11. Там же. Л.193.
12. Там же. Л.212, 213.
13. Там же. Л.193.
14. Там же. Ф.233. Оп.1. Д.17. Л.150.
15. Там же. Д.25. Л.192, 234.
16. Там же. Д.22. Л.102об.
17. Там же. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.193.
18. Там же. Л.254–261; Ф.1198. Оп.1. Д.244. Л.1–5 (только перечень людей, отписанных на посад).
19. Там же. Ф.281. Оп.3. Д.642. Л.7.
20. Там же. Д.633.
21. Там же. Ф.159. Оп.1. Д.916. Л.193, 200.
22. Боровск. С.5. Родственные отношения между этими людьми указаны в писцовой книге 1629–1630 гг.: Там же. С.202.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып.6. С.249–250.
24. См.: Королёв Г.И. Имена и фамилии посадских людей Боровска в XVII в. (нах. в печ.).

М.В. Плечников

СБОРНИК XVI В. – ВКЛАД МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ В ПАФНУТИЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Бiblioteca Пафнутаев-Боровского монастыря конца XV–XVI вв., несмотря на то, что она являлась довольно значительной, изучена явно недостаточно. Целостное собрание рукописей, происходящих из этой обители, ныне отсутствует. Выявление отдельных манускриптов, которые хранятся в различных рукописных собраниях, представляется насущной задачей, важной для истории монастыря. В частности, это поможет реконструировать круг чтения пафнутаево-боровских монахов указанного времени.

Древние рукописи монастыря были впервые описаны во время очередной археографической экспедиции П.М. Строева, который с 1817 г. по поручению известного главы кружка «колумбов российской истории» государственного канцлера графа Н.П. Румянцева изучал монастырские библиотеки Московской епархии. В 1820 г. Румянцев и Строев отправились в Боровск и прожили «под кровом св. Пафнутия» около трёх недель, исследуя книжное собрание обители (1). 24 июня 1820 г. Строев писал канцлеру: «По приказанию Вашего Сиятельства, я составил подробную роспись манускриптов библиотеки Пафнутаева монастыря. Оные манускрипты состоят из книг церковного обихода и сборников духовного содержания; к сожалению, нет ни летописцев, ни хронографов» (2). В описании

П.М. Строева приводятся данные по 49 рукописям, из которых 3 – XV в. и 31 – XVI в. (3).

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится сборник, происходящий из Пафнутаева Боровского монастыря (4) (ОР РГБ. Ф.256. Собр. Н.П. Румянцева. №204; 1°, 27,2x18,5 см). Рукопись имеет 491 пронумерованный лист (пагинация скорописной буквенной цифирью XVII в. в правом верхнем углу каждого листа), а кроме того, 3 листа до пагинации и 4 после неё (два первых и четыре последних листа рукописи – на бумаге XIX в., имеющей филигрань с изображением двуглавого орла и датой «1820»). Переплёт поздний (XIX в.), выступает за обрез – доски, обтянутые светло-коричневой кожей, с тиснением, с двумя застёжками. По всей видимости, около 1820 г. рукопись подверглась реставрации – она была переплетена заново, некоторые листы в начале и конце её были подклеены на новую бумагу. Эти данные подтверждают, что рукопись оказалась в собрании канцлера Н.П. Румянцева вскоре после археографической экспедиции в Боровск, предпринятой в 1820 г.

В заглавии сборника (л.об.), написанном крупным чётким полууставом XVI в., указывается на принадлежность рукописи архиепископу Новгородскому и Псковскому Макарию (1481/82–1563) (5):

«Книга (б) на нугоро(д)ць-ки(х) еретиков, архиеп(иско)па Макария Великого Новогра(д)[а] и Пскова. Списана пр[е]п[о]л[о]бнымь игуменомь Иосифомь Ламьскаго Волока».

Название сборникам в Древней Руси нередко давалось по первому произведению, и запись о вкладе «Книги на еретиков», видимо, относится ко всему сборнику, а не только к «Просветителю».

На следующем листе (л.00об.) находится запись другим почерком (скоропись XVI в.) о вкладе кодекса в Пафнутьев-Боровский монастырь (7):

«Сию книгу на наугоро(д)ских еретико(в) дал Пр[е]ч[и]стои Б[о]горо(д)[и]цы и великому чю(до)тво(р)цу Па(ф)но(т)[и]ю в до(м) смире(н)ныи грешныи Макарии митрополи(т) всеа Руси на памя(т)[ь] своеи д[у](ши) и по свои(х) роди(т)еле(х) в ве(ч)ной помена(к)» (8).

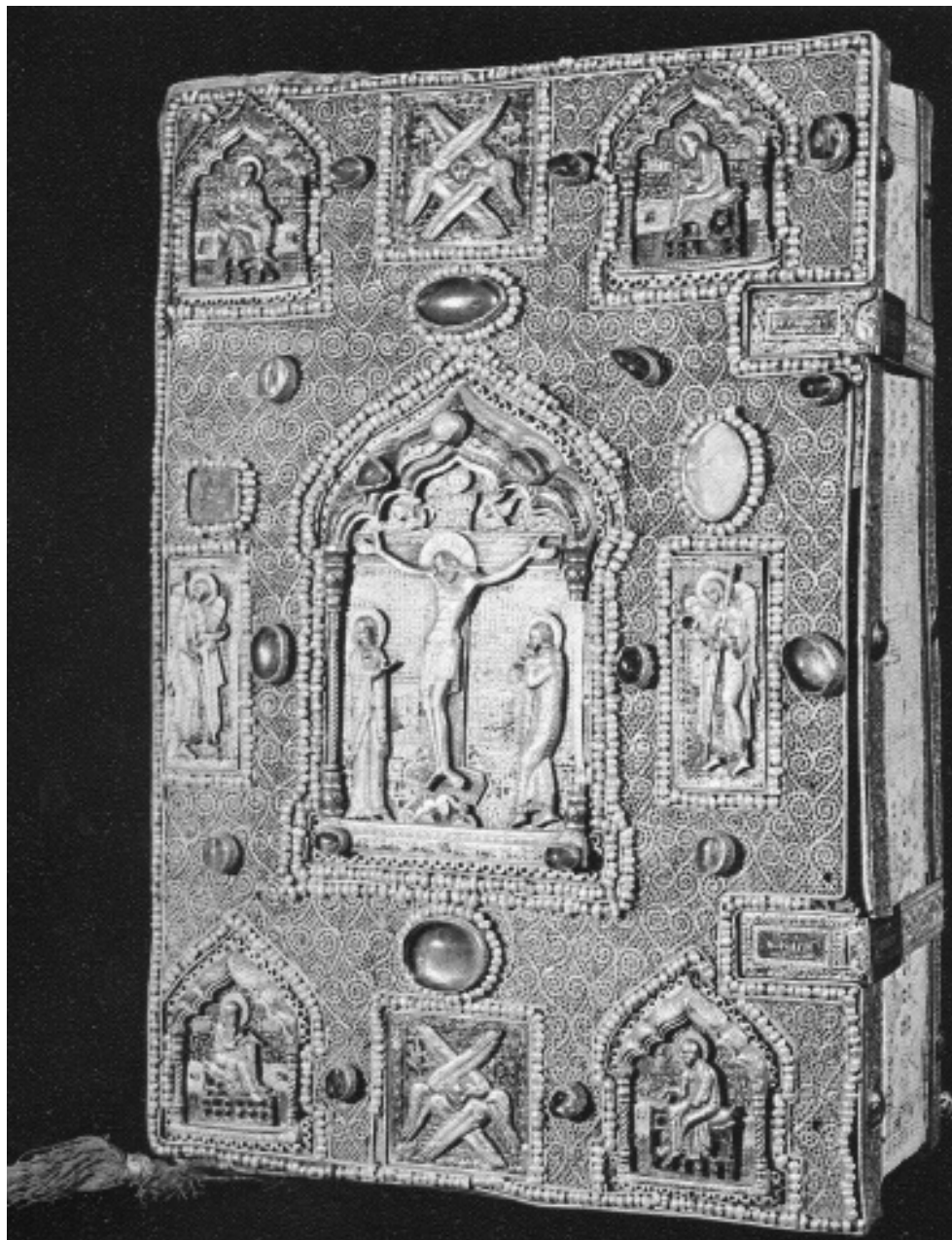
Смиранным и грешным Макария мог называть только он сам; следовательно, перед нами автограф московского святителя.

О дальнейшей судьбе рукописи свидетельствует запись скорописью XVII в. на третьем листе до пагинации (л.000об.):

«Сию книгу на новгородских еретико(в) дал в дом Преч(ис)тые Б(огороди)цы великого чюдо(т)ворца Па(ф)нотия вкла(ду) колуженин посацкой ч(е)л(ове)к Яков О(н)древ с(ы)н Шеплина, а пре(ж) сего та кн(и)га была того (ж) Па(ф)нотиева м(о)н(ас)т(ы)ря. А дал в лето 7128 году се(н)тя(б)ря в 5 д(е)н(ь) при игумене Иосифе и по(д)писа(л) своею рукою». На основании приведенной записи можно предположить, что рукопись покинула стены монастыря при его разорении в эпоху Смуты в 1610 г. (возможно, была

спасена от уничтожения или похищения благочестивым посадским человеком), и лишь в сентябре 1619 г. вернулась туда в качестве вклада Я.А. Шеплина.

Особое расположение Макария к Пафнутьеву Боровскому монастырю хорошо известно – именно в этой обители в конце XV в. он принял монашеский постриг (9). «Пафнутиевский период в жизни Митрополита Макария, – пишет архимандрит Макарий (Веретенников), – является самым длинным по своей продолжительности и основополагающим по своей значимости. Здесь он сформировался как подвижник, книголюб и иконописец» (10). Возможно, Макарий принимал участие в росписи каменной трапезы, построенной в монастыре в 1511 г. (11). Следует добавить, что именно в обители преп. Пафнутия будущий митрополит впитал в себя «осифляньские» идеи, верность которым он сохранял всю свою дальнейшую жизнь. Около четверти века жил Макарий в Пафнутьев-Боровском монастыре, «житие жестокое искусив» (12), – до 1523 г., когда митрополит Даниил поставил его в архимандриты Можайского Лужецкого монастыря (13). Однако Макарий не забывал о месте своего пострижения. В феврале 1534 г. он вложил в монастырь на престольное Евангелие тетро «на память своеи души и по своих родителей в вечной поминок» (14), а уже в период возглавления митрополии – богослужебный «Апостол» (15). П.М. Строев сообщает также как о вкладе «Макария митрополита Новгородского» (?) о сборнике XV в. аскетического и богослужебного содержания (16). Незадолго до смерти митрополит всея Руси снова «обещался есми (Ивану IV) отъйти в молчальное житие к Рожде-

Евангелие. Вклад митрополита Макария в Пафнутьев-Боровский монастырь. Новгород. 1532–1533 гг. Серебро, жемчуг, полудрагоценные камни, Литьё, чеканка, скань. (ГИМ).

ству пречистей Богородицы в Пафнунтиев, в свое пострижение» (17).

Рукопись Рум. 204 упоминалась в научной литературе в качестве вклада митрополита Макария в Пафнунтьев-Боровский монастырь (18), однако специальных исследований кодекса до сих пор не предпринималось.

По мнению Л.В. Черепнина, сборник относится к концу 20-х годов XVI в. (19). Я.С. Лурье датировал рукопись более осторожно – годами архиепископства Макария в Новгороде (1526–1542) (20). А.И. Плигузов, не приводя обоснования своего мнения, датирует макариевский кодекс началом 30-х годов XVI в. (21).

Бумага сборника имеет следующие филигранные: 1) Гербовый щит под короной и розеткой с буквой F и двумя лилиями (Брике, №6160 (1526–1528 гг.), Лихачёв, №2872 – имеется в списке Оболенского Никоновской летописи (22)) – л.000об., 3, 5–8, 11, 12, 14–16, 18, 23–25, 29, 30, 33, 35, 36, 38, 42–44, 47, 50, 51, 53, 59–61, 63–65, 69–73, 79–81, 85–89, 94–97, 103–105, 109–113, 118–121, 125–128, 133, 134, 297, 298, 300; 2) Буква P (типа Лихачёв, №1554–1556; имеется в рукописи РНБ, F I, №306 – Жития святых, Ростов, 1529 г.) – л.135, 400, 404, 405, 412–415, 420–423, 428–431, 436, 437, 439, 442, 444; 3) Рука в рукавчике с крестообразной розеткой над ней (Лихачёв, №1552 – жития святых 1529 г., №1504–1506 – Рум. 446, устав церковный 1522 г.) – л.140–142, 144, 150, 151, 154, 155, 159, 161–165, 168, 171, 172 и др.; 4) Монограмма – буквы P. C. (?) (Лихачёв, №1583, 1584 – РГБ, собр. Д.В. Пискарёва, №4 (437), Четвероевангелие 1531 г.) – л.307, 309–311, 313, 315, 317, 319–

323, 330, 332, 334–338, 340, 344, 347, 349, 350, 352, 353, 355, 357 и др.; 5) Гербовый щит с ободком, под короной, с тремя лилиями (наиболее близка филигрань Брике, №1826 (1521 г.)) – л.441, 447; 6) Гербовый щит, подобный предыдущему, но с крестообразной розеткой сверху (Брике, №1473 (1480 г.), 1744 (1482 г.), 1746 (1506 г.), Лихачёв, №1454, собр. Тр.-Серг. Лавры, №568 (448), Миния служебная на июнь-июль, 1514 г.) – л.448–450; 7) Гербовый щит с лилией, над ним корона и крестообразная розетка, под ним буква N (Лихачёв, №1537 – РНБ, F I №147 – Книга келейных правил, Новгород, 1527 г.) – л.476, 478, 479, 482, 485–487, 491.

Изучение водяных знаков рукописи выявило ошибочность точки зрения Л.В. Черепнина, что «водяные знаки рукописи №204 все совпадают с приведёнными Н.П. Лихачёвым знаками бумаги, на которой была написана в 1527 г. в Новгороде книга келейных правил» (23). В рассматриваемой рукописи имеется только одна общая с этой книгой филигрань, и та находится только на последних 15 листах кодекса. Основными водяными знаками сборника следует признать №1 (1526–1528 гг.), №3 (1522, 1529 гг.) и №4 (1531 г.). Думается, что время составления сборника – конец 20-х – самое начало 30-х годов XVI в., причём в качестве даты начала переписки и составления кодекса наиболее вероятен 1529 г. (см. об этом ниже).

Кодекс переписан двумя писцами. Первый переписал «Книгу на новгородских еретиков» Иосифа Волоцкого (л.1–302) красивым, четким и довольно крупным полууставом, чёрными чернилами. Второй писец работал над остальной частью

сборника (л.304–397об., 401–491). Его полууставной почерк первоначально мельче, не такой изящный, но постепенно становится крупнее, с коричневых чернил писец переходит на чёрные.

Обратимся теперь к постатейному составу рукописи.

Л.1–302 – «Книга на ересь новгородских еретиков» преп. Иосифа Волоцкого.

Л.1–12 – «*Грешнаго инока Иосифа сказание о новоявившейся ереси* (24) новгородских еретиков и отступников, Алексия протопопа и Дениса попа, и Федора Курицина и инех иже такоже мудрствующих». Нач.: «Подобает ведати, яко многи ереси».

Л.12–16 – Оглавление.

Л.16–302 – «Слова» 1–11, 13–16; «слово» 12 пропущено, хотя в перечне глав имеется.

Л.303 – пустой.

Л.304–315 – «О нуогороцких и псковьских стриголникох, рекше вземших на ся собою достоинство учительства, а не от Бога или от большего святителя поставленных в учителя». Нач.: «Патриарх Антоний милостию Божиею архиепископ Костянтинаграда».

Л.315–350 – «Слово избрано от святых Писании иже на латыну, и сказание о съставлении осмаго збора латыньского, и о звержении Сидора прелестнаго, и о поставлении в Рустей земли митрополитов, о сих же похвала благоверному великому князю Василью Васильевичу всея Руси». Обширная компиляция текстов, посвящённых Ферраро-Флорентийскому собору. «Слово избрано» составлено в 1461–1462 гг. Включает в себя Послание Василию II папы Евгения (л.331–331об.). В ВМЧ – под 31 августа

(ГИМ, Синод. собр. №996, л.592–602) (25).

Л.350–370 – «Книги, рекомья Еклисиаст, сборник царя Соломона» (Екклезиаст с толкованиями).

Л.370об.–376об. – «Слово бо се нарече бесстрастнаго ради рожения». Нач.: «В начало бе Слово». Толкования на учение о Троице.

Л.376об.–389 – Вопросы и ответы Василия Великого и Григория Богослова (без заглавия). Нач.: «Василеи рече – что есть начало. Григории рече – первая вина 2 яко винаго».

Л.389об.–395 – «Богословие о святей и живоначальней и единосущней Троице предсловие».

Л.395–397об. – «От Намокона и от святых отец поучение». Компилятивное сочинение о вселенских соборах.

Л.398–400 – пустые.

Л.401–406об. – «А си грамота, еже от Рожества Господа нашего Исуса Христа и до крещения Тая, 12 днии мяса ясти и о службе» (послание митрополита Фотия во Псков от 23 сентября 1416 г.).

Л.406об.–412 – «А си грамота о стриголничех» (второе послание митрополита Фотия во Псков от 23 сентября 1416 г.).

Л.412–416об. – «И се о стриголницех» (послание митрополита Фотия во Псков от 22 июня 1427 г.).

Л.416об.–420 – «А си грамота о стриголницех и о ротникех и о роспустникех и о властех и у церквах старостячь» (послание митрополита Фотия во Псков от 23 сентября 1427 г.).

Л.420–427 – «А си грамота о браках законных и не законных и о венчаньи и о детином крещении и о попе неставленом и о питьи до обеда» (Послание митрополита Фотия во Псков от 22 июня 1410–1417 гг.).

Л.427–428 – «А се о грамоте о установленной старои» (послание митрополита Киприана в Псков от 12 мая 1395 г. об отмене уставной грамоты Дионисия Суздальского).

Л.428–430 – Послание митрополита Фотия во Псков от 24 сентября 1416 г. о снятии крестного целования и об отмене уставной грамоты кн. Константина Дмитриевича.

Л.430–433 – «А се о ереех поучения и о мирянех наказанья» (послание митрополита Фотия в Псков от 9 сентября 1416 г. об отношении к выходцам из Литвы и по другим вопросам).

Л.433–438 – «А се о ереех и о иноцех, и о властелех» (послание митрополита Фотия от 2 февраля 1426 г. по случаю моровой язвы, писано «в Володимери»).

Л.438–445 – «А се что судять попов ротою и что жены от мужей стригутся тайно от черницъ» (послание митрополита Фотия в Псков, в том числе и против стригольников, 24 сентября, без указания года) (26).

Л.446–447об. – «А се о службе и о священнии церковном, дано святеи Троици» (послание митрополита Киприана во Псков от 17 апреля, после 1395 г.) (27).

Л.448–449 – «А се что о прихожих попех с грамотою отпустьюно или без грамоты» (послание Новгородского архиепископа Евфимия I во Псков о лицах духовного звания, приходящих из соседних епархий, 1426 г.).

Л.449об.–450об. – Грамота митрополита Киприана Новгородскому архиепископу Иоанну от 29 августа 1392 г. о неприкосновенности церковных судов и вотчин.

Л.451–453 – пустые.

Л.454–491 – «Начало сеи книзе изложено бысть от латинина Рик-

лада, сущу ему бывшу в чину учителя по закону саракиньскому и пакуы възвратившуся ему к своей вере латиньстеи въсвоеси». Переводное полемическое сочинение против мусульманства.

Послания «патриарха Антония», митрополитов Киприана и Фотия, а также архиепископа Евфимия были опубликованы по рукописи Рум. 204 протоиереем И. Григоровичем (1841 г.) и А.С. Павловым (1880, 1908 гг.) (28).

Обратимся теперь к характеристике содержания сборника. В нём можно выделить несколько тематических пластов. Первый, и основной – антиеретический, направленный против русских «безбожных ересей», с которыми боролись иерархи русской церкви второй половины XIV–начала XVI в. Второй – сочинения, направленные против католичества и ислама. Третий – отдельные статьи богословского содержания на догматические темы. Четвёртый – статьи по вопросам церковной дисциплины и богослужебной практики.

Л.В. Черепниным Рум. №204 был определён как «Новгородский формулярник архиепископа (будущего митрополита) Макария» (29). Заголовки посланий, входящих в сборник (без указания на авторство), по Л.В. Черепнину, свидетельствуют о том, что «приведённые в сборнике „послания“ рассматривались, по видимому, как образцы, которыми можно было воспользоваться в полемических и агитационных целях» (30). Последнее представляется весьма вероятным, однако под определение «формулярника» попадает в полной мере лишь третья часть рукописи (л.401–450об.), применение же такого определения ко всему сборнику неоправданно.

Охватить всё многообразие тем сборника довольно сложно, поэтому остановимся только на особенностях включённых в Рум. 204 редакций произведений, отражающих его основную тему — антиеретическую.

Основу сборника составляет «Книга на новгородских еретиков» второй, пространной, редакции (по классификации Я.С. Лурье — Минейного извода) (31), составленной в 1510–1511 гг. (32). Как показал А.И. Плигузов, списки Минейного извода восходят к волоколамскому списку ГИМ, Епарх. №340 (первая четверть XVI в.) (33). В этой рукописи «слово» 12, направленное против митрополита Зосимы, было вырезано, что отразилось в восходящих к ней списках, в том числе и в Рум. 204.

Далее в рассматриваемом сборнике следует «послание патриарха Антония» — вторая редакция «Списания на стригольники» преп. Стефана Пермского (1386 г.?), приписанного в Новгороде XV в. патриарху Антонию. «Послание» в данной рукописи содержит на протяжении всего текста разночтения в написании отдельных слов и фраз с «митрополичьим формулярником» начала XVI в. (ГИМ, Синод. собр., 562), что даёт основание считать список Рум. 204 особым, новгородским, изводом второй редакции памятника (34).

Список первого послания Фотия в Псков против стригольников 1416 г. в Рум. 204 в основном следует тексту «митрополичьего формулярника», содержащего старейший список грамоты, в нём отсутствуют следы правки текста, осуществлённой в 20-е годы XVI в. митрополитом Даниилом — редактором Хронографического сборника и Сводной кормчей, куда также было включено дан-

ное послание Фотия. Однако в тексте макариевского кодекса присутствуют и разночтения с основным списком первой редакции, причём складывается впечатление, что текст переписывался не из «митрополичьего формулярника», а из другого, более исправного списка. Таким образом, первое антистригольническое послание Фотия в Рум. 204 представляет собой особый извод первой редакции, который может быть назван новгородско-псковским или минейным. Остальные послания Фотия против стригольников содержат незначительные разночтения с Синод. 562.

В Рогожской Кормчей (РГБ, Рогож. 256) (35) на л.401–450 содержатся те же 14 посланий Киприана, Фотия и Евфимия в Псков и Новгород, что и в Рум. №204, причём, за единственным исключением, в том же порядке. Этот порядок не является хронологическим. Видимо, как справедливо замечено Я.Н. Щаповым, послания вписаны «так, как они попадали в руки составителя этой части рукописи — последним приписано самое раннее послание 1392 г., адресованное Киприаном в Новгород, из которого и попал в Псков его список» (36). Это заставляет предполагать общий протограф 2 сборников в этой части.

Изучение сборника позволяет высказать предположение, что при его составлении использовались 4 рукописи, происходящие из Новгородской епархии. Границы между составными частями в кодексе отмечают пустые листы (л.303, 398–400, 451–453). «Книга на новгородских еретиков», как уже говорилось, восходит к волоколамскому сборнику Епарх. 340, послания новгородских и московских иерархов имеют общий

псковский протограф с Рогож. 256. Отдельные богословские сочинения, начиная с послания псевдо-Антония, а также антимусульманское сочинение в конце сборника (переведённое в кружке Геннадия новгородского?) содержались, по-видимому, в двух других рукописях, использованных писцами Новгородской архиепископской канцелярии.

С Рум. 204 связаны июльские тома Великих Четых Минеи митрополита Макария (Софийские, Успенские и Царские) (37). В них, также как в Рум. 204, посланиям псевдо-Антония, Киприана, Фотия и Евфимия непосредственно предшествует «Книга на новгородских еретиков» (РНБ, Соф. 1323; ГИМ, Синод. 996; ГИМ, Синод. 182; в последней рукописи послания Фотия отсутствуют), причём в Минеи Четых указанные произведения помещены в тех же редакциях или изводах, что и в рассматриваемом сборнике. Указанные списки Великих Минеи Четых и сборник Рум. №204 представляют собой, по выражению Я.С. Лурье, «иосифлянский противоеретический кодекс» (38).

По всей вероятности, составление Рум. 204 рассматривалось митрополитом Макарием как подготовительный этап к созданию июльского тома Софийских Минеи Четых, работа над которым была завершена в 1538 г. Переписал его постриженник Пафнутиево-Боровского монастыря Аркадец (39), что свидетельствует о том, что и на Новгородской кафедре Макарий продолжал контактировать с братией этой обители, а наиболее способных её монахов привлекал для осуществления задуманных им мероприятий.

По всей видимости, составление рассматриваемого сборника было

связано с началом работы над Великими Минеями Четыми. Готовый первый двенадцатитомный комплект Минеи был вложен Макарием в новгородский Софийский собор в 1541 г. «на помин души» его родителей (40). Между тем, Макарий, по его собственным словам, «писал и събирал и в едино место их совокуплял дванадесят лет» (41), то есть работа над составлением ВМЧ началась за 12 лет до 1541 г. – в 1529 г. Эта дата находится в полном соответствии с водяными знаками рукописи Рум. №204 (см. выше).

Итак, этот сборник попал в Пафнутьев-Боровский монастырь после окончания работы над июльским томом Софийского собрания Великих Минеи Четых, то есть после 1538 г. Во вкладной записи Рум. 204 Макарий называется митрополитом всея Руси. Следовательно, рукопись попала в монастырь уже после марта 1542 г., а не в 1526–1542 гг., как полагал Я.С. Лурье (42). Насколько можно судить по имеющимся источникам, Макарий посещал Пафнутьеву обитель в ранге митрополита один раз, в 1544 г.: «Тоя же зимы, генваря 22 (7052 г.), на седмом часу дни, згореша избы митрополичии на митрополичие дворе; а митрополит ездил тогда в Можаяск и в Пафнотиев монастырь» (43). Велика вероятность того, что именно в этот приезд Макарием и был сделан вклад в монастырскую библиотеку сборника церковно-полемических текстов.

Вклад в одну из цитаделей иосифлянства сборника именно с антиеретическим и церковно-полемическим содержанием, конечно же, не случаен. Вполне вероятно, составление сборника было связано

с готовящимся судебным процессом 1531 г. против лидеров нестяжательства, обвиняемых в ереси — Вассиана Патрикеева и Максима Грека. Соборный суд был инициирован главой иосифлян — митрополитом Даниилом, которому Макарий был обязан своим поставлением сначала в игумены Лужецкого монастыря, а затем и в архиепископы Новгорода и Пскова. Как показал Я.С. Лурье, именно против нестяжателей была направлена вторая, пространная, редакция «Книги на новгородских еретиков», а сочинения церковных иерархов против стригольничества (патриарха Нила/«Филофея» и митрополита Фотия) были включены митрополитом Даниилом в Сводную кормчую, которая использовалась на соборных заседаниях 1531 г. Окончательно нестяжательство «заволжских старцев» как идеологическое течение в русской церкви было, как известно, искоренено в период возглавления митрополии всея Руси Макарием (Московские соборы конца 1540-х—1550-х годов).

Сборник Рум. 204, подобно его составителю митрополиту Макарию, сыграл роль своеобразного посредника между новгородской и московской книжностью, объединив в себе церковно-полемические произведения, связанные тем или иным образом с Новгородом и Псковом, и послужив образцом для одного из томов грандиозного литературного свода, регламентирующего круг православного чтения — Великих Миней Четых. Оказавшись затем в качестве митрополичьего вклада в Пафнутьевом Боровском монастыре, рукопись предоставляла монахам обители возможность быть осведомлёнными о многих аспектах русской церковной жизни XIV—XVI вв. и давала им в

руки «практическое пособие» (иосифлянского толка), посвящённое тому, как твёрдо стоять на страже православия от иноверцев и еретиков.

Приложение 1

ЗАПИСИ

О ПРИНЯТИИ И ПОСТРИЖЕНИИ В ПАФНУТЬЕВОМ-БОРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ В 1651 И 1661 ГГ. ДВУХ СВЯЩЕННИКОВ

«160 (г)[ода] октября в 6 де(нь) приня(л)ся че(р)нои поп Иоаса(ф) Же(л)товодского м(о)н(ас)т(ы)ря пострижени(к) при игумене Павле того (же) м(о)н(ас)т(ы)ря постриженника (44).

169 г(ода) августа в 20 де(нь) постриже(н) в Пофнутьеве м(о)н(ас)т(ы)ре по(п) Иван, а во иноцех Иоси(ф) при игумене Дорофее, да при келаре старце Никифоре Дурного з братьею {60}».

Записи сохранились на отдельном листке (судя по ширине бумаги — фрагменте столбца), подклеенном на пронумерованный лист (л.491а) рукописи Рум. 204. Они сделаны скорописью XVII в. двумя почерками, первая запись — чёрными чернилами, вторая — более блёклыми. Датируются записи соответственно 1651 г. и 1661 г. Они имеют определённое значение для уяснения личного состава монастырской братии, а возможно, и её общего количества. Если буква «кси», следующая за словом «братьею» — не проба пера (45), вроде слова «монастыре» внизу листа, то в 1661 г. в Пафнутьевой обители было 60 монахов, не считая игумена, келаря и новопостриженного иеромонаха (46).

Приложение 2

НАДПИСЬ НА КОЛОКОЛЕ 1487 Г.

В Москве, в Государственном музее-заповеднике «Коломенское», хранится древний колокол XV в., поступивший в музей в 1932 г. с колокольни церкви Рождества Богородицы Пафнутиево-Боровского монастыря (47). Колокол имеет развёрнутую надпись летописного характера, из которой следует, что колокол был отлит в 1487 г. мастером Фёдором («Федьком») Пушечником (вероятно, колокол был отлит в Москве на Пушечном дворе, где было сосредоточено производство артиллерийских орудий) (48). Надпись содержит также упоминания

игумена этого монастыря Арсения (заказчика изготовления колокола), митрополита (названного в надписи по древней традиции «архиепископом») Геронтия (1473–1489), великого князя Ивана III и его старшего сына и наследника Ивана Молодого. Надпись издавалась А.С. Орловым (49), но с неточностями.

Надпись литая (50), в две строки (51):

«В[ъ] ле(т)[о] 6996 м[е](с)[я]ца о(к)тября 10 з(д)елан бы[сть] сеи колоко(л) к Р[о]ж[е](ст)ву св[я](т)ыя Б[о]городица ф Пафнотиев монасты(р)[ъ] при бл[а]говерно(м) велико(м) кн(я)зи (И)ване // Васи(л)[ъ]-евиче всея Ру(с)и и при е(го) с[ы]ну бл[а]говерно(м) велико(м) (к)нязи (И)ване (И)ван(о)ви(че) и при св[я]щ[е]н[н]е[м] архи(е)пи(с)к(у)пе (Ге)ро(н)ти(е) всея Ру(с)и, а повеление(м) ра(б)а Б[о]жия игу(ме)на Арсения (и еж)е о (Х)рист(е) всея б(р)ати(и) (52). (А делал // Федько Пушечник».

Надпись замечательна в палеографическом отношении. Она представляет собой прекрасный образец полууставной вязи конца XV в., относительно невысокой, с замысловатыми лигатурами. Особенностью литой надписи является также колофон под её условным центром (вертикаль конца и начала строк, относительно этой линии колофон чуть смещён вправо). Колофон, помещённый в литую рамку формы перевернутой трапеции с небольшим условным цветком в виде двух завитков внизу, заключает в себе имя мастера (возможно, представляет собой клеймо его мастерской):

ФЕДЬКО
ПУШЕ
ЧНИ
КЪ

По всей видимости, колокол был отлит по повелению игумена Арсения для звонницы (деревянной?) при белокаменной церкви Рождества Богородицы Пафнутьева монастыря, построенной при преп. Пафнутии (освящена 26 октября 6975/1466 г.) и расписанной иконописцами Митрофаном и Дионисием (53).

«Игумен Арсенеи Пафнотьева монастыря» впервые упоминается в духовной грамоте кн. Михаила Андреевича Верейского и Белозерского, которая датируется 1486 г., годом смерти князя, похороненного в Пафнотиево-Боровском монастыре (54). На погребении Михаила Андреевича, умершего «в неделю третью по Пасце», присутствовал великий князь Иван Иванович Молодой, имя которого также в следующем году было отлито на колоколе (55).

Весьма вероятно, что Арсений стал пафнотьевским игуменом в 1481 г., когда Герасим Смердков, третий после самого Пафнутия и Иосифа Волоцкого игумен Пафнотьева Боровского монастыря (с 1479 г.), был поставлен епископом Коломенским (56).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барсуков Н. Предисловие // Строев П.М. Описание рукописей монастырей: Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнотиева-Боровского / Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1891. С.VIII–IX.
2. Цит. по: Там же. С.IX.
3. Строев П.М. Указ. соч. С.294–315.
4. Описания рукописи см.: Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842. С.270–274; Строев П.М. Указ. соч. С.294–296.

5. Тексты из рукописи здесь и далее приводятся следующим образом: несуществующие буквы заменяются их современными аналогами. Ъ в конце слов не ставится, вместо ОУ–У. Выносные буквы заключаются в круглые скобки, сокращённые – в квадратные. Вместо Й остаётся И. Пунктуация современная.

6. Вторая половина буквы Н и буква И утрачены (лист в данном месте прорван).

7. Заголовок и вкладная запись находятся на прямоугольных листках, наклеенных на позднейшую бумагу XIX в.

8. А.Х. Востоков прочитал это слово как «поминок» (Востоков А.Х. Указ. соч. С.274), что по смыслу абсолютно правильно, но в его центре, как следует из анализа почерка, находится всё же не И, а Е.

9. По предположению архим. Макария (Веретенникова), это могло произойти при игумене Арсении, который упоминается в надписи на колоколе, отлитом для Пафнутьева монастыря в 1488 г. (Макарий (Веретенников), архимандрит. Жизнь и труды святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. С.25). Правильная дата колокола – 1487 г. (см. приложение 2). Учитывая приблизительную дату рождения Макария (1481–82 гг.), не исключено, что к моменту его пострижения (даже если это произошло в подростковом возрасте), Арсений уже не возглавлял монастырь.

10. Там же. С.28.

11. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С.159; Дробленкова Н.Ф. Макарий // СККДР. Л., 1989. Вып.2. Ч.2. С.85; Макарий (Веретенников). Указ. соч. С.26.

12. Цит. по: Макарий (Веретенников). Указ. соч. С.357.

13. Макарий (Веретенников). Указ. соч. С.28; Дробленкова Н.Ф. Указ. соч. С.77.

14. В отличие от Рум. 204, это роскошная рукопись в лист, с высокохудожественными миниатюрами и развёрнутой вкладной записью («летописцем»), с окладом, украшенным сканью и драгоценными камнями. См.: Георгиевский В. Евангелие 1532 г. архиепископа новгородского Макария, хранящееся в Пафнутиевом Боровском монастыре // Светильник. М., 1915. №1. С.8–17; он же. Миниатюры Евангелия 1532 г. новгородского архиепископа Макария // Там же. №3–4. С.3–7. Судя по вкладной записи, рукопись была готова 11 января 1533 г. (7041 г.), но сам вклад был сделан только 21 февраля 1534 (7042) г. (факсимильную публикацию вкладной записи см: Георгиевский В. Евангелие. С.15). П.М. Строев не включил этот кодекс в своё описание, поскольку Евангелие находилось в алтаре собора, а не в библиотеке монастыря.

15. Макарий (Веретенников). Указ. соч. С.200; Архимандрит Макарий пишет: «можно предположить, что в Боровскую обитель давались и другие вклады, сведения о которых не сохранились в связи с утратой монастырских архивов» (Там же). Сборник Рум. 204 в своём труде он не упоминает.

16. Строев П.М. Указ. соч. С.309.

17. Цит. по: Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т.1. Ч.1. С.746.

18. Там же; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–начала XVI века. М.; Л., 1955. (далее – АЕД). С.463; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая

- борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С.273.
19. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч.2. С.24.
20. АЕД. С.236.
21. Плигузов А.И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. С.90—139.
22. Как убедительно показано Б.М. Клоссом, первая часть списка Оболенского (до 1520 г.) являлась оригиналом летописного свода митрополита Даниила (т.н. Никоновская летопись), и была составлена в 1526—1530 гг. (Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С.43—51).
23. Черепнин Л.В. Указ. соч. Ч.2. С.24.
24. Курсивом отмечена вязь киноварью. Над вязью — заставка нововизантийского стиля, малиновой и жёлтой краской. Открывающий основной текст витой инициал «П» («Подобает») — в таких же тонах.
25. См.: Дробленкова Н.Ф. «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню» // СККДР. Вып.2. Ч.2. Л., 1989. С.401—402.
26. Судя по косвенному упоминанию свирепствующей по всей Руси эпидемии, грамота должна датироваться 1425 г.
27. Для истории бытования сборника и характеристики внутримонастырской жизни интересна крупная помета «зри» (скорописью XVII в.), сделанная на л.447об. напротив следующего места данного послания Киприана: «А причащали бы ся у других двери, что противу жертвенника, разве толко болнаго человека, болному ино и въ двор шед дати причастье. А мужи бы к святому причастью во вотолах не приходили, но снимаа вотолы. А на ком пригидится опашень или шуба, ини бы припоясывали».
28. См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т.1. №6—10, 20—23, 31, 33, 34. С.9—19, 40—45, 48—49, 61, 63—67; Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908 (1-е изд. СПб., 1880; Русская историческая библиотека. Т.6). №26—28, 30, 34, 41—44, 51, 53—56. Стб.229—236, 239—242, 277—288, 361—388, 427—438, 465—488. Я.С. Лурье привлекал Рум. 204 для разночтений при своем издании грамот митрополита Фотия против стригольников (АЕД. №3—6. С.243—255).
29. Черепнин Л.В. Указ. соч. Ч.2. С.24.
30. Там же.
31. АЕД. С.447—455, 463.
32. Там же. С.447—452, 456. Ср.: Плигузов А.И. Указ. соч. С.135.
33. Плигузов А.И. Указ. соч. С.121; ср.: АЕД. С.447—448.
34. Н.Ф. Дробленкова пишет, что «близкий писательским кругам, М[акарий] в свои личные сборники включал первоначальные редакции текстов» и приводит в качестве примера «Макарьевский сборник» Рум. 204 (Дробленкова Н.Ф. Макарий. С.84). Однако, как видно на примере «послания Антония», это не всегда так. Исследовательница также ошибочно полагает, что сборник содержит «Слово похвальное» инока Фомы (Там же).
35. Филиграни позволяют датировать ее концом 20-х—началом 30-х годов XVI в.
36. Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С.231.
37. А.И. Плигузов ошибочно назы-

- вает их августовскими (Плигузов А.И. Указ. соч. С.121).
38. АЕД. С.230.
39. АЕД. С.440; Дробленкова Н.Ф. Макарий. С.78; Макарий (Веретенников). Указ. соч. С.89 (приводится текст записи).
40. Дробленкова Н.Ф. Макарий. С.79.
41. Цит. по: Макарий (Веретенников). Указ. соч. С.88.
42. АЕД. С.463.
43. ПСРЛ. СПб., 1910. Т.14. Пол.1. С.145, 444.
44. Буква А следующим писцом исправлена на Ъ.
45. При первой публикации записи А.Х. Востоков (Востоков А.Х. Указ. соч. С.274) букву «кси», означающую число 60, не указал. Буква без титла, но так и в дате в начале записи. Внизу по центру листа, вернее, сохранившегося его фрагмента, слово «м(о)н(ас)т(ы)ре».
46. Любопытно, что в 1477 г., в год смерти преп. Пафнутия, братия монастыря насчитывала 85 человек (ПСРЛ. Т.12. С.170).
47. О–1039; К–1786. Акта поступления не сохранилось. Описание колокола см.: Ульянов О.Г. Коллекция колоколов из собрания ГМЗК. М., 1985 г. // Архив ГМЗК. Оп.2/н. Д.87. Л.8–9 (машинопись). Вес колокола – 18 пудов (288 кг), высота – 75 см (с ушами), диаметр наружный – 50 см.
48. Ср. с летописной характеристикой Аристотеля Фиораванти (1475 г.): «также и пушечник той нарочит, лити их и бити, и колоколы и иное все лити хитр велми» (ПСРЛ. СПб., 1859. Т.8. С.181).
49. Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952. №244. С.147 (1-е изд. М., 1936). О.Г. Ульянов приводит надпись по публикации Орлова. Ульянов О.Г. Указ. соч. С. 8).
50. По мнению О.Г. Ульянова, знаки нанесены «с помощью печаток» (Ульянов О.Г. Указ. соч. С.8).
51. Выносные буквы приводятся в круглых скобках, сокращённые – в квадратных. Лигатуры выделяются курсивом. Ъ в конце слова не ставятся. Пунктуация современная.
52. У буквы Б дуга отсутствует.
53. Отрывок из неопубликованного жития преп. Пафнутия Боровского (РНБ. Ф.304. №692. Л.119об.) с сообщением об освящении и росписи церкви см.: Осипов В.И. Боровский край в истории России. Ч.1. Боровск, 1999. С.110–111.
54. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. №80. С.305, 308, 311. Судя по упоминанию первым среди свидетелей составления грамоты игумена Арсения, духовная составлялась непосредственно перед смертью князя в Пафнутиево-Боровском монастыре.
55. ПСРЛ. Т.12. С.218.
56. ПСРЛ. Т.8. С.213. О Герасиме см.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV–первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С.207–208. 16 мая 1488 г. он умер «в Пафнотьеве пустыне» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т.24. С.205; Т.12. С.220–221, с датой 6997/1489 г.).

Т.М. Сохлова

ВКЛАДНЫЕ ДАРЫ В ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди жертвователей в Пафнутьев-Боровский монастырь — цари и члены царской семьи: Михаил Фёдорович, Фёдор Иоаннович и его супруга Ирина Фёдоровна, царевна Ирина Михайловна, царица Анна Иоанновна, представители многих известных боярских и дворянских фамилий: Репнины, Лыковы-Оболенские, Бутурлины, Стрешневы, Щелкановы и др. Они не только передавали в дар монастырю священные сосуды и книги, ризы, иконы, но и на их средства строились монастырские здания. Так, в конце XVII в. на средства боярина князя К.О. Щербатова была пристроена колокольня к Христорождественской церкви, князьями Репниными построена церковь во имя архистратига Михаила на месте захоронения их предков. Церковь во имя пророка Илии с больницей построена во второй половине XVII в. на средства боярыни княгини Марии Мироновны и её сына Ивана Борисовича Репнина, по вкладным книгам, в 1670 г. Росписи в церкви Рождества Богородицы, тёплой Рождественской, во имя преподобного Пафнутия и святые ворота сооружены на средства князей Лыковых-Оболенских. Церковь во имя святителя Митрофана Патриарха Цареградского построена в 1760 г. на средства архимандрита Боровского Пафнутьева

монастыря Митрофана Шеинкова. В 1837 г. князем Н.А. Волконским была построена церковь во имя Всех Святых также на месте захоронений его предков.

В собрании Калужского областного краеведческого музея находятся 6 предметов с вкладными надписями, датируемыми, в основном, XVII в., один вклад датируется XVIII в.

1. *Чаша водосвятная* значится как вклад князя Петра Александровича Репнина (ил.1). Чаша полусферическая с двумя ручками-кольцами, крепящимися к трапециевидным вертикальным ушкам. По краю стенок — бордюр с надписью: «Чаша боярина князя Петра Александровича Репнина». Слова разделены раппортным резным орнаментом: по сторонам двух стилизованных веток — розетки. Под бордюром в четырёх килевидных резервах выгравированы процветшие крины. Бордюр позолочен. На дне выгравированы знаки: 4Z LOT. Клейма: в овале —

мастера пробирное.

Серебро, чеканка, резьба, золочение. Россия. 1653 г. Поступила из Боровского клада в 1956 г. Размеры: высота — 70 мм, диаметр — 170 мм. Инвентарный номер Кл7654, Ф.2—45.

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 9

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 7

Ил. 6

Ил. 8

Как следует из записи во вкладной книге, водосвятная чаша была пожертвована в 1653 г. князем Петром Александровичем Репниным в Пафнутьев-Боровский монастырь. П.А. Репнин, боярин и воевода, из рода Ивана Михайловича Репни-Оболенского, с 1611 г. — стольник, в 1618 г. отличился при защите Москвы от польских войск. В

1625 г. — первый воевода в Переяславле-Рязанском, в 1632—1633 гг. — воевода в Великих Луках, в 1635—1637 гг. — воевода в Новгороде. В 1639 г. управлял Приказом Устюжской четверти, затем Сыскных дел. Умер 27 января 1643 г. Таким образом, чаша не может быть его вкладом, скорее, это вкладной дар родственников в память о П.А. Репнине.

2. **Потир** — вклад Б.М. Лыкова-Оболенского. Потир с полусферической чашей на восьмигранном стояне, переходящем в круглый ступенчатый поддон (ил.2). На лицевой стороне чаши — резные круглые медальоны с изображением Деисуса: Господь Вседержитель, Богородица и Иоанн Предтеча (ил.3). На обратной стороне — Голгофский Крест на фоне галереи с арочными проёмами. Медальоны выполнены на фоне бордюра с литургической надписью: «Пийте от нея вси се есть кровь моя новаго завета яже за вы и за многия изливаема во оставление грехов». На основании чаши, вокруг стояна — пальметты. На одной грани стояна прорезан знак: н. На поддоне восемь выпуклых ложчатых резервов с чередующимися надписями и изображениями процветшего кривана. Надписи в резервах: «Лета 7131 в лета Благовернаго государя и великого князя Михаила» «Федоровича всея Руси самодержца и отца его великого государя святейшего» «патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси зделаны» «бысть сии сосуды церковные в пречистую и великую обитель», продолжение надписи на боковой грани поддона: «в дом Пресвятыя Пречистыя Богородицы ея Рождества и преподобного чудотворца Пафнотия Боровского по обещанию и по повелению боярина князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского за ево здравие и по ево родителей в кажды тех сосуды службы в доме Пречистыя Богородицы и чудотворца Пафнотия до скончания века служити, а из монастыря не вынести, а хто из монастыря чудотворца», продолжение на

нижней грани основания: «Пафнотия сии сосуды покуситя из дому Божия отдать или украсть или продать и в том судитца с нами на страшном пришествии Христа Бога ему же слава во веки веком. Аминь». Начало и конец нижней части надписи разделены бегунком. На внутренней поверхности стояна процарапан знак: №4.

Серебро, чеканка, позолота, гравировка, монтировка. Россия. 1623 г. Поступил из Боровскогоклада в 1956 г. Размеры: высота — 245 мм, диаметр чаши — 150 мм, диаметр поддона — 150 мм. Инвентарный номер Кл7655, Ф.2—46.

Боярин князь Борис Михайлович, происходивший из рода Ивана Владимировича Лыко, родоначальника фамилии Лыковых-Оболенских, был женат на сестре патриарха Филарета, тётке царя Михаила Фёдоровича, Настасье Никитичне Романовой. Умер 8 июня 1646 г.

3. **Потир** — вклад боярина князя Константина Осиповича Щербатова в церковь Рождества Богородицы*. Потир с полусферической чашей, на стояне с яблоком, стоян переходит в ступенчатый поддон. По борту чаши — литургическая надпись: «Пийте от нея вси сия есть кровь моя Новаго Завета яже за вы и за многая изливаемая во оставление грехов» (ил.4). Ниже в семи овальных клеймах выгравированы изображения деисуса в трёх клеймах: Богоматерь, Господь Вседержитель и Иоанн Креститель; в остальных — архангела Гавриила, апостолов Павла и Петра и архангела Михаила. Чаша обложена сканью и украшена бирюзой. Яблоко и поддон также обложены сканью и украшены встав-

* Об указанном потире см. также: Пуцко В.Г. Серебряные литургические сосуды из Пафнутьев-Боровского монастыря // Боровск: страницы истории. Вып.4. Боровск, 2002. С.28—30. (ред.).

ками из бирюзы. Между ложками поддона — пальметты. По краю поддона — надпись: «Лета 7198 году декабря 22 де сии церковные сосуды дал вкладу во Обитель Рождества Пресвятыя Богородицы Преподобнаго отца Пахомия* Боровскаго Чюдотворца Боярин и Князь Константин Осипович Щербатов». Над вкладной надписью — ряд вставок с бирюзой.

Серебро, скань, чеканка, гравировка, бирюза, монтировка. Россия. 1690 г. Поступил из Боровского клада в 1956 г. Размеры: высота — 335 мм, диаметр чаши — 165 мм, диаметр поддона — 190 мм. Инвентарный номер Кл7656, Ф.2—47.

Боярин и воевода князь К.О. Щербатов происходит из рода Василия Андреевича Щербатого-Оболенского, в царствование Алексея Михайловича прославился в войне с поляками, во время крестьянской войны под руководством С. Разина командовал корпусом и разбил отряды Разина при с. Мурашкине. Судья Ямского приказа и Енисейский воевода в 1683—1684 гг. Умер в 23 сентября 1696 г. и похоронен в Архангельской церкви Боровского Пафнутьева монастыря.

4. **Крест напрестольный** — вклад князя Никиты Михайловича Мезецкого в церковь Рождества Богородицы. Крест восьмиконечный (ил.5) с чеканным изображением Распятия с четырьмя предстоящими с сопроводительными надписями по сторонам. Вверху — херувим и скорбящие ангелы. Над Распятием в киотце — надпись: «РА// СПАТИЕ// ГАНШЕГО// ІСА ХА» (ил.6). Под Распятием — изображение преподобного Пафнутия Боровского в рост. Фон заполнен расти-

тельным орнаментом. Крест обнизан жемчугом. На обратной стороне вырезаны имена святых, чьи мощи хранились в кресте: св. мученика Калинника, св. апостола Филиппа и св. мученика Акепсима. На среднем перекрестии — гравированные поясные изображения преподобного Никиты Мидийского, преподобного Даниила Столпника и преподобной Матроны. Ниже — вкладная надпись полууставом: «Лета 7147 сентября 8 днь дал сии свтыи крсть гднь в пречесную Обитель Рождества Бдцы и Преподобнаго Пафнутия Боровскаго Чюдотворца при игумень Иосифе и при келаре Пафнутие Ерапкине кнзь Никита Михайлович Мезецкой по брате своем по боярине кнзе Даниле Ивановиче Мезецком во иноцех Давыде схимнике и по кнгине ево Матроне». Боковые грани креста украшены ромбическим орнаментом.

Серебро, чеканка, гравировка, позолота, жемчуг, монтировка. Россия, Москва. 1639 г. Инвентарный номер Кл7682, Ф.3—111.

Князья Мезецкие происходят из одного рода с Барятинскими и Оболенскими. Никита Михайлович Мезецкий — московский дворянин с 1627 г., член Пушкарского приказа. Даниил Иванович — боярин при Михаиле Фёдоровиче в 1627 г., любимец Бориса Годунова и Шуйского, в 1610 г. был окольным, в 1618 г. пожалован в бояре, судья Пушкарского приказа в 1628—1629 гг. Умер в 1629 г., похоронен в Пафнутьев-Боровском монастыре.

5. **Потир** — вклад архимандрита Пафнутьев-Боровского монастыря Митрофана Константиновича Шеинкова в церковь Митрофана, построенную на его же средства.

*Гравировщик допустил ошибку. Вместо Пафнутия выгравировано Пахомий. (ред.).

Потир с полусферической чашей, на фигурном стояне с яблоком, переходящим в широкий поддон, обложен сканным с зернью кожухом (ил.7). На кожухе чаши в овальных медальонах, украшенных стразами, помещены гравированные изображения Деисуса и Распятия (ил.8). На поддоне в аналогичных медальонах изображены Моление о чаше, Суд Пилата, Несение Креста, Бичевание Христа. На поддоне – вкладная надпись: «1760 году марта дня сии сосуды сооружены Пофнутьева Боровскаго м/онас/т/ы/ря от отца архимандрита Митрофана Константиновича Шеникова из собственного ево кошту в тот же Пафнутьевъ м/о/н/ас/т//рь вново сооруженную изсобственнагожь ево кошту ц/е/рковь св/я/таго Митрофана Патриарха Константина града».

Серебро, гравировка, ковка, скань, зернь, позолота. Россия. 1760 г. Инвентарный номер Кл7662, Ф.2–53.

Митрофан Константинович Шеинков – архимандрит Пафнутьев-Боровского монастыря в 1747–1763 гг., переведён из Курского Знаменского монастыря, похоронен в палатке под алтарём в церкви Митрофания.

6. **Дискос** – вклад архимандрита Пафнутьев-Боровского монастыря М.К. Шеинкова в церковь Митрофана (ил.9). Дискос в виде тарели на цилиндрической ножке с широким ступенчатым поддоном. На тарели в центре изображена сцена поклонения Агнцу. Тулово чаши укреплено на стояне, в верхней части которого изображены три серафима. Поддон сосуда шестиугольный. По сторонам чаши стоят два ангела в хитонах, у поддона – полуфигуры ещё двух ангелов. Над

чашей в облаках изображён голубь-Святой Дух в сиянии. В верхней части тарели, в полукруге – треугольник с надписью: «БГЪ». По борту чаши, в трёх овальных медальонах в обрамлении барочного растительного орнамента литургическая надпись: «СЕ АГНЕЦЪ Б ЖИИ» «ВЗЕМЛЯИ» «ГРЕХЪ МИРА». На поддоне – вкладная надпись: «1760 году мрта 10 дня сии сосуды сооружены Пафнутьева Боровскаго м/о/н/ас/т/ы/ря отца архимандрита Митрофана Константиновича Шеникова изсобственнаго ево кошту втот же Пафнутьев м/о/н/ас/т/ы/рь вново сооруженную изсобственнагожь ево кошту ц/е/рковь с/вя/того Митрофана Патриарха Константина града».

Серебро, ковка, гравировка, чернь, золочение. Россия, г. Москва (?). 1760 г. Инвентарный номер Кл7663, Ф.2–54.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историческое описание Боровского Пафнутьева монастыря. М., 1859.
2. Бобринский А. Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Всероссийской империи. Ч.1. СПб., 1890. С.62–63.
3. История родов русского дворянства / Сост. П.Н. Петров. М., 1991. Кн.1. С.61, 67, 73, 86.
4. Дворянские роды Российской империи. Т.1. СПб., 1993. С.182.
5. Осипов В.И. Вкладчики Пафнутьев-Боровского монастыря в XVII в. // Боровский краевед. Вып.4. Боровск, 1992. С.17–36.
6. Осипов В.И., Осипова А.И. Захоронение князей Волконских на территории Пафнутьева монастыря // Боровский краевед. Вып.5. Боровск, 1993. С.33–75.

Т.Б. Сафонова

ВОДЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОНАСТЫРЕЙ КАЛУЖСКОГО КРАЯ

Обращение к одному из аспектов хозяйственной деятельности монастырей Калужского края на первый взгляд могло бы показаться темой малозначительной. Если бы не одно обстоятельство: источниковедческая ценность монастырских документов, несмотря на их порой фрагментарную сохранность, давно уже оценена исследователями. Чёткость и скрупулёзность их ведения особенно заметны в вопросах экономической деятельности монастырей, в которой наряду с земельными угодьями и рыбными ловлями важное место занимали водяные мельницы.

Мельницы были обычным явлением российской действительности и принадлежали не только монастырям, но и «городским обществам», сельским общинам, частным лицам или находились в помещичьих имениях. Несмотря на это, история мельничного дела всё ещё остаётся малоизученной (1). Монастырские документы, к которым исследователи данной темы не обращались, могут существенно восполнить пробел.

Среди монастырей, существовавших в калужском крае до начала XX в. (2), материалами по хозяйственной деятельности более полно представлены Козельская Введенская Оптина пустынь, Калужский Лаврентиев и Пафнутьев-Боровский монастыри. Кратки сведе-

ния, относящиеся к Перемышльскому Троицкому Лютикову и к Калужской Тихоновой пустыни. Немногочисленна информация по Малоярославецкому Черноостровскому и Мещовскому Георгиевскому монастырям. Дополненные данными опубликованных писцовых книг начала XVII в., документами Боровской воеводской канцелярии XVIII в. и материалами губернских органов управления XIX в. по спорным владельческим вопросам, все эти источники дают достаточно широкий хронологический охват — с начала XVII в. до начала XX в. — и позволяют вести изучение водяных мельниц в регионе верхней Оки. Нельзя не упомянуть также исторические описания всех интересующих нас монастырей края, выполненные Л. Кавелиным с высоким профессионализмом в 1840—1860-е годы, которые приобрели уже характер первоисточника.

Количество водяных мельниц, находившихся до середины XVIII в. во владении монастырей края, было невелико (ветряные в источниках не упоминаются). Семи упомянутым монастырям принадлежало приблизительно 25-29 мельниц, за исключением 3 в вотчинах Пафнутьева монастыря в других губерниях. Большинство из них были в арендном содержании у посадских людей или крестьян, а позже у купечества. Для сравнения отметим, что в 1760-е

годы в одном только Козельском уезде насчитывалось 103 водяных мучных мельниц (3). В этот период по 6 мельниц числилось за Калужским Лаврентиевым монастырём и Пафнутьев-Боровским, 4 принадлежало Мещовскому Георгиевскому, 3 — Оптиной пустыни, по 2 — Перемышльскому Лютикову и Малоярославецкому Черноостровскому и 1 была у Тихоновой пустыни.

В развитии мельничного дела роль государственных органов сводилась в основном к контролю их доходности (за исключением помещичьих безоброчных) и рассмотрению спорных дел. А также воеводы на местах должны были давать разрешения на строительство и осматривать вновь построенное, опять же с целями налогообложения. Одним из шагов, ограничивающих оброчные поступления с мельниц в монастырскую казну, был Устав о мельничном сборе 1704 г., вначале рассматривавшийся как временная мера, но просуществовавший до 1726 г. По нему большая часть арендной платы, в том числе за рыбные ловли, речные перевозки, фактически ещё остававшиеся в монастырском владении, стала поступать в доход государства. Для этих целей они «переоброчивались» — то есть описывались и вновь сдавались «из наддачи, кто больше даст». Реорганизация монастырей в 1764 г., изменение статуса многих из них коснулось и владения мельницами, которое было значительно сокращено или вовсе утрачено, как у Мещовского Георгиевского или Тихоновой пустыни. Положение дел несколько изменилось по указу правительства от 18 декабря 1797 г., наделявшего монастыри угодьями: «Чтобы доставить архиерейским домам и монастырям, как по

штатам положенным, так и на своём содержании оставленным, лучшие по возможности выгоды, отвести по способности земли с угодьями, так чтоб при монастырях было по 30 десятин, включая и то, что они ныне имеют и присоединяя тут по близости и удобности из состоящих в числе казённых оброчных статей мельниц по одной» (4). Таковы некоторые вехи государственного регулирования владельческих прав монастырей на мельницы, которые нашли отражение и в письменных источниках по калужскому краю. Теперь обратимся к их рассмотрению.

Страницы писцовой книги 1621 г. «города Боровска посада письма и дозора Ильи Васильевича Чемесова да подьячего Василия Прокопьева» предоставили редкую возможность услышать имена мастеров-мельников: «У посаду ж слободка Мельничная на реке на Паратве под городом, а в ней служебников: мельник Иванко О니конов, засыпка Микитка Лазарев, засыпка Неустройко Ондреев. А под слободкою была мельница на реке Паратве, а тое мельницу сожгли литовские люди, а заплотину розмыло водою» (5). Мельничная слободка располагалась на земле Пафнутьева монастыря, а после 1649–1652 гг. была приписана к боровскому посаду (6). Упоминание о мельнице, которую в 1610 г. «сожгли литовские люди» — одно из самых ранних в истории мельничного дела в крае.

По той же писцовой книге 1621 г., ниже по течению р. Протвы в 200 саженьях от монастыря находилась другая мельница: «в амбаре двои жерновы». В 1701 г. она была уже большей мощности — на 4 жёрнова «со всяким мельничным строением и с припасами» и отдавалась за об-

В.Д. Поленов. Старая мельница. 1880 г.

рок 90 руб. в год мельникам Рябушенской слободы Александру Осипову и Ермолаю Лукьянову. Первый из них числился в «служебниках» монастырской слободы с 1660 г.: «того ж монастыря мельников сын», у него был помощник сын Ганка, денежная плата их составляла в год по 3 руб. и отсыпалось хлеба — ржи и овса по 4 четверти. Ермолай Лукьянов тоже был потомственным мельником: «того ж монастыря мельников сын», взятый в «служебники» в 1686 г. Остальные 4 мельника, проживавшие в Рябушенской слободе, были из крестьянских семей монастырских деревень Редькино и Атрепьево. Им платили в год на рубль меньше, чем старейшему мастеру Александру Осипову с сыном (7). К 1763 г. относится описание строений этой мельницы: «два амбара по обеим сторонам, один амбар и избы крыты тесом, а другой амбар и изба ж по другую сторону реки, покры-

ты соломой, две клетки, да два навеса ветхие, крыты соломой же» (8). Технической особенностью мельницы было то, что она «молола пошевною водой», то есть вода направлялась на лопасти вертикального водяного колеса снизу, где толкала его и двигала в направлении, обратном потоку воды. Такой тип мельниц использовал только силу течения реки и не мог отличаться большой мощностью. В 1859 г. монастырская мельница на р. Протве была уже о 8 поставках (комплектах жерновов) и, по всей видимости, уже усовершенствованной — с наливным колесом, когда падавшая сверху вода заставляла двигаться колесо не только энергией течения, но и силой падения (9). По свидетельству краеведов, она просуществовала до 1950 г. (10).

Другая небольшая мельница располагалась недалеко от Пафнутьева монастыря на речке Истерьме, по описанию 1701 г. в ней были

Труды преподобного Сергия с братией в хлебопечарне. Литография. 1865 г.

«двой жерновы со всяким мельничным строением и с припасами». В 1763 г. эта «устроенная с давних времен самим монастырем» мельница имела всего 2 постройки: «амбар мельничный, изба с чуланом, крытые тесом и два навеса крыты соломой» (11). И хотя она была в это время технически более совершенной, чем протвинская — «о двух поставах наливных», но оказалась «по мелководью к действию малоспособная» (12).

Краткость сведений не позволяет судить об особенностях ещё одной давней монастырской мельницы, располагавшейся под Высоцкой слободкой на р. Протве во владениях приписанного к Пафнутьеву Высоцкого монастыря, который в 1610 г. «польские и литовские люди разорили до основания». В 1621 г. на разорённом мельничном месте уже стоял «заплот», который «прудили и амбар поставили Пафнутьева монастыря игумен с братиею, а мельнич-

ные снасти никакие нет» (13), то есть жернова установлены не были. Насколько далее были удачными старания братии по восстановлению, источники не сообщают. Но в 1773 г. архимандрит Сильвестр подаёт челобитную с просьбой разрешить «построить к молотью на монастырь хлеба мельницу о 2 поставах» на плотине на прудах у стен монастыря. На новое строительство разрешение было получено из Боровской воеводской канцелярии 8 июля того же года (14).

Такого же технического типа, как старейшая Пафнутьева монастыря на р. Протве, но меньшей мощности была мельница Оптиной пустыни на р. Другусне под Козельском, построенная в первое десятилетие XVII в. Вероятно, тип «подливных», когда потоком бьёт на колесо снизу, был хронологически более ранним, чем обычный для XIX в. «наливной». Другуснинская мельница была устроена братьями Афана-

сием и Тимофеем Желябужскими на земле, ими пожалованной пустыни при Борисе Годунове. Тимофей и был арендатором мельницы в первой половине XVII в. Братья — известные государственные деятели того времени, сын Афанасия Иван (окольничий и воевода) в 1689 г. пожертвовал значительную сумму на монастырские постройки. Представители этого дворянского рода и в XIX в. были вкладчиками пустыни и занесены в её синодик (15).

Старейшая мельница Оптиной пустыни получила известность из-за длительного спорного дела сначала со стрельцами Казачьей слободы Козельска (с 1672 г.). После 1704 г. отданная в казну, она в течение 98 лет сдавалась в оброк горожанам и только в 1802 г. была возвращена монастырю. В 1805 г. площадь построек этой мукомольной мельницы была около 60 кв. м, которые состояли из собственно мельницы — «амбара» елового леса, покрытого тёсом (25 кв. м), с 2 парами жерновов «пяти четвертей» (89 см) и прочими снастями, рядом была пристроена «толчая». Жилая изба на 2 окна, амбар, куда ссыпали хлеб, и 2 навеса на дубовых столбах завершали комплекс построек (16). Казалось бы, для старой мельницы настали спокойные времена, когда со своевременной починкой на тихой речушке она могла исправно выполнять очень нужную людям работу, начало которой было положено к тому времени почти 2 столетия назад. Но пришёл технический прогресс, и в 1898 г. при устройстве насыпи для железнодорожной линии часть русла реки была круто изогнута, и мельницу подтопило до полной остановки, особенно опасными оказались внешние талые

воды и заторы льда. До 1912 г. Оптиная пустынь вела судебное дело с правлением Рязанско-Уральской железной дороги, оценивая убытки в 20 тыс. руб. (17). Затем мельница была куплена правлением железной дороги.

Редкую возможность попытки реконструкции мельничного комплекса предоставляют документы Оптиной пустыни по сдаче в аренду другой, более крупной монастырской мельницы, располагавшейся на р. Сосенной, которая была пожалована монастырю по указу Павла I. 1 января 1802 г. игумен Авраамий принял её «всю изведенную из ветхости», но уже к 1 июня следующего года она была выстроена вновь, привезены 4 жёрнова, на строительство пошло 6 тыс. разных гвоздей, а за все работы было уплачено 826 руб. (18). В 1878 г. это был уже довольно крупный хозяйственный комплекс с общей площадью построек 240 кв. м. Жилой корпус — постоянный двор — состоял из избы площадью 76 кв. м (2 сруба, соединённые сенями посередине), с кафельной печью в одной половине и с русской в другой. Сама мельница площадью 51 кв. м (10x10 аршин) была с 2 парами жерновов — «шестериков» (106 см), под одной с ней крышей находились «толчая» со ступой и толкачами (45,4 кв. м) и сукновальня (32,5 кв. м). В одну линию с корпусом постоянного двора стояли амбар (32,5 кв. м) и сарай. Все постройки были из дерева, но крыты черепицей. Здесь же располагались погреб, конюшня и коровник, отделявшиеся забором от остального двора, также обнесённого оградой с крытыми воротами и калиткой (19). В планировке мельничного комплекса прослеживаются общие черты с

традиционной планировкой крестьянского двора: это характерная изба из 2 срубов с печью, с сенями посередине, а также соединение под одной крышей хозяйственных построек двора (20).

О третьей мельнице, также издавна принадлежавшей Оптиной пустыни, имеются только краткие сведения. Впервые в 1762 г. в монастырских документах при сдаче в аренду была названа мельница на речке Ключоме при впадении её в р. Жиздру, почти напротив обители недалеко от перевоза через Жиздру. Построенная самим монастырём вначале выше по течению Ключомы, она в 1837 г. была перенесена ближе к устью этой речки и отстроена вновь, но сгорела в 1859 г. В том же году была опять заново построена и пущена в ход (21). В 1900 г. на этой мельнице было 3 комплекта (поставы) мукомольных жерновов диаметром по 112,5 см и 1 постав крупорушный – «просодранка» – перерабатывавший просо на пшено, работало трое рабочих. Но мощности водяного потока небольшой речки не хватало для одновременной работы всех жерновов, ими мололи по очереди или другие служили запасными на случай поломки (22).

В многовековой истории мельниц нередкими были случаи их технического перепрофилирования, когда мукомольные заведения начинали использоваться для других целей. Вначале соединённые под одной кровлей с сукновальнями или толчеями, со временем последним мельницы уступали главенство в комплексе. А с конца XVIII в. обычным стало переоснащение и в лесопилки.

В 1765 г. в документах Малоярославецкого Черноостровского

Николаевского монастыря была упомянута «состоящая под монастырём на ключе об одном поставе мельница, на городской земле в расстоянии с небольшим 600 сажень, коя построена монашеским именем». Эта постройка не могла быть достаточно мощной, так как была устроена на родниках у основания возвышенности, на которой располагался монастырь. И мельница была приспособлена под толчею, в ней с помощью водяного колеса, приводящего в движение толкачи в ступе, толкли ивовую кору, которую монастырь продавал на московские кожевенные заводы, в связи с чем у мельницы появилось своё название – «колотовка». В 1850-х годах её снова перепрофилировали и построили небольшую фабрику по производству сурового сукна, сдававшуюся от монастыря в аренду малоярославецкому купцу М.В. Владимирову. Фабрика также действовала на родниках, поток воды которых по жёлобу направлялся на колесо (23).

Мучные мельницы и без переоснащения могли приспособиваться для получения большей выгоды. Боровский посадский человек Афанасий Петров сын Девятков, взявший с 1708 г. на откуп мельницу Пафнутьева монастыря на р. Протве, вместо помола хлеба стал «монастырской нашей мельницей на боровский винокурный завод и на питейный кружечный двор на пиво солод гнать», отказывая людям, «хлебного помола просящим» (24). Винокурение, перерабатывавшее в XVIII в. также зерновые хлеба, в основном рожь и овёс (на солод) было очень доходным производством, в котором монополистами были казна и дворянство. Поэтому с бурмистра Боровского кружечного двора были взяты

показания, на что тот ответил, что свои припасы «молот он на мельнице, которая близ города Боровска в вотчине Семена Алексея сына Челыщева на р. Протве под селом Красным, и оно помолот одним поставом, подправляя».

Такой же, как мельница Малоярославецкого Черноостровского монастыря, устроенной на роднике, была небольшая мельница Калужского Лаврентиева монастыря за р. Окой под Покровским погостом, впервые упомянутая в источниках в 1614 г. и до середины XVIII в. принадлежавшая обители (25). Другая более крупная о 6 поставках мельница этого монастыря была на р. Яченке при слободе Подзавалье около Калуги, «построенная начально по заведении Лаврентиева монастыря, чему прошло время более двухсот лет без всяких споров» (26), (документ 1807 г.). В 1797 г. при возвращении по правительственному указу мельниц монастырям, Подзавальская мельница была подробно описана и обмеряна, как внутреннее устройство, так и постройки всего комплекса (27).

В калужском крае одним из мест, где находилось своеобразное скопление водяных мельниц, были берега небольших притоков р. Оки в Перемышльском уезде: правых — р. Желови и Вырки, и левого — р. Выссы (28). В первую очередь это объяснялось проходившей рядом почтовой дорогой из Калуги в южные губернии и недалгим расстоянием до губернского центра. Подходящими оказались и природные условия небольших речушек, более полноводных ближе к устью. Эта местность оказалась привлекательной для калужских купцов, имевших здесь в середине XIX в. свои мельницы и

конкурировавших между собой за право аренды расположенной на р. Желови крупчатой мельницы Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Судя по монастырским документам, торги за право аренды порой бывали жаркими, несмотря на довольно жёсткие арендные условия. Одним из них было требование к арендатору осуществлять помол своими собственными жерновами и по окончании срока оставлять их монастырю. В 1852 г. при сдаче в аренду была составлена подробная опись крупчатой мельницы Лютикова монастыря. Она была средней мощности: о 4 поставках, с 4 водяными колёсами диаметром от 2,3 м до 2,43 м. Главная постройка комплекса — «амбар рабочий» — был рублен из дерева, с окнами, покрыт тёсом, внутри имел 4 этажа-яруса, соединявшихся между собой лестницами, и только к четвёртому ярусу снаружи была прирублена галерейка, к которой вели 2 внешних лестницы. В этом корпусе находился рабочий механизм мельницы — «снасти». В хозяйственный комплекс входили также 2 рубленных «в угол» ссыпных амбара, жилая изба в 3 окна с кирпичной печью, баня и погреб. На дворе располагались коровник, 3 навеса, бревенчатый сарай, здесь же хранились 3 новых запасных водяных колеса диаметром по 2,25 м (29). Неудивительно, что такой хозяйственный комплекс оказался привлекательным для калужского купечества. Однако стремление некоторых из них к получению большой прибыли иногда приводило к плачевным для мельничного дела результатам. Арендовавший с 1833 по 1852 гг. мельницу Лютикова монастыря купец 2-й гильдии К.Я. Щучкин довёл постройки комплекса «до

совершенной гнилости от многовременного нахождения без кровли». Кроме того, у К.Я. Щучкина ниже монастырской, на той же р. Желови была своя собственная мельница, и для увеличения водяного потока, а следовательно и мощности, он увеличил высоту плотины на своей мельнице. Так летом 1852 г. оказалась подтоплена монастырская мельница, а вместе с ней и находящаяся выше по течению мельница калужского купца В.И. Вереитина. А мельница К.Я. Щучкина «от умножения и увеличения колёс и возвышения воды, стала выделять муки почти то самое количество, которое он мог прежде получать с 2 мельниц тех, монастырской и своей». Дальнейшая аренда «оборотистому» купцу оказалась уже не нужна. Только через год монастырём были найдены новые арендаторы — калужские купцы В.Я. Долгов и П.В. Макаров, которые всего за год, с 7 сентября 1853 г. по 1 сентября 1854 г. восстановили весь хозяйственный комплекс. «Мельница во всех частях своих теперь прочно исправлена на уступленную от казны арендаторам значительную сумму, плотина её крепка, пруд её чист и занимает изрядное место. В продолжение минувшего года (1853 г. — Г.С.) она легко вымалывала в сутки 200 пудов крупчатки или, что то же — 40 пятипудовых мешков. И потому всякому, занимающемуся торговлей крупчатой муки, доход с неё может быть очень значителен и надёжен», — писал 10 мая 1854 г. игумен Лютикова монастыря (30).

В заключение, подводя итоги, подчеркнём, что нового дали монастырские письменные источники в изучении водяных мельниц верхней Оки.

Во-первых: В конце XVI в. на части территории калужского края в то время являвшейся «замосковным краем» Русского государства, водяные мельницы уже существовали, некоторые из них были уничтожены «литовским разорением».

Во-вторых: На основе монастырских источников может быть предпринята попытка реконструкции мельничного комплекса конца XVIII и второй половины XIX вв. А также прослежены вехи истории нескольких мельниц в течение нескольких столетий.

В-третьих: В XVII в. мы узнали имена мастеров-мельников, многие из которых были потомственными. Людей этой профессии и в середине XIX в. за мастерство называли художниками.

В-четвёртых: Удалось установить социальный статус людей, арендовавших монастырские мельницы, а в ряде случаев и строителей.

В-пятых: Вероятно, хронологически более ранним был технический тип «подливной», или «пошвенной», мельницы, с потоком воды, бьющим снизу на вертикальное колесо. Нередким оказался и тип мельниц на родниках.

И последнее: интересные материалы были получены по экологическим аспектам работы мельниц, но эта тема требует более детального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947. С.224–245; Юркин И.Н. Водяные мельницы Тулы и Тульского уезда в конце XVI–XVIII в. // Историко-археологические чтения па-

- мяти Н.И. Троицкого: Материалы. Вып.1. Тула, 1997. С.49–57; Сафонова Г.Б. Калужские мельницы // Калуга в шести веках: Материалы 4-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2003. С.46–55.
2. См.: Ляметри П. Исторические сведения о монастырях Калужской губернии // Памятная книжка Калужской губернии на 1861 год. Калуга, 1861. С.272–292.
3. Кавелин Л. Краткая летопись города Козельска и очерк настоящего его состояния // Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1876. Отд. пагинация. С.25.
4. ПСЗ-1. Т.XXIV. СПб., 1830. С.822.
5. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.5. (Далее – Боровск).
6. Холмогоров Г.И. Материалы для истории церкви Калужской епархии. Боровская десятина. Отд. III // Калужская старина. Т.5. Калуга, 1910. С.196; Осипов В.И. Опыт локализации слобод и границ г. Боровска в XVII в. // Материалы Боровских чтений: Археология, история, краеведение. Боровск, 1989. С.13–18.
7. Боровск. С.235, 237, 242.
8. Там же. С.269.
9. Кавелин Л. Историческое описание Боровского Пафнутьева монастыря. М., 1859. С.23, 154.
10. Антипов А.А. Живые корни России: Историко-краеведческие очерки. Боровск, 1994. С.81.
11. Боровск. С.237, 269.
12. Кавелин Л. Историческое описание Боровского Пафнутьева монастыря. С.25, 154.
13. Боровск. С.203.
14. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.133. Оп.1. Д.974. Л.1–3.
15. Кавелин Л. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. С.20. Приложение. С.106, 113; Булычов Н.И. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу. Калуга, 1908. Ч.II. С.36. Ч.VI. С.207.
16. ГАКО. Ф.903. Оп.1. Д.34. Л.1–2.
17. Там же. Д.21.
18. Там же. Д.30.
19. Там же. Д.205.
20. См.: Бломквист Е.Э. Крестьянское жилище Калужской губернии // Материалы по этнографии. Т.III. Вып.2. Л., 1927.
21. Кавелин Л. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. С.49, 177.
22. ГАКО. Ф.86. Оп.4. Д.76.
23. Кавелин Л. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. СПб., 1903. С.37, 125, 153.
24. ГАКО. Ф.133. Оп.1. Д.96. Л.5–7, 14.
25. Кавелин Л. Историческое описание Калужского Лаврентиева монастыря. Калуга, 1906. С.72.
26. ГАКО. Ф.62. Оп.1. Д.1184. Л.317.
27. Там же. Д.261.
28. Материалы для географии и статистики России: Калужская губерния / Сост. М. Попрцкий. Ч.1. СПб., 1861. С.595.
29. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.337. Л.47–48.
30. Там же. Л.56, 57, 91.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К «КАЛУЖСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

В четвёртом выпуске нашего сборника мы обещали, если получится, вернуться к обсуждению «Калужской энциклопедии». С удовлетворением можем сообщить, что обсуждение продолжается. В октябре 2003 г. на очередной научно-практической конференции в Малоярославце, посвящённой проблемам изучения второго этапа Отечественной войны 1812 г., с анализом освещения в энциклопедии круга проблем, касающихся 1812 г., выступил учёный секретарь Государственного Исторического музея А.А. Смирнов. Его статья опубликована в сборнике материалов Малоярославецкой конференции*, так что, казалось бы, нам незачем её дублировать, тем более, что в извлечении она появилась в «Меценате» — приложении к газете «Весть»**. Но статья не уместилась на газетной полосе целиком, а сборник материалов конференции не всегда легко доступен. Вместе с тем статья А.А. Смирнова — это взгляд на нашу энциклопедию, так сказать, «снаружи», мнение профессионального историка, специалиста в истории войны 1812 г. Надо думать, что все мы заинтересованы в объективной оценке наших краеведческих изданий, и по-

лучить такую оценку удобнее всего у независимого эксперта. Поэтому мы благодарны Александру Александровичу за любезное позволение познакомить наших читателей с его материалом.

Может быть, автор статьи несколько резок. К тому же, ему известны только те калужские учёные и краеведы, которые выступали на малоярославецких конференциях. Разумеется, круг добросовестных исследователей прошлого калужской земли значительно шире. Но сколько бы ни было у нас хороших историков — энциклопедия от этого лучше не станет. Смирнов тысячу раз прав в том, что главная беда нашей энциклопедии в том, что она не учитывает опыт изданий подобного рода из других регионов, да и к накопленным знаниям по истории собственной области относится очень, мягко говоря, невнимательно.

Позволим себе маленькое замечание по теме. Смирнов пишет: «отрадно видеть, что некоторые из тех, кто сохранял память о 1812 г., не забыты — это И.И. Бессонов, Г.К. Зельницкий». К сожалению, в статье энциклопедии о Зельницком отрадно мало. Григорий Кириллович Зельницкий — один из первых калужских краеведов, автор первой книги о событиях войны 1812 г. на территории Калужской

* Смирнов А.А. Легенда снова обретает реальность: о Калужской энциклопедии // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С.66–78.

**Не в бровь и не в глаз! // Меценатъ. 2004. 19 марта. №3.

губернии, интереснейшая и многогранная личность. Нами была предпринята попытка изучения биографии Г.К. Зельницкого по материалам Государственного архива Калужской области. Результат был опубликован в 1999 г., за год до подписания в печать энциклопедии*. Смирнов утверждает, что у него нет замечаний к автору статьи о Д.А. Деянове, так как она единственная имеет ссылку на формулярный список генерала, хранящийся в РГВИА. Стало быть, если нам посчастливилось выявить в ГАКО 16 послужных списков Зельницкого, мы можем претендовать на некоторую достоверность обобщённых нами сведений? Энциклопедия, кстати, ссылок на ГАКО не имеет, а жаль. Так вот. Родился Зельницкий, скорее всего, в 1761-м, а не в 1762 г., как утверждает энциклопедия. Во всяком случае, достоверно год рождения Зельницкого не установлен. Отцом Григория Кирилловича был «греческого исповедания протопоп Уманский Кирилла Зельницкий», стало быть, происходил будущий калужский краевед из духовного звания, а не из дворян, как пишет энциклопедия. Внесение в дворянскую родословную книгу Калужской губернии состоялось в 1819 г., после награждения орденом Св. Владимира 4-й степени. Зельницкий не мог быть прислан в Калугу в 1785 г. для преподавания в Главном народном училище, потому что Главное народное училище в Калуге открылось 22 сентября 1786 г. и в 1786 г. Зельницкий завершил своё образование в Петербурге. Зельницкий никогда не был директором Калужской мужской гимназии, как

бы ни хотелось энциклопедии поручить ему эту должность с 1812 по 1828 г. В 1810 г. директором гимназии был назначен А.С. Кояндер, после его смерти в 1827 г. сначала Зельницкий, а потом П. Кошко исправляли должность директора, пока не был назначен Л.С. Левицкий. Зельницкий не мог проработать в Калужской гимназии более 40 лет, потому что гимназия в Калуге открылась 30 августа 1804 г., а умер Зельницкий 27 января 1827 г. С 1786 г. по первую половину 1804 г. Зельницкий преподавал в Главном народном училище. В общей сложности получается более 40 лет, но главное народное училище и гимназия — это всё-таки разные учебные заведения.

Вот такие грустные заметки. И самое печальное, что каждый человек, более или менее знающий тот или иной вопрос, находит в энциклопедии ошибки. Таким образом, рекомендовать энциклопедию к какому бы то ни было не критическому использованию просто невозможно.

Пока готовился 5-й выпуск, «Калужская энциклопедия» вышла 2-м изданием. Излишне говорить, что второй блин получился таким же несъедобным, как и первый? Особенно забавно, что год издания энциклопедии указан 2005-й, хотя с октября 2004 г. она появилась в свободной продаже.

В энциклопедию добавлены новые статьи, некоторые изменения внесены в старые, но общий уровень не повысился. К примеру, в статье о Боровском районе больше не написано, что Балабаново — районный центр, зато Ермолино по-прежнему именуется посёлком. Население рай-

* Зиновкина Н.В. Некоторые материалы к биографии Г.К.Зельницкого // Калуга в шести веках: Материалы 2-й городской краеведческой конференции. [Ч.1]. Калуга, 1999. С.36–46.

она и г. Обнинска указано по сведениям 1996 г. (возникает вопрос: почему не переписи 2002 г.?), а население Боровска, Балабанова и Ермолина — то же, что и в 1-м издании.

Ну а статья о Зельницком полностью такая же, как раньше.

Н.В. Зиновкина

ЛЕГЕНДА СНОВА ОБРЕТАЕТ РЕАЛЬНОСТЬ

В 2000 г. свет узрел «Калужскую энциклопедию» под главной редакцией В.Я. Филимонова, чей цветной портрет предшествует титулу и является единственной цветной иллюстрацией во всём солидном томе в 692 страницы. Аннотация тома заверяет читателя, что в энциклопедии он найдёт «сведения о людях, жизнь и деятельность которых связана с Калужским краем, о поселениях и наиболее значительных исторических событиях». На следующей странице редактор тома предупреждает, «что многие имена, факты нашей истории остаются малоизученными или вовсе забытыми».

Авторский коллектив включает 51 фамилию, среди которых я обнаружил только 5 знакомых — А.А. Бауэр, В.А. Бессонов, С.И. Личенко, Л.В. Калашникова и М.А. Добычина. После этого мне стало ясно, почему в энциклопедию включена единственная статья о музее — Калужском художественном. Это заслуга работающей в нём Личенко. И хотя ни одна статья в энциклопедии не имеет подписи автора, нетрудно догадаться, что статьи о Калужском обществе ревнителем о народном благе в память 1812 г. и о Нелединских-Мелецких написала Калашникова. А когда в

биографических статьях мне встречались ссылки на Государственный архив Калужской области, вспоминалась архивист Добычина. И было очень обидно, что в энциклопедии не оказалось статей о Калужском областном краеведческом музее, где трудится Бессонов, и о военнопленных Великой армии в Калужской губернии, с которыми Виталий Анатольевич уже лично знаком. Широким представлением различных краеведческих организаций энциклопедия, без сомнения, обязана Бауэру.

К числу обещанных «наиболее значительных исторических событий» составители отнесли только первую и вторую Отечественные войны. А поскольку даже в статье о Калужской области нет исторического очерка, читатель так и не узнает о менее значительных исторических событиях в провинции, наместничестве, губернии и области.

Как же отражены на страницах энциклопедии «факты истории» Отечественной войны 1812 г., какие из них «остаются малоизученными или вовсе забытыми», а какие и как уже описаны?

В энциклопедии названы фамилии 67 участников событий, связанных с Отечественной войной 1812 г., и среди них 15 генералов, 5 нижних чинов, 5 гражданских чиновников, епископ и 41 офицер. Причём 27 генералов и офицеров лишь упомянуты в текстах статей, которые им не посвящены. Среди них такие известные россияне, как А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский, деятельность которых, по мнению составителей энциклопедии, не связана с Калужским краем.

О чём же повествуют неизвестные авторы персональных статей?

Епископ Евлампий в 1812 г., «будучи больным, не терял бодрости, не падал духом и всячески старался утешить и ободрить других, делил с калужанами все разнообразные скорби и труды. После изгнания французов весьма ревностно принялся за восстановление разрушенных церквей, монастырей». По моему, это прямая обязанность каждого священнослужителя, а уж тем более епископа. Для энциклопедии как научного справочника нужны не общие фразы, а конкретные факты. К сожалению, они отсутствуют не только в данной статье. Литература к статье ограничена одним изданием 1898 г. Рукопись энциклопедии была подписана к печати в августе 2000 г., значит, в литературу можно и нужно было включить то, что издавалось по данному вопросу вплоть до конца 1999 г.

Прежде чем читать статью о С.И. Беляеве, я посмотрел литературу к ней и обнаружил, что автор не использовал формулярный список Беляева, хранящийся в ГАКО и опубликованный в 1992 г.* Только этим я могу объяснить данную в статье характеристику Беляева: «Русский патриот, герой Малоярославецкого сражения 1812. За геройский поступок Б. был награждён орденами Св. Анны на шею и Св. Георгия с бантом». Согласно документам, Беляев был награждён бронзовой медалью в память 1812 г. за «препровождение к армии транспортов с провиантом и за содержание на собственном иждивении раненых». Орден Св. Анны 2-й степени, носившийся на шейной ленте, Беляев получил в 1848 г. «за отлично-усердную службу». Он имел также ордена

Св. Владимира 4-й ст. и Станислава 3-й ст. (1832 г.) и Св. Станислава 2-й ст. (1839 г.). Орденом Св. Георгия Беляев никогда не награждался. Год открытия первого памятника Беляеву в более поздних исследованиях указан 1899-й, а не 1889-й. Тогдашняя надпись на пьедестале памятника отличалась от современной, приведённой в статье, отсутствием имени, отчества и слова «герой». Памятник был восстановлен в 1950-е годы. Если есть персональная статья Беляеву, то должна быть и статья, посвящённая городничему Малоярославца П.И. Быкову, тоже якобы сжигавшему мост через р. Лужу на глазах неприятеля.

Остановлюсь на ряде курьёзных ошибок в персональных статьях. Если А.Я. Миркович начал службу в 1816 г., как сказано в статье о нём, то непонятно, как он смог командовать эскадрой в 1812 г.? Оказывается, Миркович «в составе 5-го корпуса резерва сражался при Бородине, за что был награждён орденом Св. Анны 4 ст.». Этот орден получил 4-ю степень в 1815 г., значит, за Бородино Миркович мог получить только 3-ю степень ордена Св. Анны. А 5-й корпус назывался гвардейским.

С.Ю. Нелединский-Мелецкий мог быть переведён в л.-гв. Волынский пехотный полк не ранее 1817 г., так как именно в этом году полк был сформирован, а не в 1813 г.

В биографии Н.А. Обнинского сказано о неизвестном бое 8 октября 1812 г., в котором отряд генерала В.Д. Иловайского разбил 4 гвардейских кавалерийских полка неприятеля.

Оказывается, М.Ф. Орлов пер-

* См.: Малоярославец в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов и материалов. Малоярославец, 1992. С.74–79. (ред.).

вым ворвался в Верею в 1812 г., а с 1820 г. стал не начальником 16-й пехотной дивизии, а только начальником её штаба.

К.А. Охотников за отличия в заграничном походе удостоился ордена Св. Анны 3-й, а не 4-й степени. В статье упомянуты с неправильными инициалами или вообще без них В.Л. Давыдов (в статье — В.Д.), М.А. Фонвизин (назван его дядя писатель Денис Иванович), И.Г. Бурцев, П.Х. Граббе, М.В. Нечкина (в статье — М.Ф.), а ЦГВИА уже более 10 лет как переименован в РГВИА.

Е.М. Толмачёв за бои 1813–1814 гг. был награждён орденом Св. Анны 3-й степени, а не 4-й.

Е.Ф. Фирсов не мог быть награждён орденом ни в 1807 г., ни в 1808 г., став унтер-офицером, так как нижних чинов орденами в Российской империи не награждали.

И.И. Чепелевский за Татарицы мог быть награждён в 1807 г. только орденом Св. Анны 3-й степени, но не 4-й, а за взятие Базарджина в 1810 г. — золотым крестом на георгиевской ленте как офицер, не получивший орденов Св. Георгия или Владимира, но представленный к награждению за проявленную храбрость. Название этого знака «штурмовым крестом» является не принятым в энциклопедиях жаргоном.

Автор статьи о Ф.С. Шукине утверждает, что тот четырнадцатилетним прапорщиком участвовал в Отечественной войне 1812 г. и за отличие в бою под г. Красным удостоился ордена Св. Анны 4-й степени. Что до ордена, то он, конечно, же был 3-й степени, а вот указанный возраст прапорщика вызывает большие сомнения.

А вот что узнаёт читатель о

судьбе некоторых монастырей в 1812 г.: «В грозные дни Отечественной войны 1812 храмы Оптиной пустыни были открыты для молящихся о спасении Отечества от врага». По-моему, храмы для того и существуют, особенно в грозную пору. Пафнутьев-Боровский монастырь в 1812 г. «сожгли и частично разрушили французы». Сведения эти слишком общие и свидетельствуют только о том, что автор не использовал документы о монастырских утратах в 1812 г. И потом, почему всё жгут и взрывают только французы, если Великая армия включала войска более 20 национальностей.

«В 1812 малоизвестный Черноостровский монастырь стал знаменитым: в его стенах бывал М.И. Кутузов, здесь происходило кровопролитное сражение за Малоярославец... Монастырь был сильно разрушен, но именно отсюда Наполеон впервые начал отступать... Памятником Отечественной войны 1812 являются монастырские ворота со следами картечи и ядер». Как мог Кутузов бывать в монастыре, если он даже в город не заезжал. Наполеон, как известно, начал отступать не от монастыря, а из района расположения своих основных сил под Малоярославцем. Монастырские ворота — памятник сражения — хранят следы ружейных и картечных пуль. Если бы в них попало ядро, то вряд ли бы они вообще уцелели.

О событиях 1812 г. упомянуто и в статьях о 13 населённых пунктах Калужской области. Из них мы узнаём, что в с. Березичи был призывной пункт 7-го конного полка народного ополчения, хотя известно, что в Калужском ополчении был 1 конный полк.

В 1812 г. «жители Боровска с

6-м егерским батальоном Калужского ополчения... несли патрульную службу около города и, отдаляясь от него на 20 км, нападали на аванпосты французской конной гвардии корпуса Жюно... Французы беспрепятственно занимались грабежом и поджогами». В Калужском ополчении был единственный самостоятельный егерский батальон. В корпусе Жюно была только вестфальская конная гвардия. А что же конкретно сожгли и разграбили солдаты Великой армии? Думаю, что тщательное изучение архивных документов позволило бы ответить и на этот вопрос.

В с. Варваренки в 1812 г. был, оказывается, «опорный пункт 1-го пешего казачьего полка Калужского ополчения». Зачем этому полку нужен был опорный пункт, если он не вёл у Варваренков никаких боёв? Там был сборный пункт этого полка или полковая квартира.

Автор статьи о с. Детчино привёл слова из «летописи (?) войны 1812 г.»: «Отряд князя Кутузова был отправлен в Детчино под руководством дивизионного ген. Паскевича». Во-первых, в русской армии не было чина дивизионного генерала. Во-вторых, о каком Кутузове идёт речь? Если о генерал-фельдмаршале М.И. Голенищеве-Кутузове, то Паскевич был его подчинённым, поэтому не мог никуда отправить Кутузова, скорее наоборот.

Село Спас-Загорье в 1812 г., оказывается, «находилось в центре военных действий. Для обеспечения продвижения русских войск к г. Малоярославцу были разобраны несколько крестьянских домов. В память о героических событиях у С. З. поставлен знак». Как известно, военных действий в районе этого села не велось. Зачем были разобраны

крестьянские избы — тоже непонятно. Видимо, в этом и состояли «героические события у Спас-Загорья». А что за «знак» стоит у этого села — остаётся загадкой.

Город Таруса в 1812 г. являлся «ближайшим тылом русской армии, снабжавшим её продовольствием, одеждой, боеприпасами». Для этого в Тарусе должны были заранее организовать склады продовольствия, обмундирования и боеприпасов. Но об этом автор статьи не говорит, что порождает сомнения в его утверждениях о том, что Таруса являлась ближайшей тыловой базой российских войск.

Вот что написано о с. Тарутино в 1812 г.: «Во время Отеч. войны с Наполеоном (а разве была Отечественная война ещё с кем-то? — А.С.) Т. стало базой по снабжению продовольствием, фуражом, боезапасами рус. армии». В Тарутино не собирали названного имущества и не развозили из села в войска. Наоборот, везли с баз в Тарутино, возле которого располагалась Главная армия Кутузова. Тарутинский памятник, который только назван, но не описан, был открыт не в 1884 г., а пятьюдесятью годами ранее — в 1834 г. Оказывается, по сей день в Тарутино «сохраняются флешы и редуты 1812». Флешы — возможно, но редутов там в 1812 г. не строили. Речь может идти о флешах и лонетах. А вот о тарутинском мемориале двух отечественных войн автор и не слышал, как не слышал и о крестьянине-патриоте В.Я. Синельщикове, усилиями которого реставрирован в 1959 г. тарутинский памятник, созданы музей и мемориал.

В статье о г. Малоярославце перечислены памятники Отечественной войны 1812 г. — музей, часовня

Максимова, бюсты Беляева и Кутузова. Причём указаны годы установки первых бюстов Беляеву — 1889 и Кутузову — 1955-й. Тех бюстов давно нет, так как в 1950-е годы был воссоздан бюст Беляеву, а в 1987 г. заменён и бюст Кутузову, но автор статьи и об этом ничего не знает.

«1812 вошёл в историю Медыни разгромом наполеоновской армии (такое утверждение равносильно открытию. — А.С.). Сражение русских с французами под М. не было столь значительным, как в Тарутине или Малоярославце, однако... наполеоновская армия потеряла... ок. 500 солдат убитыми. В сражении отличились казачий полк под командованием полк. Быхалова, казачьи отряды ген. В.Д. Иловайского, майор Спафарьев и заседатель Путешников, — читаем в статье. — На месте сражения жителями в 1854 был сооружён скромный обелиск взамен простого деревянного креста, поставленного в память о разгроме наполеоновской армии (сохранился)». Во-первых, под Медынью был разгромлен разведывательный отряд 5-го корпуса (польского) Великой армии Наполеона. Во-вторых, неприятель потерял убитыми около 120 человек. В-третьих, со стороны российских войск действовали казачья бригада полковника Григория Дмитриевича Иловайского, получившего генеральский чин в 1813 г., а В.Д. Иловайский в это время состоял в отряде, вошедшем в Москву с севера. Чем прославились в бою под Медынью командир батальона 3-го полка Калужского ополчения майор Спафарьев и Путешников, мне не удалось выяснить. В-четвёртых, памятник 1854 г. был разрушен в 1942 г. и воссоздан в 1970 г., а вовсе не сохранился.

И всё же отрадно видеть, что некоторые из тех, кто сохранял память о 1812 г., не забыты — это И.И. Бессонов, Г.К. Зельницкий, П.А. Лямерти, А.А. Офросимов и И.Ф. Цветков.

Познакомимся теперь с упоминаниями о генералах в статьях, им не посвящённых.

В статье «Ермоловы» автор вспомнил, что эту фамилию носил и Алексей Петрович, переименованный в генерала от артиллерии в 1833 г., а не в 1837. В упоминании нет ни слова об участии Ермолова в бою за Малоярославец. Зато подчеркнута, что в 1855 г. он «был начальником ополчений сразу в 7 губ.». Автор не знает, что избрание начальником ополчения ещё не означало фактического командования им. Для этого надо было быть утверждённым императором. А утверждён Ермолов был только начальником государственного подвижного ополчения Московской губернии.

Для придания значимости статье о роде Раевских автор упомянул в ней Н.Н. Раевского как «участника Отеч. войны 1812». Зато Сухожанет Иван Онуфриевич (а не «Н.О.») назван «героем Отеч. войны 1812» в статье «Муромцево». А А.И. Чернышёв назван даже «известным героем Отеч. войны 1812» в статье «Чернышёвы». Интересно, чем руководствовались авторы, называя одного участником, а другого героем или даже известным героем Отечественной войны 1812 г.?

В статье «Коссаковские» упомянут граф Юзеф Антоний (Иосиф), бригадный генерал литовских войск, командир литовского полка пеших стрелков, состоявший в числе польских адъютантов императора Наполеона I. Однако автор

этой статьи переписал из аналогичной статьи Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, что граф был «губернатором Москвы во время занятия её французами в 1812». Это заблуждение, ибо губернатором Москвы был назначен Наполеоном герцог Тревизский маршал А.Э.К.Ж. Мортье. Меня удивляет другое: если есть сведения о Ю. Коссаковском, то логично было бы поместить в энциклопедии статьи о маршалах и генералах наполеоновской армии, сражавшихся на Калужской земле. И другое – зачем повторять энциклопедическую статью 1895 г.? Вообще-то, ранее считалось неприличным переписывать статьи из энциклопедии в энциклопедию. Неужели за 150 лет краеведы не определили, какие земли и каким Коссаковским принадлежали в Калужской губернии? А если определили, то об этом бы и писали. Остаётся только предположить, что Калужскую энциклопедию готовили в пожарном порядке, писать заново было некогда, поэтому собирали материалы откуда только можно. Где уж тут проверять достоверность или обновлять устаревшую информацию. Стыдно и обидно, господа составители, ведь редактирования статей фактически не ощущается: нет единства понятий и терминов, указаний мест и дат рождения и смерти, конкретики, частые повторения, разночтения, устаревший ссылочный аппарат, фактические ошибки и т.д., и т.п.

Посмотрим теперь критически на персональные статьи, посвящённые генералам 1812 г.

Оказывается, К.Ф. Багговут родился в 1781, а не в 1761 г. Если верить статье, то как совместить с этим получение им генеральского

чина в 1799 г.? А дело в том, что в 1781 г. Багговут начал службу, в 20 лет, и через 18 лет стал генералом. Однако его нельзя назвать «кавалером всех российских орденов своего времени», так как он не имел ордена Св. Андрея Первозванного. В Тарутинском сражении Карл Фёдорович был убит, а не смертельно ранен.

Автор статьи о Д.В. Давыдове отправил генерала в отставку в 1823 г., не зная или не придав значения тому, что в 1826 г. он снова вернулся на службу, в 1831 г. удостоился чина генерал-лейтенанта и окончательно оставил службу в 1832 г.

Хочу подчеркнуть, что статья о Д.А. Делянове – единственная, имеющая ссылку на формуляр генерала в Российском государственном военно-историческом архиве, поэтому и замечаний к ней у меня нет.

И.С. Дорохов окончил не Инженерный кадетский корпус (такого и не было), а Артиллерийский и Инженерный шляхетный кадетский корпус. Очень жаль, что А.Н. Сеславину не нашлось места в энциклопедии, а ведь именно он обнаружил, что наполеоновские войска оставили Москву и движутся к Калуге в обход Тарутинского лагеря российских войск, надеясь их скрытно обойти. Дорохов лишь обнаружил неприятеля на Калужской дороге, для уничтожения неприятельских войск Кутузов направил корпус Д.С. Дохтурова.

В статье о Д.С. Дохтурове утверждается, что он «возглавил оборону Смоленска». Справедливости ради следует добавить лишь 3 слова: «на второй день». В Бородинском сражении после ранения П.И. Багратиона Дмитрий Сергеевич «принял командование левым крылом 2-й армии». И этого словосочетания надо либо исключить слова «левым кры-

лом», либо – «2-й», чтобы оно соответствовало действительности. Следующую фразу статьи вообще трудно понять: «В Тарутинском лагере корпус Д. вместе с корпусом К.Ф. Баговута составлял первую линию боевого укрепления». Дело в том, что их корпуса составляли первую линию расположения войск или их боевого порядка в лагере. А укрепления защищали весь Тарутинский лагерь со всеми линиями войск. Автор статьи забыл, что в бою за Малоярославец участвовали не только войска 6 и 7-го, но и полки 3 и 8-го пехотных корпусов. Неточно утверждение, что Дохтуров «по окончании войны с Францией вышел в отставку», так как война для России закончилась в 1814 г., а Дмитрий Сергеевич оставил службу в 1816 г.

Автор статьи о Я.П. Кульневне неправильно указал дату смертельного ранения генерала – 30 июля. Если считать по старому стилю, то это случилось 20 июля 1812 г.

Надо умудриться, чтобы не указать в использованной литературе ни одной монографии о М.И. Г.-Кутузове и ни одного источника! Неправильно указан год рождения полководца: 1745-й вместо 1747-го. Место его рождения не может быть названо однозначно, а Санкт-Петербург – одна из версий. В статье не сказано, что генерал-фельдмаршал имел двойную фамилию Голенищев-Кутузов, в июле 1812 г. был награждён титулом светлейшего князя, а с получением ордена Св. Георгия 1-го класса стал первым полным кавалером этого ордена, что известие о присвоении чина генерал-фельдмаршала он получил, совершая Тарутинский марш-манёвр (9 сентября 1812 г.). Кутузов окончил не Дворянскую артиллерийскую школу, а Ар-

тиллерийскую и инженерную школу и не в 1759-м, а в 1761 г., после чего был назначен в Инженерный корпус, а не в Астраханский пехотный полк. Кутузов преподавал арифметику, учась в школе, в солдатском классе при ней. Кутузов был трижды ранен в голову, в первый раз при штурме д. Шумы под Алуштой. Пуля ударила в левый висок, прошла вдоль лба и соскользнула у правого виска, повредив при этом нервы управления движением века и правого глаза. В глаз Кутузов ранен не был, и глаз у него видел, но постепенно закрывался. Оказывается, должности Киевского и Литовского военного губернатора, главнокомандующего Дунайской армией автор статьи считает «второстепенными постами». Кутузов сначала был избран начальником Московского, а потом Петербургского ополчения, но известие из Москвы пришло после утверждения его начальником Петербургского ополчения. В ходе Малоярославецкого сражения Кутузов в город не въезжал, поэтому ошибочная надпись на памятном знаке перед Черноостровским монастырём заменена и ныне повествует не о месте командного пункта полководца, а о подвиге российских воинов. Бюст Кутузова скульптора Н.Г. Прозоровского в 1987 г. заменён бюстом скульптора С.И. Герасименко.

И наконец, обратим внимание на Ю.И. Поливанова, чей отряд не входил в Калужское ополчение. Сведения о нём в 7-м выпуске «Российского архива» (а не «Русского») неоднозначны, а в указанных автором местах труда М.И. Богдановича (Т. I. С.185 и Т. II. С.47) нет ни слова о Поливанове и его отряде.

К числу крупнейших событий в истории Отечественной войны

1812 г., совершившихся на Калужской земле, справедливо отнесены Тарутинский бой и Малоярославецкое сражение. Однако статьям этой тематики отведены менее чем по 2000 знаков, или около одной машинописной страницы. И даже в этом микрообъёме допущен ряд неточностей. Так, расположение войск в 1-й линии Тарутинского лагеря объединено с авангардом армии, стоявшим перед лагерем. Идущая на Калугу армия Наполеона ещё не была отступающей. Таковой она стала после Малоярославецкого сражения, когда повернула на Старую Смоленскую дорогу. А Кутузов не мог в ходе Тарутинского боя «получить донесение об отходе армии Наполеона из Москвы», ибо это случилось после того, как Наполеон узнал о результатах боя.

В статье «Малоярославецкое сражение 1812 г.» читаем: «Установив, что на М. идут гл. силы Наполеона, Дохтуров поспешил к Малоярославцу». Во-первых, «установил» не Дохтуров, а А.Н. Сеславин, о котором в энциклопедии нет и помину. Во-вторых, «спешить» ему приказал Кутузов. Обидно, что в литературе к статье не упомянута статья А.А. Васильева, единственное подробное фактографичное описание сражения за последние 190 лет, впервые опубликованное в малоярославецком сборнике в 1992 г.* Не менее обидно, что в статье, как и в энциклопедии, нет даже упоминания о герое сражения полковом священ-

нике Василии Васильковском, первом в истории русской православной церкви и российских наград и единственным за время военных действий 1812–1814 гг. удостоенном ордена Св. Георгия (4-го класса).

Очень жаль, что, признавая значимость событий Отечественной войны 1812 г. для Калужской губернии, составители не сочли нужным включить в энциклопедию статьи «Отечественная война 1812 года в Калужской губ.», «Калужское ополчение 1812», «Военнопленные Великой армии (армии Наполеона) в Калужской губ.», «Действия партизан 1812 на территории Калужской губ.», «Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года», «Тарутинский филиал КОКМ», «Калужский областной краеведческий музей», «Калужская губ. в 1812» и ряд других.

Познакомившись с Калужской энциклопедией и сравнив её с подобными справочными изданиями Омска, Кишинёва, Киева, Смоленска, Петербурга, Москвы и другими, невольно удивляешься её обособленности, замкнутости, отгороженности от других энциклопедических изданий, в которых можно было бы почерпнуть немало полезного составителям и редакторам калужского фолианта. Остаётся уповать лишь на возможное «новое издание энциклопедии, которое будет более полным», как пообещал В.Я. Филимонов.

А.А. Смирнов

---

* Васильев А.А. Малоярославецкое сражение в Отечественной войне 1812 года // Малоярославец (очерки по истории города): к 180-летию Отечественной войны 1812 года. [Малоярославец], 1992. С.16–87. К 190-летию Отечественной войны 1812 г. работа А.А. Васильева вышла отдельной книгой: Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12/24 октября 1812 года. Малоярославец, 2002. (ред.).